

КАМЧАТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Для человека, начинающего интереснейший путь знакомства с историей Камчатки, главными вехами на нем являются фундаментальные книги, принадлежащие перу С. П. Крашенинникова, К. Дитмара, Н. В. Слюнина, М. А. Сергеева и других авторов. В их ряду заметное место занимает работа А. С. Сгибнева «Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 гг.», впервые напечатанная в 1869 г. в одном из наиболее либеральных изданий второй половины XIX в. — журнале «Морской сборник». Особую ценность ей придает использование материалов сибирских архивов, значительная часть которых ныне утрачена. На Камчатке эта работа имеется в нескольких копиях и на фотопленке. Эта публикация является первой с момента издания оригинала. Надеемся, что это сделает ее более доступной для исследователей и простых читателей, интересующихся историей своего края.

В настоящем издании приведена часть работы, охватывающая период с 1650 по 1772 г. Ее публикация будет завершена в следующем выпуске «Вопросов...»

А. С. СГИБНЕВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ГЛАВНЕЙШИХ СОБЫТИЙ В КАМЧАТКЕ с 1650 по 1856 гг.

Александр Степанович Сгибнев (31 декабря 1826 — 26 июля 1881), капитан 1-го ранга, военно-морской историк, исследователь Балтийского моря и р. Шилки. Родился в Кронштадте в семье подшкипера ластового экипажа. В 1846 г. окончил 1-й Штурманский полуэкипаж, произведен в кондуктора Корпуса флотских штурманов. В 1846—1850 гг. выполнял съемку и промеры Балтийского моря. В середине 1851 г. прибыл в Иркутск. Выполнял промер р. Шилки с целью установления возможности судоходства по ней. В 1853 г. назначен командиром парохода «Амур». В 1852—1854 гг. руководил постройкой в Сретенске барж и гребных судов. В 1854 г., командуя пароходом «Аргунь», участвовал в первом сплаве по р. Амур войск, продовольствия и грузов для Камчатской флотилии. В июле 1854 г. назначен помощником начальника Аянского порта, в октябре 1856 г. — адъютант Морского управления штаба Восточно-Сибирского военного округа. В 1862 г. — правитель дел Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества, с середины 1864 г. — дежурный штаб-офицер, в 1864—1866 гг. заведующий канцелярией Морского управления. В ноябре 1866 г. командирован в Санкт-Петербург по делам службы. В сентябре 1869 г. переведен на Балтийский флот, в 1871 г. прико-

мандирован к канцелярии Морского министерства. В 1873—1874 гг. вице-директор канцелярии Морского министерства, работал в комиссии по разбору и описанию дел архива министерства, а в 1880 г. — надзирал за архивом флота.

Историческую деятельность начал в Иркутске. Публиковал статьи в журнале «Морской сборник»: «Навигацкие школы в Сибири», 1866, № 11, «Командиры Охотского порта», 1869, № 11—12, «Исторический очерк главнейших событий в Камчатке», 1869, № 4—8. В 1871 г. опубликовал «Обзор заграничных плаваний судов русского военного флота с 1850 по 1868 г.», в 1872 г. — книгу «Русские кругосветные путешествия с 1803 по 1849 г.».

Похоронен в Санкт-Петербурге. Именем А. С. Сгибнева названы две банки в Рижском заливе [Морской биографический справочник Дальнего Востока России и Русской Америки. XVII — начало XX вв. // Сост. Б. Н. Болгурцев. — Владивосток, 1998. — С. 170—171].

I. 1650—1742 гг.

В то время, когда часть предприимчивых якутских казаков делала открытия около Охотского моря, другая партия проникла со своими поисками к берегам Ледовитого моря, избрав р. *Колыму* исходным пунктом своих открытий в северо-восточной части Сибири.

Нам неизвестно, кому принадлежит честь открытия этой реки, но достоверно только то, что в 1644 году казак Михайло Стадухин (якутский казачий десятник, вновь побывал на Колыме в 1648 г. В 1650 г. по суше перешел с Колымы на р. Анадырь, на следующий год открыл р. Пенжину и Гижигу. В 1653 г. первым прошел морем вдоль берега до Тауйской губы. В 1663 г. впервые доставил в Москву сведения о р. Камчатке. За открытия в Сибири произведен в казачьи атаманы. Умер в 1665 г. — *Ред.*) построил Нижне-Колымский острог и, возвратившись в Якутск, первый доставил известие о таинственном и свободном племени *чукоч*, об острове, лежащем против устья р. Колымы (последние путешествия показали, что остров, который описывал Стадухин, — маленький Крестовский остров. — *Авт.*), с которого добывают чукчи моржовую кость, и о реке *Анадыр* (Погыча, Повыча, Ковыча), впадающей будто бы в Ледовитое море, восточнее р. Колымы.

Слухи эти быстро распространились между якутскими промышленниками и казаками, которые, пренебрегая предстоящими им опасностями, пустились на утлых своих ладьях (*шитиках*) по Ледовитому морю к востоку от устья р. Колымы и открыли чукотскую землю.

В 1646 г. Федот Алексеев, прикащик купца Усова, и казак Семен Дежнев (родился около 1605 г. в Устье Великом, казачий атаман. В 1641—1643 гг. вместе со Стадухиным участвовал в походах на север Сибири. В 1647 г. во главе экспедиции приказчика Ф. Алексеева (Попова) вышел из устья р. Колымы, предпринял первую попытку пройти на кочах на восток. Летом 1649 г.

основал Анадырское зимовье. В 1654 г. пытался пройти морем за Олюторскую губу. В 1662 г. вернулся в Якутск, через два года прибыл в Москву с «государевой казной». Позже служил на Чечуйском волоке, на р. Оленек и Вилюй. Летом 1670 г. вторично отправлен в Москву сопровождать соболиную казну. Умер в Москве в начале 1673 г. — *Ред.*) отправились в июне месяце на четырех *кочах* (*кочи* суда плоскодонные, с одною палубою, длиною около 12 сажень, соразмерной ширины; ходили греблею и под ровдужными (кожаными. — *Ред.*) парусами при попутном ветре; якоря имели деревянные, с привязанными к ним большими камнями. — *Авт.*) отыскивать р. Анадыр, о которой слыхали, что она впадает в Ледовитое море, и хотя попытки их два года сряду были безуспешны, за множеством льдов в море, но это не охладило их предприимчивости, и в 1648 г. июня 20 они на 7 кочах вышли из р. Колымы в новый поход. Нам неизвестно, что случилось с четырьмя кочами, а о плавании остальных трех под начальством Алексеева, Дежнева и казака Анкудинова сохранились сведения из донесения Дежнева.

Повествование свое Дежнев начинает от Большого Чукотского носу. Мыс этот, по замечанию его, состоит весь из камня, находится между севером и северо-востоком и поворачивает кругом в сторону р. Анадыра. На русской, т. е. на западной, стороне Чукотского носа впадает в море речка *Становые*, близ которой чукчи устроили род башни из китовых костей. Против самого мыса лежат два острога, на коих видели чукчей с прорезанными губами и продетыми в них кусками моржовых зубов. От мыса к р. Анадыру попутным ветром можно достигнуть в трое суток, и в такое же время дойти сухим путем; первый мыс от Колымы назван *Святым* (вероятно, Шелагский мыс. — *Авт.*), и для Дежнева особенного примечания был достоин потому, что коч Анкудинова на том месте разбился.

В кратком, недостаточном описании Дежнева не упомянуто ни о губе Чаун, ни о Колюченском острове, ни о других приметных местах, которые должны быть усмотрены на пути из Колымы до Берингова пролива.

Казаки с кочи Анкудинова перебрались на остальные два коча и 20 сентября дрались на берегу с чукчами, причем Алексеев был ранен. Им было уже не до покорения чукоч, потому, во-первых, что, самое главное, они узнали, что в земле чукоч *всюду тундра, холод и безлесье*. Вскоре после того буря разлучила оба коча. Коч Дежнева носила по морю до октября месяца и, наконец, выбросила на берег к югу от р. Анадыра, *не в малом расстоянии*, вероятно, около р. Олюторы.

Дежнев с находившимися при нем 25 казаками отправился пешком для отыскания р. Анадыра; но за неимением проводника он пришел к этой реке только чрез 10 недель, не в дальнем расстоянии от ее устья, где не было ни людей, ни лесу. Наскоро построив лодку из наносного лесу, Дежнев послал 12 чел. вверх по Анадыру для отыскания продовольствия. Но партия эта

блуждала 20 дней и, не найдя ни людей, ни пищи, возвратилась к устью реки, лишившись более половины товарищей, умерших от голоду.

В следующем 1649 г. Дежнев с остальными товарищами пошел на лодке вверх по Анадыру и вскоре встретился с многочисленным племенем *анаулов*, которые заплатили ему ясак; но впоследствии за непокорность были совершенно истреблены. Дежнев построил *Анадырский* острог в 480 верстах от устья, который и был первый острог на камчатской почве, служивший потом оплотом против нападений туземцев.

Между тем на р. Колыме, по выходе в море Дежнева, казаки узнали, что устье р. Анадыра должно искать на северном берегу Чукотской земли, и что кратчайший путь туда лежит по горам, чрез которые взялись провести их *ходынцы*, народ, живший в верховьях р. Анюя и покоренный русскими в 1650 г. По этому поводу образовалось новое общество для отыскания устья р. Анадыра. Партия эта 23 марта 1650 г. выступила в путь чрез горы под руководством Семена Моторы и 23 апреля соединилась на р. Анадыре с Дежневым. Вслед за этой партией вышла сухим путем для отыскания р. Анадыра другая партия казаков под начальством Михаила Стадухина (в Сибирском Вестнике сказано неправильно, что Стадухин отправился на Анадырск морем. В руках наших были подлинные документы о его путешествии. — *Авт.*), который провел семь недель в пути, пока дошел до Анадыра и, будучи в ссоре с Дежневым и Моторою, обошел их зимовье и действовал от них отдельно. Дежнев и Мотора, желая также избежать встречи с *завистливым* Стадухиным, пошли на р. *Пенжину*, но за неимением проводника принуждены были вернуться на Анадыр.

После того Дежнев и Мотора построили суда на р. Анадыре, чтобы идти по морю для отыскания новых рек; но намерение их не осуществилось за смертью Моторы, который был убит в 1651 г. в сражении с анаулами. В том же году (а не в 1652 г., как говорит Миллер, ибо в подлинных документах Дежнева сказано: «А на коргу мы прашли 159 года», т. е. 7159 г. от сот. мира, канун Петрова дня и Павлова, верховных апостолов. — *Авт.*) Дежнев доходил на лодках до устья Анадыра, где нашел отмель, простирающуюся далеко в море по северную сторону устья. На этой карге (на сибирском наречии отмель. — *Авт.*) Дежнев добыл для казны 3 пуда, а счетом 14 моржовых зубов (клыков. — *Ред.*).

В 1653 г. Дежнев готовил лес для постройки коча, на котором предполагал отправиться в Якутск морем, *но, рассудив, что море большое и сувои* (водвороты, течения. — *Ред.*) *велики, без доброй снасти судовой и без добраго паруса и якоря идти нельзя*, к тому же и берег Чукотской земли не всякое лето бывает так чист ото льдов, как был он во время его плавания, — отложил свое намерение. В следующем году Дежнев предпринял вторично путешествие к помянутой мели и взял с собою Юрия Селиверстова, прибывшего

27 апреля 1654 г. из Якутска с предписанием промышлять в пользу казны моржевые зубы. Селиверстов утверждал, что он и Стадухин открыли эту мель, названную *Анадырскою каргою*, в первое морское путешествие Михаила Стадухина в 1649 году; но Дежнев доказывал противное. Возникшему от этого спору мы и обязаны известием о плавании Дежнева.

Дежнев, продолжая плавание около карги, видел коряков и между ними узнал якутку, жившую прежде с Федотом Алексеевым. Она сказала ему, что Федот и Анкундинов от цинги умерли, многие из их товарищей убиты, а малое число осталось на лодках, но куда ушли и что с ними случилось, она не знает.

Впоследствии же открылось, что остальные казаки при благополучной погоде плыли подле берегов к югу, зимовали на р. *Русаковой* и на следующую весну пришли к р. *Камчатке*, где и расположились на жительство. Покоритель Камчатки пятидесятник Атласов в 1697 г. узнал от туземцев, что много лет тому назад жил у них некто Федотов (может быть, сын Федота Алексеева) с товарищами при устье р. *Никулы*, которую потом русские прозвали *Федотовскою*. Камчадалы боялись их, пока русские не перессорились между собою и разодрались. Тогда камчадалы, увидя кровь, убедились, что и русские смертные, и потому, чтобы освободиться от них, соединились с коряками и всех русских побили. Во время первой камчатской экспедиции еще видны были остатки хижин, в которых жили русские. Только никто не мог сказать, с какой стороны они пришли сюда. О дальнейшем же путешествии Дежнева нет никаких сведений.

Между тем казак Михаил Стадухин по окончательном истреблении племени анаулов построил на устье р. Анадыра шитики и в 1656 г. отправился на них с товарищами к югу, обогнул полуостров Камчатку и вышел в Охотское море, на берегу которого построил *Тауйский острог* (Миллер и Врангель говорят, что Стадухин пошел на р. Пенжину, и что о нем не получено никаких вестей. Но мы имели на руках документы о его плавании. — *Авт.*).

По заведении острога на р. Анадыре казаки остались в нем постоянными жителями, завелись домами, построили церковь и содержали себя на собственный счет, потому что из Якутска по трудности сообщения и отдаленности в течение 78 лет (с 1650 по 1728 гг.) им не доставляли ни жалования, ни провианта; продовольствием же служила им рыба и оленья мясо. Покорив окружающие Анадырск племена *юкагирей* (в 1691 г. почти все племя юкагиров погибло от оспы. — *Авт.*) и *коряк*, обитавших на северном побережье Охотского моря, казаки объясачили потом коряк оленных, кочевавших на правом берегу Анадыра между Пенжинским и Олюторскими морями. Коряки, надеясь найти в русских защиту против враждебных им соседей чукок, охотно отдавались под покровительство казаков и снабжали их в переездах своими оленями. Но как покорность коряк была сомнительна, то в 1679 г. был построен *Акланский острог* на р. *Хаяхле*, впадающей в Пенжину.

Вскоре казаки завладели всею площадью между реками: Акланом, Анадыром, Олютором и Таловкой. Площадь эта, с включением Анадырского острога, называлась в то время *Заносьем*. Анадырские служилые давно уже слышали о соседственной Камчатке, но уведомили о том якутское правление только в 1689 г., а в 1696 г. решили осмотреть эту землю. По приказу анадырского прикащика *Атласова*, прибывшего туда в августе 1695 г., казак *Морозко*, посланный с 16 казаками для сбора ясака с коряк на р. *Ануку*, впадающую в Восточный океан, проник далеко на юг, погромив один камчадальский острог на р. *Тигиль*, где взял *неведомые* (японские) письма; собрал достоверные сведения о Камчатке и узнал о существовании за ней целой гряды островов.

Получив эти известия, Атласов в 1697 г. сам отправился в поход на Камчатку с 55 казаками и 60-ю юкагирами. Склонив в подданство коряк в *Акланском*, *Каменском* и *Усть-Таловском* острожках и взяв один острожек с бою (острожек этот находился при р. Кчанучь, впадающей в р. Камчатку. Крашенинников застал на этом месте крест, поставленный Атласовым, со следующей надписью: «205 году 13 дня поставил сей крест пятидесятник Володимир Атласов со товарищами 55 челов.». — *Авт.*), перешел с Пенжинской губы на олюторский берег Восточного моря. Здесь Атласов разделил свою команду на две партии: одну под начальством Морозко отправил по восточному берегу полуострова, а с другою пошел сам вдоль берега Пенжинского моря. На Тигиле обе партии соединились и вместе прошли по пенжинскому берегу на юг до р. *Нынгучу*, получившей название *Голыгиной* от имени потерявшегося здесь казака. При возвращении же назад с р. *Ичи*, перешел через хребет на р. Камчатку, заложил на ней *Верхнекамчатское зимовье* и, оставив в нем Потапа Серюкова с 15 казаками, воротился в Анадырск. 2 июля 1700 г. Атласов был уже в Якутске, откуда отправлен в Москву с донесением о покорении новой страны, за что и был пожалован сперва в пятидесятники, потом в якутские казачьи головы и назначен правителем в Камчатку.

В Москве Атласов сообщил следующие сведения о своем пути в Камчатку, о самой Камчатке и Курильских островах, переданных нам в летописи Есипова.

«От Якутска переплыл через р. Лену на лодках и взял конных, под всех 13 человек служилых, подводы. Шли *еланными* и луговыми местами до Алдана реки с дня три. Переправились через р. Алдан против р. *Токулана*; подле той реки по правой стороне вверх шли 11 дней, и тут захватила их зима. С Токулана переправились на вершину *Яны*, через Камень, 1 день, и шли по той реке 2 недели до *Верхоянского* зимовья. Оттуда перешли на *Атанан* реку, а с Атанана на *Голяндину* речку, впадающую в *Индиگیرку* под Индиگیرским острогом, и шли до того острога на конях. Всего от Якутска до того места шли, с простым, недель с семь; а из того острога вниз шли по Индиگیرке реке на оленях 6 дней до *Уяндинского* зимовья, а Уяндинка река шла в Индиگیرку

с левой стороны; от Уяндина шли на большое место по Индигирке и перешли через хребет до *Алазейского* зимовья 10 дней, а из того Алазейского зимовья на оленях же шли через хребет до р. Колымы, до урочища Юрманш, 2 дни, а потом по Кокбеме вниз 10 дней на нартах до *Нижнеколымского* зимовья. А то зимовье близ самага устья, и от него шли через хребет до *Яблонной* реки и по Яблонной вниз до Анадыра реки, и по Анадыру вниз до Анадырского острогу 4 недели, а на легких, весною, выходят и в 3 недели, и в подводы лошадей и оленей нанимали у ясачных иноземцев. Между Колымою и Анадыром реками *необходимый* нос впал в море, и в левой стороне того носа на море летом бывают весенние льды, а зимою то море стоит замерзши; по другую сторону того носа весною бывают льды, а во все лето не бывают. На том носу он не бывал, тамошние иноземцы чукчи, которые живут около того носа и на устьи Анадыра, сказывали, что против того носа есть остров, с того острова зимою, когда море замерзнет, приходят иноземцы, говорящие своим языком, и приносят соболи плохие.

В Анадырском зимовье собрал он Володимир 60 человек служилых и промысленных, а что с теми людьми учинил и куда ходил, то писано в Якутск. Да сверх того он сказал: что идучи в Камчадальскую землю и из камчадальской земли питались они оленями и рыбою, имея у инородцев оную рыбу и сами ловили сетями. А рыба в реках морская, породы особой, походит однако на семгу. Иных рыб много, семь разных родов, и на русския рыбы не походят. Идет той рыбы из моря по тем рекам много, и назад та рыба не возвращается и помирает в тех реках.

По тем рекам звери: соболи, лисицы и выдры. Ходили они по Камчатке реке летом и зимою на оленях, зимою в нартах, а летом верхом. Зима в камчадальской земле тепла, против московского, и бывают снега небольшие, а в курильских иноземцах (в Курильской землице, т. е. на юге Камчатки. — *Авт.*) снега бывает больше против Якутска вдвое, и в Курильских солнце летом ходит против человеческой главы, и тени от человека не бывает. В Курильской земле у моря птиц: уток, чаек много, а ржавцов, гусей, лебедей бывает и больше того. Дожди, молнии и громы бывают большие и часто. Овощи в Камчадальской земле и Курильских суть: агоды брусника, черемуха и жимолость; тамож обретается трава, которую иноземцы называют *Абагатка*; иноземцы эту траву сушат на солнце и едят, а как ту траву изомнут, станет мелка и бела, как мука, и сладка, будто сахар. Деревья там растут малья: кедры величиной против можжевельника; березнику, лиственничнику и ельнику много, и на Пенжинской стороне по рекам растет березник и осинник.

На Пенжинской стороне живут коряки густобородые, лицом русоватые, росту среднего, говорят своим языком, живут без всякой веры; но имеют из своей братии шаманов, и что им надобно, о том и шаманят: бьют в бубны и кричат. Одежду и обувь носят оленью, а подошвы нерпичьи; едят же рыбу,

всякого зверя и нерпу. Юрты у них оленьи и ровдужные (сделанные из шкур, выделанных в замшу. — *Ред.*).

А с теми коряками живут иноземцы, языком и во всем подобны корякам, и называются люторцы; юрты у них земляные, подобны остятским. А с теми люторцы живут камчадалы, ростом же не велики, с бородами средними, лицом походят на зырян, одежду носят соболью, лисью, оленью, а пушат то платье собольями. Юрты у них зимняя земляные, а летняя деревянные, на столбах, вышиною от земли три аршина, намощены досками, покрываются еловым корнем и ходят в те юрты по лестницам; юрта от юрты стоят не близко, и в одном месте юрт ста по три и по четыре. Питаются они сырою рыбою и зверем и запасают их в зиму так: сырую рыбу складут в яму и засыпают землею, и та рыба изгниет, они вынимают ее и кладут в колоды, наливают водою и, разжегши камни, кладут в те колоды, нагревают воду и ту рыбу с тою водою размешивают и пьют. И хоть от той рыбы исходит такой смрадный дух, что русскому человеку по нужде можно терпеть. Посуду глиняную, горшки и кувшины, деревянную водяную делают сами, но есть у них и другая посуда, привезенная с острова. Веры у них никакой нет, только одни шаманы различны с иными иноземцами только тем, что носят волосы длинные.

По хребтам камчадальской земли живут коряки оленные, с коими камчадалы говорят коряцким языком. За камчадалскими вдали живут курильские иноземцы, которые видом против камчадалов черные и бороды меньше, и сказывают, что в той курильской земле против камчадальской теплее и одежду носят такую же, что и камчадалы, и соболи у них есть, только зело плохи, а бобров и лисиц красных много. Вдали же за теми курильскими иноземцами многие люди есть, и далече та земля от них неведома.

А устьем вверх по Камчатке реке с неделю ходу есть гора, подобно хлебному скирду, велика гораздо и высока, а другая близ ее подобно сенному стогу высока же, и с той другой горы днем идет дым, а ночью искры и зарево. Из под тех гор вышли реки клочевые, и вода зелена и светла. А вышеописанные иноземцы державства великого над собою не имеют и ясаку не платят, а живут по своей воле, и только кто из них богаче, того и почитают, меж собою род на род войною ходят, и драка бывает часто. Летом те все иноземцы мужескаго пола ходят наги, а к бою плохи и торопливы; жен имеют по одной, и по две, и по три, как по силе своей и по богатству, и не разбирая родства, яко беззаконники. Скота у них нет, только одни собаки. Соболей и лисиц промышляют кулемами у реки, где рыбы бывает много, и на деревьях стреляют из луков деревянных, а огненнаго оружия у них нет, и гораздо боятся русских, называя их огнеядцами, и бьются с русскими до тех мер, как увидят мертваго, испугаются и без бою потеряются. Зимом на бой ходят камчадалы на лыжах, а коряки оленны на нартах; один правит, а другой стреляет; летом же на бой выбегают пеши и наги. Татары к ним доставляют ножи, топоры, ножницы,

огнивы, иглы, уды, наперстки, бисер, всякой шелк, а от них берут соболей, лисиц, бобров, белку, горностаев и иную рухлядь недорогою ценою.

По Камчатке реке к морю посылал он Володимир казака для проведения иноземцев, и тот казак по Камчатке до моря был и сказывал, что он видел иноземцев от Еловки речки до моря 160 острогов, а в остроге в одной зимней юрте, и в иных острогах и в двух юртах живет людей человек по двести и больше, а летние юрты около острогов на столбах, у всякого человека своя юрта. До прибытия русских острогов у них не бывало, и знатно, что при русских людях построили острогов больше. И от тех острогов бьются, бросают камнями пращами из рук, а большим камнем мечут из рук с острожку и обвостренным кольем и палками бьются. И к тем острогам приступают русские из-за щитов и острожки те зажигают и станут против ворот, где им бежать, и в тех воротах многих побивают. А к земляным острожкам приступают русские, разрывают землю, а их иноземцев на острожек наверх взойти из пещали не допускают.

А по другую сторону камчадальской земли на море зимуют льды, не бывает только от Пенжины реки до Тигиля видать льда. А от Тигиля до устья Камчатки реки через камень скорым ходом переходят в 4 дня, а Камчаткою рекою на низ плыть в лодке до моря дней с пять. А против первой Курильской реки, на море, видел вдали, как острова кажется, и иноземцы сказывают, что подлинно там острова есть, и на тех островах города каменные, и в них люди живут царственные (это первое известие о Курильских островах и Японии. — *Авт.*), а какого государства и какие люди, про то сказать не умеют. Из тех островов к ним приходят ценная посуда и платье, да полосатых и пестрых китаек. Да они же курильцы (жители Лопатки. — *Авт.*) сказывают, что в камчадальской стороне, повыше Камчатки, у Бобровке речки приходят во все годы бусы (так называлось японское плавсредство. — *Ред.*), а что на бусах привозят, того не ведают.

А в море есть звери каты и нерпа, и каланы; в большую воду последние выходят на берег, и на земли их бьют напками и колят. А Амур река от тех мест доколе, про то он не ведает, а у пенжинских иноземцев для морского ходу бывают вместо лодок байдары, сшиты из нерпечей кожи, в длину по пяти и по шести сажен, а поперек полторы сажени, и в середине ставят деревянные распорки и решетку, и плавают в таких байдарах человек по 30-ти, по 40-ку. А у камчадалов бывают лодки меньше и поднимают человек до 20-ти, а иных судов не видали.

В камчадальской и курильской землях хлеб пахать можно, потому что места теплые и земля черная и мягкая, и иноземцы пахать и сеять не знают.

А полонянин, которого на бусе принесло, каким языком не ведает, а подобием как греканин: сухощав, ус не велик, волос черен, а как у русских увидит образ божий, зело плачет и говорит, что у них такие образа есть же. Тот поло-

нянин жил прежде у коряк два года. Он шел с ним Володимиром на лыжах из анадырского зимовья 6 дней, и стали у него ноги пухнуть, заскоробел и для того поворотил в Анадырский острог.

Да он Володимир вез с собою для подлиннаго ведома к Москве камчадальского иноземца, и тот иноземец говорил по-русски и в Новгородском уезде оспую помер. У сибирских иноземцев никакой учтивости нет, люди худые, никакой чистоты не имеют (из летописца Есипова. — *Авт.*)».

Атласов при обратном следовании из Тобольска в Камчатку со 100 человеками казаков сделал нападение на р. Тунгуске (так говорит Крашенинников в своем описании Камчатки; по летописи же Есипова — на р. Лене. Мы не имели возможности проверить этот факт. — *Авт.*), на гостя (купца. — *Ред.*) Добрынина и разграбил его судно, за что долго судился и посажен был в тюрьму. Вместо него послан был в Камчатку служилый Михайло Зиновьев.

Между тем, оставленный в Камчатке служилый Серюков, ожидая подкрепления, жил в остроге три года, производя с камчадалами торговлю. Наконец вздумал отправиться в Анадырский острог и на пути со всеми товарищами был убит коряками.

Зиновьев не успел еще прибыть на место, как в 1700 г. назначен был в Камчатку первый прикащик Тимофей Кобелев. С ним отправлено несколько человек казаков, в числе которых находились известные в истории Камчатки лица Козыревские, отец и сын (отец был убит в 1705 г. в сражении с туземцами. — *Авт.*).

Кобелев ехал из Анадырска до Пенжинского моря на оленях, а оттуда на кочах до *Пустого* острога. В донесении своем о прибытии в Камчатку, между прочим, он писал, что против устья р. *Харьюзовой* находится камень-голец, а напротив р. *Кораги* остров, до которого ходу на байдарках день.

Кобелев отместил корякам за смерть Серюкова, разорив их городок *Кохча*. Потом перенес Вехнекамчатское зимовье на реку Кали-Кыг, лежащую в $\frac{1}{2}$ версте от прежнего зимовья, и заложил *Нижнекамчатское* зимовье, а в 1704 г. выехал с ясачною казною в Якутск, сдав должность служилому Зиновьеву, о котором было упомянуто выше. Зиновьев перенес Нижнекамчатское зимовье на *ключи*, построил острог и первый завел ясачные книги, и перевел в Камчатку анадырских служилых с р. *Уки*, где они под командою служилого Кутына успели построить 6 зимовьев и обложили тамошних коряк ясаком.

В 1704 г. прислан на полуостров пятидесятник Колесов с казачьей командою. Он сидел на приказе по апреле месяце 1706 г., до отъезда с казною в Якутск.

Колесов около Верхнего зимовья построил острог *козельчатой* (обнесенный оградой из кольев. — *Ред.*), мерою вокруг 70 сажен, а вышиной *полтретья* сажени печатных; около Нижнего зимовья, что на р. Камчатке, на ключах поставил другой острог, мерою кругом 30 сажен, в вышину пол-тре-

тя сажени; на Большой реке построил зимовье для ясачного сбора. В 1705 г. он посылал на немирных *курил* и на их острожки казака Ламаева с 40 служилыми. Курилы не согласились платить ясака, и их было побито до 100 чел., а остальные покорились победителям (курилами называли в то время жителей южной части Камчатки, которая известна была под названием *Курильской землицы*. — *Авт.*). Колесов собрал на 1705 и 1706 гг. ясаку с камчатских иноземцев 88 сороков (88 сороков составляют 3 520 шкурок. — *Ред.*) 14 соболой, 5 лисиц чернобурых, до 900 сиводушек и красных и 93 морских бобра (калана. — *Ред.*).

В 1706 г. Колесов с этим сбором отправился из Камчатки в Акланский острог Пенжинскую губою на байдарах, сделанных их нерпичьей шкуры. Из Акланска до Индигирки шел он с командою на своих *проторях* (расходы, траты. — *Ред.*).

Колесов для сообщения сведений о Камчатке был вытребован в Москву, где в 1709 г. пожалован в дворяне по московскому списку, награжден серебряным ковшом в 2 фунта (русский фунт равен 409,5 г. — *Ред.*), *зорбафом* на золоте и 40 аршинами (аршин составляет 0,7112 м. — *Ред.*) коломьянки (полосатая пестрая шерстяная домотканая ткань. — *Ред.*). Кроме того, по резолюции бригадира и вице-коменданта князя Матвея Гагарина (Матвей Петрович Гагарин, первый сибирский губернатор, судья Сибирского приказа. — *Ред.*) положено ему жалования 16 руб., сын его Назар пожалован в дети боярские с служилым окладом, а сын Степан в сотники.

Между тем, казаки завелись здесь домами и хозяйством. Забирая в плен малолетних детей и женщин, они первых обращали в холопов, а вторые делались сперва невольницами, а потом женами, и до того иногда верными и привязанными, что не раз спасали своих мужей от злоумышлений их соотичей. От этих браков впоследствии возникло новое поколение, полурусское-полукамчадалское. Все домашнее хозяйство казаков и воспитание детей лежали на обязанности женщин, и потому хозяин, когда не был в походе, проводил время праздно и по большей части в ясачной избе, которая до заведения в Камчатке кабаков служила местом сборища. Здесь производились суд и расправа и игра в зернь и карты. Все свободное время проводилось в игре, которая нередко заставляла их уносить в избу последнее свое достояние, жертвуя даже личною свободою слуг, давая на них кабальные записи.

Прикащики, не всегда благонамеренные, заботились более о своих выгодах, чем об интересах казны; при сборе ясаков притесняли туземцев и тем вооружали их против себя. И хотя после некоторого сопротивления они и покорялись грому огнестрельного оружия, но, тем не менее, старались при всяком удобном случае истреблять русских.

В 1704 г. был послан из Якутска в Камчатку с 10 казаками сын боярский Протопопов (он же Верхотуров). Дойдя благополучно до реки Олюторы, он

в 1705 г. отправился с этой реки морем к р. Камчатке, и на пути он и 7 казаков были убиты на берегу олюторцами, а остальные 3 казака успели уйти на лодке на р. Камчатку.

Кроме того, коряки (Левка Танхагирев с родичами) убили служилого Василия Шелковникова, отправленного в 1705 г. из Якутска в Камчатку с 15-ю казаками для доставления туда пороху и свинцу. Вместе с Шелковниковым коряки убили 10 казаков, а остальные успели убежать в акланский острог, который коряки держали в осаде, пока в 1706 г. не подошел к ним на помощь Колесов, возвращавшийся с ясаками в Якутск. Колесов всех бывших в акланском остроге 15 казаков вместе со своими казаками послал сопровождать в Камчатку *пороховую казну*, «ибо, — писал он в Якутск, — в Акланском, за малолюдством, собрать ясак некому, а в Камчатке без пороху и свинцу надо опасаться бунту».

По выезде из Камчатки Колесова большеерецкие камчадалы (камчадалы в то время известны были под названием ительменов. — *Авт.*) напали на Большеерецкое зимовье и всех служилых людей побили. В то же время и на Бобровом море (Бобровым морем назывался в то время залив между Кроноцким и Шипунским мысами к северу от Петропавловской гавани. — *Авт.*) убит ясачный сборщик с 5-ю казаками.

В 1707 г. Атласов выпущен был из тюрьмы и снова послан с командою в Камчатку с правом *делать там суд и расправу, иметь совершенную власть над служилыми; виновных наказывать кнутом и батожем, а прежнюю вину и разбой заслужить прииском новых земель и доброю службою*; но Атласов еще на пути к Анадырску своими несправедливыми поступками успел вооружить против себя всех служилых, которые с дороги послали на него в Якутск донос. По прибытии же в Камчатку он принял в свое управление Верхний и Нижний Камчатские остроги и в августе месяце послал служилого татарина с 70-ю казаками к Бобровому морю для усмирения камчадалов. Партия эта около нынешнего Петропавловского порта встретила до 800 камчадалов, прибывших туда на байдарах. Камчадалы напали на русских, но многие из них были побиты, а остальные разбежались. Русских было убито до 6 человек. Отсюда партия возвратилась в Верхнекамчатский острог. После того была послана партия на Большую реку, но поход этот был не совсем удачен.

В декабре 1707 г. казаки, будучи недовольны Атласовым, самовольно сменили его и посадили под арест, послав при этом в Якутск донесение о его злоумышлениях и жестоком с ними обращении. Командиром же выбрали прикащика Верхнекамчатского острога Ломаева. Впрочем, Атласов сбежал в Нижнекамчатский острог и жил там праздно, потому что закащик Ярыгин не сдавал ему и там должности.

По получении в Якутске известия о поступках Атласова, назначили в 1707 г. прикащиком в Камчатку сына боярского Панютина и донесли

обо всем в Москву. С Панютиным отправлено было 55 чел. служилых, две медных пушки с 100 ядрами, порох и свинец. Около Пенжинского залива напали на него 10 июля 1709 г. при переправе чрез р. Карагу олторцы; убили Панютина с 10 человеками, а казну с аммунициею разграбили; остальные же служилые отбились и под управлением сына боярского Петра Чирикова пришли на Камчатку.

В управление Чирикова замечательны два обстоятельства: 1) неудачный поход на Большую реку пятидесятника Харитонова для усмирения туземцев. В походе этом было убито 8 ч. русских, много ранено, а остальные спаслись бегством и 2) разбитие у Авачинской губы японского судна, к которому ходил сам Чириков с 50 казаками и отбил у камчадалов 4 японцев. Чирикову было поручено произвести следствие на счет поступков Атласова, но он не успел приступить еще к следствию, как был сменен.

В 1709 г. прибыл на смену Чирикова пятидесятник Миронов-Линин с 40 казаками. Таким образом собралось в Камчатке три прикащика: Атласов, Чириков и Миронов.

Чириков, сдав Миронову командование Верхнекамчатским острогом, в октябре месяце поплыл на ботах в Нижнекамчатск, чтобы там перезимовать и весною выйти к Пенжинскому заливу, откуда отправиться с казною морем. Миронов же зимою отправился в Нижний острог для приучения людей к судостроению и, возвратясь обратно, был зарезан 23 января 1711 г. взбунтовавшимися тогда казаками, а 20 марта те же бунтовщики арестовали Чирикова и, закованного в кандалы, бросили в море. После того бунтовщики отправились в Нижний острог и зарезали там Атласова, застав его спящим (так рассказывает Крашенинников, а Спасский говорит, что он умер своею смертию. Но следственное дело показало, что все три прикащика были убиты. — *Авт.*). Здесь они разделили пожитки убитых прикащиков и, усилив свою партию до 75 чел., избрали казака Анциферова своими атаманом, а Ивана Козыревского (сына) есаулом. Бунтовщики ездили по полуострову для сбора ясака с туземцев, которых считали тогда до 10 000 чел.

На Тигиле разграбили съестные припасы, паруса и снасти, заготовленные Мироновым для служилых людей, назначенных к отправлению с казною Пенжинским заливом. Наконец, в апреле 1711 г. прибыли в Верхний острог, откуда послали в Якутск челобитную, в которой объяснили, что они убили Чирикова и Миронова за разные злоупотребления, но об Атласове не упомянули ни слова. Бунтовщики, чтобы загладить свои преступления, пошли из Верхнего острога на Большую реку и взяли Камчатский острожек, бывший на том месте, где ныне Большерецк. Здесь расположились на отдых и положили основание Большерецкому острогу, окружив его земляным валом.

Мая 22-го приплыло к острожку с неприятною (враждебной. — *Ред.*) целью множество камчадалов и курильцов. На другой день находив-

шийся при бунтовщиках архимандрит Мартимиан, присланный в 1705 г. из Тобольска в Камчатку для распространения христианства, отслужил молебен и благословил их. После того казаки сделали вылазку, напали на неприятелей и разбили их. По донесению казаков, урон туземцев был так велик, что трупами их была завалена Большая река; русских же было убито трое и несколько человек ранено.

После того бунтовщики пошли в курильскую землю и на небольших байдарах первые из русских плавали на Курильские острова. На первом Курильском острове обложили жителей ясаком и отняли у них три морских *карбаса*, на которых перешли на второй остров; но здесь встретили жителей, собравшихся для отражения русских. Казаки, не имея пороха, не решились вступить в бой и в сентябре возвратились в Большерецк.

В апреле 1710 г. к северу от Авачинской губы разбилось японское судно и из спасшихся с него 10 японцев 4 было убито камчадалами, а 6 взято ими в холопство. Из них один, *Санима*, был впоследствии отправлен в Петербург.

В 1711 г. приехал на смену Миронову казачий десятник Щепеткой (он же Севостьянов). Он, боясь Анциферова, предоставил ему начальствовать в Большерецке, а сам собирал ясак с туземцев в окрестностях Верхнего и Нижнего острогов. Но в 1712 г. Анциферов был убит камчадалами на р. Аваче. По смерти Анциферова прекратились на время и возмущения. Щепеткой посылал нарочно казаков ловить изменников, и один из пойманных объявил, что у них был заговор и против Щепеткова, которого хотели убить и после уйти на острова, где и поселиться; но заговор не исполнился только потому, что многие служилые не пожелали быть соучастниками бунта.

Щепеткой, оставя в Верхнем остроге прикащика Козырева, а в Нижнем Ярыгина, отправился из Камчатки с казною в 1712 г. 8 июля на построенных *своим коштом* (то есть своими средствами. — *Ред.*) на устье р. Камчатки судах, пошел морем до Олюторской реки и, поднявшись по ней, построил зимовье, огородив его валом для защиты от нападения олюторцов. В этом зимовье сидел он с 84 человеками до 9 января 1713 г., пока по просьбе его не прибыло подкрепление из Анадырска в числе 60 челов. Казна эта дошла в Якутск чрез Анадырск на оленях в январе 1714 г. (ясачная казна была послана в Москву с сыном боярским Ярославцовым, бывшим впоследствии с Шестаковым в деле с чукчами и пожалованным вместо Шестакова якутским казачьим головою. — *Авт.*). С 1707 г. не было вывозимо казны по причине беспрестанных нападений коряк. Все поморье от Аклана до Тауйской губы, населенное коряками, не признавало над собою русской власти. С 1703 по 1715 г. в проезде с ясачною казною погибло от коряк и русских бунтовщиков до 200 челов. служилых.

По выезде Щепеткого казак Киргизов взбунтовал в Верхнем остроге служилых людей, приплыл на ботах в Нижний острог и мучениями принудил

Ярыгина отказаться от власти, а острог сдал казаку Канашеву, который правил им до 10 сентября 1712 г., т. е. до прибытия в Камчатку прикащиком московского дворянина Колесова (того самого, который был уже в Камчатке пятидесятником). Киргизов же, подговорив себе еще 18 казаков и наделав множество всякого рода бесчинств в Нижнекамчатском остроге, возвратился в Верхний острог и был долго страшен Нижнему острогу.

Сибирский губернатор князь Гагарин, получив донесения о преступлениях, совершенных в Камчатке, дал в 1712 г. указ якутскому воеводе стольнику Ельчину: «Двух казаков, Пещеру и Норманского, за верную службу произвести в дети боярские, а прочим 70 казакам, не участвовавшим в бунте, быть и писаться конными, оклады их увеличить до семи руб., хлеба, ржи и овса давать по 6 четвертей, соли по 3 пуда, за службу похвалить и объявить, что будут еще пожалованы впредь великой милостию. Новому прикащику, посылаемому в Камчатку, наказать разобрать дело. Данилку Анциферова — смертью не казнить и служилым наказания не чинить, если они будут стараться заслужить против указа приведением в подданство немирных иноземцев или открытием новых земель».

Розыск казаков, убивших трех прикащиков, поручен был Колесову, которому велено было набрать с собою новокрещенных якутов, солдат и вольных всякого рода людей и взять одно духовное лицо для исполнения в пути треб. Колесов, прибывший в Нижний 10 сентября 1712 г., не застал в живых Анциферова; есаул Козыревский с товарищами, вызванные из Большерецка, штрафованы и отпущены заслужить свою вину на покорение Курильских островов. Но верхнекамчатские казаки Константин Киргизов и главный его сообщник Шабанов, явившись с партией своею в Нижний, не пошли на следствие и, укрепившись в домах, с угрозами требовали от Колесова позволения идти для исследования Карагинского острова, чтобы заслужить прощение. Видя твердость Колесова, они стали подговаривать к измене его казаков; но как и эта попытка не удалась, то воротились в Верхний, где партия разделилась и сильнейшая лишила Киргизова команды и выдала обоих возмутителей Колесову, по приказу которого они были повешены.

В апреле 1713 г. Козыревский с 55 челов. служилых отправился для разведывания Курильских островов и Японского царства. По возвращении же своем с островов, он представил следующее краткое их описание:

«От Лопатки до первого острова *Шумчу* перегребают на байдарах 2, 3 часа. Второй остров *Пурумушир* (Парамушир), жители которого делают из крапивы холст. Третий *Оникутан* (Онекотан). По западную сторону этих островов находятся три небольших острова. Четвертый *Араумакутан* (Харимкотан). Пятый *Сяскутан* (Шияшкотан). Шестой *Шококи*, на который приезжают японцы за рудою. Седьмой *Мотого* (Матуа). Осьмой *Шаиово*. Девятый *Ушишир*. Десятый — *Катуй*. Одиннадцатый — *Шимушир*. Двенадцатый

Итурупу, многолюдный, много рек, против устьев которых есть удобные места для якорной стоянки. Тринадцатый — *Уруп*. Четырнадцатый — *Күнашир*. Пятнадцатый — *Матемай*, на котором находится японский город. За ним лежит главный остров японского государства. Кроме этих островов в разных направлениях от них находятся небольшие острова».

В кратком своем описании о курильском походе Козыревский ничего не упомянул о самом путешествии, а ограничился только сообщением, что в Японии главный город Еддо и что японцы привозят на острова разные товары (Козыревский вывез с островов на свою долю на несколько тысяч *пожитков*, которые камчатский прикащик Петриловский у него *вымучил* и принудил его в 1716 г. постричься в монахи. В 1717 г. Козыревский построил между Нижним острогом и речкою Ключевскую пустынь. В 1720 г. он получил за курильский поход в награду 10 руб. и назначен строителем Покровского монастыря в 80 верстах от Якутска. В 1724 г. за расхищение монастыря Козыревский был закован и заключен под стражу, из под которой бежал и поступил секретарем к якутскому воеводе. Потом Козыревский бежал в Тобольск; но был пойман и снова закован. Тогда он объявил на архимандрита Феофана, виновника своих бед, *слово и дело!* (то есть обвинил его в государственной измене. — *Ред.*). За что оба они были отправлены в Тобольск. Здесь Козыревский был назначен в экспедицию Шестакова и после неудачного плавания по Лене на судне «Эверст» в 1729 г. с отписками явился в Москву, где хлопотал о награде за утрату имущества в Камчатке и постройку судна «Эверст». Сенат в 1730 г. определил выдать ему 500 руб. Но вскоре за какие-то новые преступления он был вытребован в тайную канцелярию и в 1732 г. расстрижен. — *Авт.*).

В 1713 г., в августе месяце, прибыл в Камчатку на смену Колесову дворянин Иван Енисейский. Он заложил на ключах церковь и перенес туда Нижнекамчатский острог, который и стоял на этом месте до бунта 1731 года, когда был сожжен вместе с церковью. По его распоряжению 120 служилых и 150 камчадалов ходили на авачинских инородцев, убивших Анциферова с 25 челов. Партия эта разгромила два острожка и принудила камчадалов платить ясак.

Местные беспорядки в Камчатке, по отдаленности страны, до 1713 г. оставались как бы незамеченными правительством; но убийство трех прикащиков и невысылка из Камчатки за несколько лет ясака побудили наконец местное начальство обратить внимание на этот отдаленный край.

Сибирский губернатор князь Гагарин для прекращения всех этих беспорядков назначил в Камчатку из дьячих детей Петра Татаринова, написав его в капитаны Тобольского драгунского полка, а якутской воеводской канцелярии (указ сибирского губернатора 13 февраля 1713 г.) получено наобласти за исполнением поручения, данного Татаринову, и снабдить его всеми потребными для того средствами.

Главнейшие пункты данной Татаринову инструкции заключались в следующем:

«Ехать из Тобольска в Камчатку, также ведать в Анадырский острог. Искать государственной прибыли, призывать в подданство инородцев, объясачивать их и брать аманатов (заложников. — *Ред.*), а которые не пойдут в подданство и не дадут аманатов, с теми поступать военным поведением. Виновных детей боярских и служилых бить батожем и по вине кнутом; если ж кого нужно, казнить и смертью, за великия вины, то чинить не отписываясь. Построить на Камчатке церкви и крестить инородцев с положенным для сего вознаграждением. Домогаться открыть путь в Камчатку морем. На немирных идти с пушками. Проведывать, не найдутся ли какая руды. Делать все дела на Камчатке, как вразумит Христос, не отписываясь».

Облеченный такою обширною властью, Татаринов по прибытии в Якутск усилил свою небольшую команду, состоящую из 58 драгун и казаков, 140 челов. служилых и казаков, и летом 1713 г. отправился по назначению; но по недостатку продовольствия в пути он едва мог попасть в Анадырск 26-го апреля 1714 г., и то только с несколькими служилыми, оставив остальных в разных зимовьях. Между тем бывший управитель Анадырского острога дворянин Афанасий Петров еще до прихода Татаринова отправился на р. Олютору для покорения здесь сидячих (оседлых. — *Ред.*) коряк и построения на ней острога, который бы обеспечивал приходящих туда морем камчатских прикащиков с ясаками. Взятие коряцкого острожка на Олюторе по неприступной местности было весьма затруднительно, тем более что у Петрова не было ни пушек, ни гранат, и потому, обложив острог, он решился засесть в нем заморить голодом.

Татаринов, получив об этом донесение Петрова, 1-го мая *отписал* ему: «Чинить над Олюторском военный поиск», а для усиления отряда послал несколько служилых и с ними ручные гранаты. С прибытием подкрепления Петров, построив *городки, крепко осадил* острог, а 6-го августа пошел на приступ. Приблизившись к частоколу, начал бросать из-за щитов ручные гранаты. Наконец острог был взят, и защитники его побиты все без исключения. Призвав затем в подданство коряцкого тоена (вождя. — *Ред.*) соседнего *Култушиного* острожка, Петров начал строить на р. Олюторе новый острог для упрочения камчатского пути. В это время, и именно 24 августа, в Олюторск прибыли на судах из Камчатки прикащики В. Колесов и И. Енисейский с ясачною казною (соболей (141 сорок) 5 640, лисиц красных 762, сиводушек 10, бобров морских 137, выдр 2 и 22 золотника золота, взятого с разбитого японского судна, и 40 руб. денег. — *Авт.*). Узнав здесь о назначении нового начальника, прикащики отправили Татаринову донесение о прибытии своем с ясаками и просили прислать помощь для переезда в Анадырск. Сперва Татаринов располагал сам отправиться в Камчатку; но, опасаясь оставить Ана-

дырск без защиты по малочисленности в нем команды, большая часть которой померла от оспы, свирепствовавшей в северо-восточной Сибири, отложил свое намерение, как бы предугадывая предстоящие события, и вместо себя отправил в Олюторск с командою пятидесятника Алексея Петриловского с поручением идти оттуда весною в Камчатку на судах, пришедших с Колесовым и Енисейским, и ведать там ясачный сбор.

Здесь нужно заметить, что Афанасий Петров, отправляясь в поход из Анадырска, увел с собою юкагир ходынского и чувачинского родов с их семействами и табунами. Юкагиры несли службу наравне с казаками, участвовали во взятии большого Олюторского острога, причем до 130 из них были ранены, а некоторые совершенно изувечены. По взятии же его занимались постройкой нового острога и содержали там караулы. По приказу Петрова, завидя олюторцев, они должны были догонять и убивать, а в доказательство, что олюторцы не были щадимы, обязаны были приносить пальцы убитых. Приказ этот исполнялся строго, и возвратившихся из погони без пальцев преследуемых тотчас вешали. Кроме того что юкагиры в продолжении всего похода кормили своими оленями служилых анадырской, а потом камчатской партий, у них убили несколько сот оленей для устройства вала вокруг острога, и вообще казаки распорядились их табунами более чем бесцеремонно. Наконец запасы оленей стали истощаться, и дошло до того, что у многих семейств не осталось ни одного оленя. Юкагиры умоляли Петрова отпустить их из под Олюторска на родные тундры, но тот не только не соглашался, но еще требовал с них ясак и уплаты за розданные им в долг при стоянке под Олюторском табак и проч. вещи.

Юкагиры, вынужденные крайним положением, обратились с тою же просьбою к капитану Татаринову и, кроме того, во внимание к услугам, оказанным ими казакам во время всего похода, просили освободить их на время от платежа ясака, которого настойчиво требовал Петров, а выданный в долг табак засчитать им за службу и увечье под Олюторским острогом. Татаринов, оценил заслуги дикарей, *послав им три фунта табаку*, и велел Петрову отпустить их на соболиный промысел для ясака. Камчатские же ясаки из Олюторска предписал отправить до Анадырска с оленными коряками, которые должны были собраться в начале зимы 1714 г. под Олюторск. Но приказ этот не был исполнен. Петров, не дождавшись коряк с оленями, вышел из Олюторска с камчатскими ясаками и прикащиками Колесовым и Енисейским на оставшихся юкагирских оленях, не вникая страдальческому положению дикарей, которых предстоящий голод приводил в совершенное отчаяние. В остроге же осталось 52 человека казаков.

Перенесенные юкагирами бедствия и притеснения вывели наконец их из терпения, и они решили отомстить казакам, и 2-го декабря, во время пути к Акланску, на вершине р. Таловки, приступили к исполнению своего замысла.

День был ненастный, бушевала страшная пурга, так что в дальнейший путь к Акланску решились отправиться только камчатские прикащики В. Колесов и И. Енисейский с несколькими казаками, дворовым человеком и одним крещеным коряком; а остальные остались в *Аргиша* станове. Дикари вскоре после отбытия прикащиков бросились на оставшихся в станове русских, убили дворян А. Петрова, С. Колесова и бывших с ними казаков и захватили всю ясачную казну. Спаслись от смерти весьма немногие.

Между тем камчатские прикащики, недалеко отъехавшие от места побоища, принуждены были вернуться в станове по причине сильного ветра и метели. На обратном пути анадырский житель Павлов первый наехал на тела убитых и дал знать о том прикащику. Тут же заметили, что несколько юкагиров, бывших с ними, оставив оленей, убежали. Енисейский, удостоверясь в смерти своих товарищей, бросился бежать с своими спутниками в Акланск. Юкагиры погнались за ними и успели захватить пятидесятника Матьянова, которого и закололи.

Русские бежали на оленях днем и ночью и 5-го декабря достигли Акланска. На другое утро 20-ть человек вооруженных дикарей подошли к острогу и объявили, что они убили Афанасия Петрова и служилых за обиды, налоги, разорения и взятки, что ясачную казну, доставшуюся им, сдадут акланским корякам для отвозу и сдачи в Анадырский острог, и что Колесова и Енисейского также убьют, а находящихся у них оленей отнимут и острог разорят. Угроза эта отчасти исполнена в тот же вечер: юкагиры отогнали 200 оленей Енисейского и осадили острог. 6-го декабря успел пробраться в Акланск прибежавший окольною дорогою спасшийся с побоища казак и подтвердил о смерти Петрова с товарищами.

В таком тяжком положении Енисейский обратился за помощью в Анадырск, отправив туда бывшего при нем крещеного коряка с письмом, в котором он, объяснив о случившемся, присовокуплял, «что при нем в Акланске только одиннадцать человек служилых; Акланск в осаде кругом от юкагирей, сбивающихся к измене, и акланских сидячих коряк; пороху и свинцу нет; жить весьма *туго, не ведают, куда голову приклонить*. Олени подводные и для пропитания отогнаны, и что нужна им помощь и подарки для акланцев и других коряк, чтобы и они не возмутились подобно юкагирам».

Татаринов на другой же день по получении письма отправил 16-го декабря порох, свинец и подарки. Но оба посланные воротились 17-го с объявлением, что ночью, подъехав к юртам пастухов анадырского казенного табуна, узнали от оставшейся здесь старухи о наезде сюда многих юкагиров, которые коряк перевязали, а табун отогнали; услышав же сами в юртах голоса юкагир, принуждены были бросить посланные с ними в Акланск вещи и окольными дорогами бежать в Анадырск.

В это время оставалось в Анадырске только сорок человек казаков, и потому не было возможности отрядить команду для выручки Акланска и камчатской казны. Татаринов собрал совет, который решил послать 19-го декабря тридцать человек вверх по р. Анадыру для поимки жен и детей возмущившихся около Анадырска юкагирей.

Для усиления отряда велено было взять оставленных Татариновым в дороге людей, а также с р. Ангарки разные казенные вещи. Затем в Акланск к камчатским прикащикам отправлено (1-го января 1715 г.) письмо, а 1-го февраля указы в Акланск и в новый Олюторский острог о том, чтобы сами принимали меры к усмирению дикарей, по недостатку в Анадырске служилых. Посланным с указами поручено уговаривать юкагирей придти в повиновение, а акланским корякам объявить милость, если останутся верными. Предоставив таким образом исход возмущения счастливому случаю, Татаринов донес в Якутск, что дела на Камчатке в дурном положении.

Долго потом Татаринов не имел никаких вестей об участии осажденных. Первое известие о дальнейшем ходе дел на полуострове получено им от сержанта Афанасия Сургутского, ясачного сборщика на р. Пахачи. Сургутский доносил Татаринову, что, идучи с ясаками в Анадырск, на Таловке, на месте юкагирских юртовщиков, нашел он резанные бобры и прочие вещи, видимо, принадлежавшие русским, а потому и решился проведать Олюторский острог. На пути к острогу встретил казачью жену с братом, которые объявили ему о смерти Петрова. Он тотчас же распорядился послать об этом в Анадырск донесение с бывшим при нем крещеным коряком, который, пришедши в Акланск, узнал, что накануне его туда прихода акланские коряки с юкагирами умертвили Енисейского и Колесова с шестью служилыми, трех увели в плен, одного оставили у акланских коряк и одного отдали оленным корякам, которые его убили.

Кроме того, ему сообщили коряки, что захваченные ясаки целы, а находящиеся в плену у юкагир казаки живы; что юкагиры, вступив в заговор с коряками, хотели занять у *Парполя камня* камчатскую дорогу, чтобы не пропускать русских; а оленные коряки располагали двинуться на Олюторск, взять его обманом или силою, жителей побить, а острог разорить. Коряк, узнав об этом, убежал к Сургутскому в Олюторский острог и уже оттуда отправился в Анадырск, почему и известие это получено в Анадырске только 19 февраля.

Татаринов, опасаясь за Олюторск, в котором не было достаточного продовольствия, и, желая отнять взятые юкагирами камчатские ясаки, хотел сам идти вооруженною рукою на изменников, но, уступив просьбе жителей и казаков анадырских не оставлять их на явную смерть от чукоч, отложил поход до прибытия ратников из Якутска. После убийства прикащиков прекратилось сообщение Камчатских и Олюторского острогов с Анадырским. Хотя юкагиры и ушли в свои кочевья на верховья р. Анадыра, но оленные коряки

подошли к Олюторску, и, кочуя в окрестностях, держали его в осаде. Томимые голодом, осажденные в январе решились послать 29 казаков за рыбою к оленным и сидячим корякам по рекам Похаче и Апуке, бывшим до того верным русским. Начальство над отрядом принял на себя сам Сургутский.

При переходе чрез один хребет коряки убили из них семь человек и само-го Сургутского, остальные спрятались, но, томимые голодом, выходили из завалов и были все перебиты поодиночке, кроме четверых, взятых в плен, да двух, пробравшихся обратно в Олюторск. Двое из находившихся в плену бежали потом в Анадырск, а третий был отпущен в Олюторский острог. В феврале 1715 г. оленные коряки, соединясь с каменскими и акланскими, стали весьма часто подъезжать к острогу и в один наезд (в марте) захватили детей коряк, оставшихся верным русским. Для выручки их олюторский прикащик выслал десять человек, из которых коряки восьмерых убили, один спасся бегством, а последний взят в плен каменцами и впоследствии убежал в острог.

Осажденные, перенося крайнее бедствие от голода и разных болезней, были в отчаянном положении и потеряли уже всякую надежду к спасению. Но в это критическое время у коряк появилась оспа. Старики приписали ее колдовству осажденных и принудили коряк отступить от Олюторска и ограничиться одним наблюдением и нападениями на казаков, выходивших из острога.

Татаринов, узнав чрез крещеных коряк все подробности камчатского бунта (убитых с Афанасием Петровым: он сам, попы Василий и Иван, казачьи сотники: Евдоким Сургутский, Степан Колесов, пятидесятник Мартьянов, таможенный целовальник Василий Зыков, казаков 35, анадырских жителей 6 человек. В Акланске от акланских коряк с дворянами Колесовым и Енисейским казаков 6 чел.; анадырский житель 1, да в плену 2. На Пахаче с Афанасием Сургутским казаков 13, анадырских жителей 6, у апукских коряк в плену 3. Под Олюторским острогом казаков 2, анадырских жителей 6, да померло казаков 3. В живых в Олюторске два прикащика: Полуэктов и Фролов, казаков 27, прибежавших после юкагирского побоища 4 чел., посланные из Анадырска на Камчатку пятидесятник Алексей Петриловский да драгун И. Варганов. — *Авт.*), снова послал донесение в Якутск о присылке к нему 200 человек казаков, 200 пуд. пороху и проч. Якутская канцелярия отправила рапорт Татаринова в Тобольск к губернатору князю Гагарину с нарочным дворянином Афанасием Шестаковым, который, как человек бывальшй, мог дать нужные объяснения о стране, о положении там дел и об инородцах северо-восточной Сибири.

В Якутске, получив первое известие Татаринова от 15 марта 1715 г. о потере казны, об убийстве прикащиков и проч., распорядились послать в Анадырск дворянина Степана Трифанова с приказанием собрать по зимовьям служилых людей, в добавок к данным ему из Якутска, а также взять мореходов с людьми, находящихся для открытия островов на устьях р. Яны, Колымы

и Индигирки, *потому что эти мореходы ничего, кроме льдов, не видели*, и поспешить к Татаринову. Но как Трифанов пред отправлением своим 9 августа донес, что с малым числом людей порученное ему дело не может быть исполнено, то якутская канцелярия назначила к нему еще 63 человека.

В инструкции Трифанову сказано: идти от Анадырского острога со служилыми людьми на изменников юкагирей вместе с капитаном Татариновым; юкагирей привести в подданство, отыскать ограбленную камчатскую казну, про убийство русских и грабеж казны розыскать; при неповиновении юкагир смирить военною рукою; заводчиков трех казнить публично, нескольких положить на плаху и потом объявить милость Государя, а всех камчадалов без исключения виновных наказать кнутом; найденную казну и прежних лет сбор взять от Татаринова и привезти в Якутск, *через Ламское море новым морским путем*.

Трифанов, поместив команду на двух досчаниках, велел ей дожидаться на р. Лене, а сам уехал домой к жене в Амгинскую слободу. В деревне Трифанов и не вспоминал о походе до тех пор, пока не прислали к нему принуждения из Якутска; тогда он отправился с Алдана с женою и детьми 15-го ноября, шел весьма медленно, давая отпуска многим казакам, будто бы за болезнями, принимая на место их якутов. С Индигирки пошел быстрее, чрез Алазею и Колыму, и прибыл в Анадырск в феврале 1716 г.

Между тем Татаринов, не видя со стороны инородцев до весны 1715 г. никаких нападений на Анадырск, не получал в то же время известия из Камчатки и, скучая от бездействия, отправился вниз по Анадыру *на оленью плавь* (место переправы диких оленей при следовании их весною к Ледовитому морю. — *Авт.*) для заготовления провизии, послав в то же время по рекам, впадающим в Анадыр, подъячего Григория Гольгина для усмирения ходынских юкагирей, которому дал в провожатые казака, вышедшего из юкагирского плена. Гольгин воротился 19-го июля с частию разграбленного камчатского ясака, беспрекословно возвращенного юкагирами; кроме того, другие его части были добровольно доставлены ими в острог 21-го июля, 9-го августа, 21-го ноября и 10-го декабря.

На приглашение пойти в острог юкагиры не соглашались и отказались дать аманатов. Видя знакомых казаков, охотно разговаривали с ними и дарили им зверей. Переночевав вблизи острога, юкагиры откочевали в свои жилища. Гнаться за ними не было возможности по неимению оленей.

Собранный в 1715 г. камчатский ясак был послан в Якутск в 1716 г. в следующем количестве: 167 сорок. и 30 соб., 898 лисиц красных, 166 бобров, 29 сиводушек, 2 выдры. Кроме того, 235 руб. денег, 22 золотн. японского золота с Курильских островов в плашках и кусках (по произведенному обыску у вдовы убитого Енисейского найдено множество пушнины. Эти меха, как действительно принадлежавшие ее мужу, были возвращены ей. Вот перечень

его пожитков, приобретенных в бытность только год прикащиком в Камчатке, обнаруживающий степень честности лиц, посылаемых туда для ясачного сбора: 150 сороков соболей, 200 бобров, 5 мехов собольих, 20 саняхов бобровых и выдряных, 1 070 лисиц красных, 300 сиводушек; *ношебных 3 шубы собольих под добрым сукном*, два одеяла бобровых, два из красных лисиц, кроме того два куйка (шлема. — *Ред.*) железных, две кольчуги железные, четыре пищали, четыре цепочки серебряные под золотом с крестами серебряными. А Енисейский был еще из лучших прикащиков. — *Авт.*)

Татаринов по возвращении с оленьей плавии снова остался в Анадырске с 80 чел. казаков и драгунов в бездействии и с нетерпением ожидал помощи из Якутска. Наконец 19 января 1716 г. показалась у Анадырска партия Трифанова; а мая 8-го пришел и сам Трифанов. Всего у него было под командою 120 человек. Татаринов, прочитав инструкцию Трифанова, крайне обиделся разделением власти, а также и тем, что не было выслано ни одного человека под непосредственное его начальство. Неудовольствие это было причиною упущения удобного зимнего времени к походу на р. Пенжину, где около Акланска было большое скопище изменников-коряк, откуда со вскрытием рек было удобно пробраться в Камчатку, или же, усмирив акланцев, двинуться к оставленному русскими Олюторскому острогу и оттуда Восточным морем пройти в Нижнекамчатский острог.

Время проходило в спорах, а дело не подвигалось вперед. Наконец кое-как согласились отправиться вместе с 120 казаками на р. Пенжину. 13-го августа 1716 г. от анадырского хребта Татаринов с 16 казаками отделился от партии и пошел вперед и встретил коряков, которые, завидя русских, разбежались. Потом партия соединилась вместе, подошла к Акланску и вступила в переговоры с сидячими коряками о возвращении в подданство России. Но акланцы вместо повиновения взяли за оружие. Завязался бой, и дикари были рассеяны. Недостаток припасов и неулов рыбы в реке не позволили Татаринову преследовать коряк, убежавших из под Акланска вниз по Пенжине, и потому, взяв пленных коряцких детей, он возвратился в Анадырск.

В марте 1717 г. Трифанов ходил с 80 казаками на юкагир на р. Белую, впадающую в Анадырь; взял там в плен несколько человек и воротился назад в Анадырск, куда в это время пришел из Якутска посланный для усиления отряда Федор Трифанов с 23 служителями, назначенными в Камчатку, и одиннадцатью, отставшими на дороге от прежних посылок. С Трифановым получено оружие, порох и прочие вещи, необходимые для похода в Камчатку.

В апреле приходили к олюторскому острогу олennie коряки объявить вновь подданство; они уверяли, что загладили свою прежнюю вину истреблением мятежных юкагириков, которых, кочуя у Олюторского острога, частью побили, частью загнали в осаду; а чтобы покорить и последних, просили у Татаринова 2-х человек с пищалями.

В смерти Афанасия Петрова и Енисейского они обвиняли юкагир, к которым должны были пристать вследствие угроз и насилия.

Татаринов послал с коряками 14-го апреля 2-х служилых и толмача, которые и взяли ясаки с оленных и акланских коряк; а юкагиры за три дня до прихода русских вышли силою из осажденного коряками острога и, хотя заплатили ясаки, но на требование казаков выдать аманатов не согласились. После того Татаринов, оставив (14 апреля 1718 года) в Анадырском остроге казака Федота Татаринова с 36 человеками (в делах иркутского архива мы нашли донесение Федота Татаринова о тогдашнем Анадырском остроге. Острог решетчатый, в нем: ясачная *с перерубом и прирубом казенки* изба; в казенке держат аманатов; сени с прирубом; два амбара; над сенями вышка; под вышкою в боку 3 амбарца; в острожной стене амбар. В остроге государев двор: в дворе 3 строения; изба и сени крыты под одну кровлю, желобьями тесаными. — *Авт.*), и предоставив Трифанову отыскать остальную пропавшую камчатскую рухлядь и окончательно покорить юкагир, сам, несмотря на представление последнего повременить походом, а потом вместе идти на акланских коряк, отправился с 80 человеками на р. Пенжину, откуда послал 60 человек с казаком Григорием Камкиным в Камчатку, а с остальными вошел в Анадырск.

В это время не были еще исследованы причины возмущения юкагирей и коряк; к тому же распри между Татариновым и Трифановым требовали посредника, и для такого поручения выбрали боярского сына Григория Жданова. Но не успел Жданов доехать до Анадырска, как на него поступила уже в Якутск пропасть доносов в злоупотреблении властью и бесчинствах в пути. Поэтому послан был к Жданову приказ сдать начальство над Анадырском казаку Федоту Татаринову, следствия не производить, а прежде самому отвечать на поданные на него обвинения.

Между тем по рассмотрении всех действий князя Гагарина по управлению Сибирью (в результате которых он был казнен. — *Ред.*), производство Татаринова в капитаны признано неправильным, и в 1721 г. от сибирского губернатора князя Алексея Михайловича Черкасского последовал указ на имя якутского воеводы, чтобы Татаринова *«из капитанского ранга выпустить, для того, что он в солдатах нигде не служил, а написан был показанным князем Гагариным в капитаны из дьячих детей»*. Вследствие этих распоряжений Татаринов выехал в Якутск, а в 1726 г. последовал другой указ, чтобы хлебное, соляное и денежное жалование, выданное за все время Татаринову, *«доставить в казну возвратно»*, и велено быть ему в Якутске у дел капитан-поручика Измайлова.

Так кончилось правление капитана Татаринова, посланного для приведения камчатских дел в порядок. Порядок не только не был установлен, но, напротив того, жадность и жестокость прикащиков окончательно запутали дела

и подали повод к восстанию туземцев, едва не уничтоживших плоды прежних трудов русских. Можно положительно сказать, если бы не взаимная вражда племен, то русские были бы совершенно истреблены, и снова пришлось бы завоевывать Камчатку.

По выезде Жданова и Татаринова, Анадырский острог находился в затруднительном положении. Чукчи и юагиры делали беспристанные на него нападения, так что воевода Ракитин, основываясь на донесениях Татаринова и Трифанова, просил начальника камчатского наряда Абыштова о назначении комиссара в Анадырск, с приличным числом команды. Но Абыштов отозвался неимением людей, предоставляя Ракитину самому назначить туда комиссара, тем более, что и ясачная книга Анадырского острога не была еще сдана в наряд, подобно другим острогам.

Между тем трудность сообщения Якутска с Камчаткою чрез Анадырск заставила местное начальство искать туда морского пути из Охотска. После нескольких бесполезных попыток удалось наконец в 1716 г. мореходу Треске с казаком Соколовым пройти на лодии из Охотска к камчатскому берегу (на лодии «Восток» Н. М. Треска и К. Соколов открыли морской путь вдоль берега из Охотска на Камчатку. В 1718—1719 гг. Треска входил в состав экспедиции, организованной М. П. Гагариным по указанию Петра I, так называемый «Большой Камчатский наряд». — *Авт.*).

Это открытие имело важные последствия для отдаленного полуострова. Путь из Якутска до Анадырска совершался обыкновенно около полугода. Не менее того был труден и опасен от немирных инородцев дальнейший путь в Камчатку. Для обеспечения этого сообщения от нападений туземцев и для сбора ясака с сидячих коряк, анадырские казаки укрепили бывший Акланский острог и построили новый на р. Олюторе. Из острогов этих для сокращения перехода в Камчатку партии отправлялись водою на небольших судах; чаще из Акланска вниз по р. Пенжине и Пежинскою губою до р. Тигиля или же из Олюторска к восточному побережью до р. Камчатки. Из Анадырского же острога до р. Черной, впадающей в Пенжину, переезжали обыкновенно дня четыре на собаках или оленях; затем против устья Черной на р. Пенжине строили из осины лодки сажень 5—5½ длиною, шитые ивовыми прутьями и проконопаченные мохом; паруса делали ровдужные (из оленьей кожи), а вместо якорей служили им большие камни. На этих лодках казаки плыли по р. Пенжине до Акланского острога; отсюда Пенжиною же до коряцкого Акланского острога; потом вдоль берега Пенжинского залива до Тигиля. Но иногда приставали на р. Пустой или Лесной и оттуда следовали до Нижнекамчатского острога сухим путем. Из Тигиля, оставив свои лодки до возвращения, шли на камчатских ботах вверх по р. Тигилю; потом переносили бота (правильнее, баты — суда, выдолбленные из целого древесного ствола. — *Ред.*) волоком на р. Еловку; спускались по ней на р. Камчатку до Нижнекам-

чатского острога. На таких же лодках, построенных в Олюторском остроге, казаки плавали вдоль берега по Восточному океану до р. Камчатки.

В то время, когда казак Соколов прибыл из Охотска на лодии в Камчатку, там был управителем посланный Татариновым из Анадырска пятидесятник Петриловский, который по окончании работ по постройке Олюторского острога долго не мог отправиться в Камчатку, потому что в течение всей зимы острог был осажден коряками и юкагирами. Наконец, после разных бедствий от болезней и голоду, Петриловский 3 июля 1715 г. с казаками и аманатами вышел из острога и поплыл морем в Камчатку на тех же судах, на которых пришли камчатские прикащики в 1714 г., и прибыл туда благополучно 9 июля.

Петриловский, приняв в свое ведение остроги со служилыми и собранные на 1715 г. ясаки, *вымучил* имение Козыревского, вывезенное с островов, и стал заботиться только о том, чтобы скорее обогатиться. Он ограбил не только инородцев, но и казаков, имевших что-нибудь лишнее, употребляя к тому кнуты, батоги и даже пытки. Колодки и кандалы не считал он наказанием. Такими мерами заставил он Козыревского и Якова Ярыгина постричься в монахи, передав их на руки отчужденному от света архимандриту Мартемьяну, присланному сюда с дворянином Атласовым. Наконец казаки, выведенные из терпения, вооружились против Петриловского и с согласия казака Соколова, пришедшего на судне в Камчатку, сменили его, а обязанность прикащика или ясачного сборщика поручили якутскому посадскому Козьме Вежливцову, который конфисковал имение Петриловского, а самого его посадил под караул (вот список пожитков, отобранных у Петриловского: 141 сорок 29 соболей, 1 542 лисиц красных, 161 сиводушных, 160 выдр, 207 бобров, 169 морских выдр, шуб собольих 4, мехов собольих 5, санаях соболей, парка (зимняя верхняя одежда из шкур без разреза. — *Ред.*) соболя с оплечьем бобровым, санаях из красных лисиц с оплечьем сиводушечьим, два санаяха бобровых с оплечьем сиводушечьим, санаях из выдры — оплечье бобровое, 3 шубы лисьих красных, 2 меха сиводушечьих, мех лисиц красных, одеяло лисиц красных, мех бобровый, 4 полы меха собольего загривчатого, несколько лоскутов разных мехов, несколько мехов из собольих и лисьих лап, шуба из лисьих лап, одеяло бобровое, парок собольих 2, мех лапчатый красных лисиц; 2 меха бобровых; парка бобровая; трех из собольих хвостов; 4 шапки собольи; 2 малахая (шапка на меху, кафтан без пояса. — *Ред.*) собольих; 475 хвостов собольих, несколько пар меховых рукавиц; серебряный пояс; сереб. чарка и ложка и много других вещей. Из всего имущества Петриловского дано ему на подъем 200 лисиц, 27 бобров и несколько шуб. — *Авт.*).

Петриловский отправился из Камчатки в Якутск в 1720 г. и там судился не столько за притеснения казаков и камчадалов, сколько за найденные у него в 1719 г. следующие рукописи: 1) превратительное к людям; 2) как укрощать сердце недругов; 3) отвратное от тоски; 4) заговор зубной и т. д.

После Вежливого был прикащиком прислан из Анадырска служилый Камкин, а в 1718 г. прибыли в Камчатку морем посланные от камчатского наряда (об экспедиции, известной под названием Большого Камчатского наряда см. Мор. Сб. 1868 г., декабрь. — *Авт.*) прикащиками из детей боярских: в Большерецк Василий Качалов, в Нижнекамчатск Иван Уваровский (Уваровский был последний прикащик в Нижнем; после него назначались уже туда комиссары, подчиненные Большерецку. — *Авт.*) и в Верхний Поротов. Качанову, отправившемуся из Охотска 12 августа 1718 г., поручено было управление всею Камчаткою и устройство города на Большой реке, как самом удобном месте для якорной стоянки и зимовки приходящих из Охотска судов. Кроме того, ему было приказано со служилыми, посланными с ним из Якутска, и большерецкими казаками построить в удобном месте крепость, где хранить со всех острогов ясачную казну до отправления ее в Якутск, казенное имущество и содержать аманатов.

Качанову предписано было ясаки отправлять со служилыми и мореходами в Охотск; а самому оставаться в Камчатке до особого распоряжения, чего прежде никогда не делалось. До него все прикащики отправлялись в Камчатку за ясачным сбором обыкновенно осенью, и, пробыв там зиму, возвращались весною, чтобы лично представить ясак в Якутск. Приняв в свое управление камчатские остроги, он, в видах приобретения у камчадалов привязанности к себе и доверия, выпустил из Большерецка давно содержавшихся там в казенке *крепко закованных* Воровского острожка (получившего название по частым изменам живших в нем камчадалов. — *Авт.*) двух аманатов *Киврю* и *Купку*, которых камчадалы слушались и *держались умом к злодуме и измене по их великим умам*. Воротившись из плена и узнав от своих родичей о разных притеснениях от русских, они вздумали отомстить им и возмutilи камчадалов, которые сперва убили сборщика Степана Чаплина с 4-мя человеками, а собранные им ясаки разделили между собою; потом убили двух служилых, посланных Качановым за сбором с камчадалов белой травы, кипрею и всяких кормов, что до настоящего времени делалось в год по несколько раз. После того камчадалы хотели идти на р. Ичу, сжечь судно, на котором прибыл Качанов, и убить оставшихся при нем людей; но Качанов, узнав об их замысле, послал из Большерецкого острога на Воровской острожек сына боярского Мухоплева с 30 вооруженными казаками. Ему поручено было уговорить иноземцев принять по-прежнему подданство и выдать отпущенных к ним аманатов; если же они на это не согласятся ласковыми убеждениями, то усмирить вооруженною рукою. Мухоплев по прибытии к ним потребовал выдачи выпущенных аманатов, как главнейших изменников; но иноземцы согласились лучше умереть, нежели подвергнуть своих однородцев томительному заточению в остроге. Не видя более возможности уговорить их, Мухоплев начал громить камчадалов огнестрельным оружи-

ем. Три острога их разорены и сожжены, а люди почти все перебиты. Казаков у Мухоплева убито три человека, многие ранены. У убитых камчадалов взят 21 соболь из числа ясаков, собранных Чаплиным, но, главное, спасено судно и его команда.

При отправлении осенью 1719 г. в Охотск судна (на этом судне больше-рецкие служилые послали с мореходом несколько соболей для покупки Нового Завета для больше-рецкой церкви. — *Авт.*), послан из Камчатки в Якутск донос на Качанова, что причинами измены на р. Воровской были безрассудные его распоряжения: во-первых, данная свобода двум аманатам, которые постоянно руководили соотичей к восстанию и, во-вторых, отправление для своих выгод двух казаков за поборами. А как по заведенному в Камчатке обычаю всякий прикащик, подвергавшийся доносам, лишался права на управление и имение его конфисковалось до исследования, то казаки своевольно распорядились посадить Качанова в тюрьму и забрать себе его пожитки. Однако Качанову удалось спастись от заключения бегством, а мятежники были впоследствии взяты в Тобольск, где жестоко наказаны. Главный зачинщик был казак Попов.

Таким образом предположенное устройство города и крепости в Больше-рецке оставалось без исполнения.

После того якутский воевода Ракитин послал прикащиком на Камчатку и для приведения в подданство Курильских островов дворянина Ивана Харитонов. Ему, между прочим, предписывалось в Охотске достроить заложенное в 1718 г. камчатским нарядом судно, взять морехода и потребное число служилых из партии Ельчина и идти на Камчатку. По дороге же от Якутска до Охотска ставить зимовья, *чтобы людям от пути не было остановки, а Якутам изнурения и разорения*. Харитонов вышел 19 августа 1719 г. из Охотска в Больше-рецк с артиллерией, сколько мог вместить на судне. Перед отбытием своим в Камчатку он послал 4 августа в Якутск донесение о разных беспорядках в Охотске, возникших, по его словам, еще при жизни капитана Абыштова. Сентября 1-го Харитонов прибыл в Больше-рецк и избрал Верхнекамчатск для постоянного жительства, как по надежному острогу, так и по положению его. Находясь в феврале 1720 г. в Нижнекамчатске, он узнал от ясачных с р. Тигиля, что палланцы и лесные камчадалы не хотят платить ясаков и обещались убить сборщиков. Эти слухи заставили Харитонов в марте месяце идти на изменников с 60 казаками и тигильскими камчадалами. Хотя возмущившиеся не показали сопротивления, однакоже, по совету тигильцев, Харитонов для осторожности отобрал у бунтовщиков оружие. Но когда палланцы беспрекословно заплатили ясака, Харитонов отдал им оружие и расположился с своими казаками на ночлег в особой юрте. Камчадалы, дав заснуть русским, подступили к занимаемой ими юрте, вооруженные копьями, ножами и луками, напали на спящих. Харитонova и 9 казаков закололи копьями

и ножами, а 14 казаков ранили, остальные, схватив ружья, бросились на изменников и отомстили за смерть своих товарищей. Одни из камчадалов пали под оружием пробившихся из юрты казаков, остальные сожжены в юрте вместе с убитыми ими русскими. Когда не осталось ни одного камчадала в Палланском остроге, русские заперлись в нем и не знали, что и делать, потому что им не известны были дальнейшие планы Харитонова. Камчадалы же ближайших острогов также разбежались, боясь мести казаков, не щадивших в подобных случаях ни правого, ни виноватого. Наконец, 2-го апреля, казаки дали знать о себе в Большерецк, а вслед за тем и сами благополучно возвратились в Нижнекамчатск.

Между тем в Большерецке казак Лукашевский, узнав о смерти Харитонова, принял управление острогом и отправил в Охотск ясак.

После Харитонова назначен в Камчатку сын боярский Степан Бобровский и при нем сын же боярский Михайло Петров. Бобровскому в июне 1720 г. прибывший по делу князя Гагарина в Якутск капитан Измайлов дал инструкцию, какой до того времени не было даваемо ни одному комиссару. Ему поручено было заведовать Верхнекамчатским и Большерецким острогами, а в Нижний назначен другой прикащик Алексей Шестаков.

Инструкция, данная Бобровскому Измайловым, заключалась в следующих пунктах:

«1) Ехать в Камчатку, взяв от якутского казачьего полка несколько служилых.

2) Прибыв чрез море в Камчатку, принять Верхнекамчатский острог от прикащика Ивана Харитонова, также казну, дела, аманатов, служилых и все по росписным спискам. Объявить всем камчадалам при собрании всех служилых “Милостивое Государево слово”, что кому из них были какие налоги от прежних прикащиков, которые ими корыстовались, а суда не было, то ныне Государь велел подавать на них жалобы; виновных розыскивать и оборону чинить камчадалам от русских обидчиков.

3) А чтобы камчадалы жили в покое и тишине, занимались бы промыслами и ясак и поклон Государю платили.

4) Ясаки иноземцам отправлять самим в Верхнекамчатск, чтобы служилые не обменивали и не плутовали; а в улусы посылать только за недобором.

5) Управляться своими старщинами и быть им покорными, за что будет царское жалование.

6) Злоумышление ежели за кем уведают, не укрывать.

7) А кто до кого доведет измену, тому отдать пожитки изменника.

8) В лесах огня не пускали бы — соболь уходит.

9) Ясак в Верхнекамчатске прикащику принимать при служилых.

10) Сыскивать в ясак новых плательщиков и записывать в ясак *захребеников и подростков*».

Притиска. «За взнос полного ясака награждать камчадалов; сверх ясака покупать зверей в казну; до сбора ясаков никого в остроги не отпускать для торговли и вымену зверей; в Якутск с ясаками идти самому комиссару с перемненными служилыми. В улусы казаков ни зачем не отпускать; аманатов держать в железах, бес тесноты и кормить необходимым, чтобы не было сомнения в них и от них жалоб. По жалобам на русских розыскивать, для чего употреблять бумагу гербовую. В *Верхнем* питья... игры картежной не держать. Ясырей и погромных переписать, также и служилых, издавна живущих в Камчатке, а взявших за долги жен и детей бить батогами. Убитых и умерших имени переписывать; изб и бань все лето не топить, чтобы не сделать пожара в Верхнекамчатске, а пищу готовить на дворе. Посылать для привоуд новых земель в подданство ласкою и брать с них по одному ясаку в год; а которые живут близ Камчатки и могут быть опасными, то на непослушных ясачных посылать служилых из Верхнекамчатска, по рассмотрению, и прежде всего уговаривать, а после, ежели чается от них зло, идти войною и брать с них аманатов. Отложившихся убийц русских и идущих войною под остроги уговаривать; а после смирать войною — зачинщиков сажать в казенку до указа. Беглецов не брать с собою через море в Камчатку. При отбытии с Камчатки острог сдать надежному доброму человеку, а ежели будет нерадеть, то будешь отвечать против каждого пункта наказанием, разорением, ссылкой и лишением живота».

К Бобровскому и Алексею Шестакову в Охотске присоединились для походу в Камчатку навигаторы Евреинов и Лужин, командированные для отыскания Японии. Судно исправил и повел в море мореход Мошков, взяв с собою матроса Буша и кормщика Березина. Прикащик Шестаков воротился с Камчатки морем с Евреиновым, который отрешил Шестакова от должности и имение описал, а Бобровский остался в Камчатке. Шестаков по возвращении в Якутск подал объявление о дурных поступках бывшего правителя Максима Лукашевского и своевольных распоряжениях Евреинова.

Судно, пришедшее в Охотск с геодезистами, не имело якорей, снасти были изорваны и гнили, и до лета 1722 г. оно лежало на берегу без починки.

В 1722 г. определен в Камчатку прикащиком дворянин Никита Лосев. Он отправился из Якутска с 30-ю казаками, двумя мореходами и плотником морских судов Каргопольцевым, вытребованным из Архангельска. Плотник назначен к Лосеву для достройки на Ламе двух судов, заложенных в 1718 и 1719 гг. Лосев требовал с собою *к полковой службе* священника Ермолая Иванова, ибо отправленный из Тобольска иеромонах Иосиф пришел в 1721 г. на Ламу и в 1722 г. хотел возвратиться в Якутск; а другой черный священник (Варлаам) в Камчатских острогах едва жив; а поселившимся на Камчатке служилым *без священника быть нельзя*. Но ему не дали Иванова, а разрешили взять в Камчатку Иосифа.

Лосев с командою пришел в Охотск августа 6-го, где взял порох, свинец, оружие, знамя и на переправленном Мошковым и Трескою старом судне вышел из Охотска 24 августа 1722 г., а от земли 1 сентября через святое Ламское море. Заложенное же в 1719 г. судно поручил достроить Каргопольцеву.

1722 г. октября 14-го Бобровский сдал Лосеву Верхнекамчатский острог, бревенчатый, на иглах. В остроге: ясачная изба и амбар; да амбар над воротами, в котором летом содержали аманатов; казенка с аманатами, да колодники по убийствам и между ними Алексей Еремеев, убивший Степана Чебукина. В остроге медная пушка; казаков 41; промышленных 2.

Лосев в трех камчатских острогах переменял закашиков, стал брать зверями за винный откуп, с карточной продажи, с площадного откупа, табачной продажи и с судебных дел за гербовую бумагу, чем увеличил доходы в Камчатских острогах.

В 1723 г., по изготовлению судна к походу, Лосев сдал по росписным спискам назначенным от него летним управителям Камчатские остроги: марта 18-го Матвею Нифонтьеву *Нижний острог*, стоячий тын и в нем на полдень изба ясачная, на запад аманатская с 11 аманатами, из них двое олюторцев; башни над воротами; амбары, дела, судовые припасы. Гарнизону в остроге: сын боярский Петр Чижевский, казаков 80, промышленных 9 челов., 2 пушки.

В июне принял у Лосева *Большерецкий острог* служилый Артемий Попов — острог деревянный, стоячий тын, на западном углу казенный амбар, в середине приказная изба, на севере аманатская казенка, в которой Воровской реки аманатов 5; две медные пушки; казаков 40 человек.

С Камчатки Лосев вместе с Бобровским отправился 1 июля и прибыл в Охотск 7-го. Ясаки отправил в Якутск с подъячим Афонасием Лузиным; а сам по болезни остался в Охотске, где и умер в июле же 1723 г. Бобровский также не доехал до Якутска и умер на р. Ураке. Казну от Охотска везли на лошадях до р. Юдомы, откуда на плотах, из коих один, с писками, опрокинулся, и таким образом уничтожились все донесения Лосева. При казенных вещах шли воротившиеся с Камчатки 34 казака; 16 колодников русских, да 3 инородца, убившие прежнего архимандрита камчатского Мартемиана; всего 70 подвод.

Лунин при отправлении из Охотска ясаков Камчатских острогов, 2-го августа оставил там служилому Соболеву несколько камчатских преступников. Но Соболев бежал с колодниками на судне в Камчатку.

В 1723 г. послан в Камчатские остроги прикащиком сын боярский Федор Шелковников. Мореходом к нему определен Иван Бутин, с которым из Якутска отправлены к снаряжению и починке судна смола, пенька, железо и холст. Шелковникову по его прошению назначен на Камчатку от якутского Спасского монастыря священник Ермолай Иванов; кроме того, 19 человек казаков из команды головы Афанасия Шестакова и с ним пятидесятник Андрей Штинников. Шелковникову дана была большая инструкция.

Вместе с Шелковниковым отправился в Камчатку поручик Сафронов для наблюдения за переписью иноземцев и их угодий, для высылки их на прежние места жительства и окончания дел камчатского наряда.

Шелковников по прибытии в Камчатские остроги велел Эверстову принять Большеерецкий острог у Артемия Попова и быть в команде поручика Сафронова; Верхний поручил принять от служилого Петра Баранова Безсонову; сам отправился в Нижний, где принял острог от Нифонтьева.

Собрав ясаки, Шелковников сдал Нижнекамчатский острог Елисею Долгополову, до присылки Безсонова в Верхнем оставлен Нифонтьев; Большеерецкий острог сдан от Эверстова Петру Чупрову. После того Шелковников морем отправился с ясаками в Охотск с Сафроновым и ясачную казною, куда и прибыл 24 июня 1724 г. В сборной ясачной книге Шелковникова на 1724 год в 3 острогах написано ясачных 5 138 человек; окладу с них: 68 сороков 34 соболя, 13 сиводушек, 2 262 лисицы красных, 95 бобров, 14 колонков; но ясаку не донято 35 сороков 10 соболей, 5 сиводушек, 599 лисиц красных, 42 бобра, 4 колонка. *Доимка* не взята, потому что из написанных в данной из Якутска книге, *по сказке лучших камчатских людей*, 1 556 человек в разных годах померло; 25 не дали за *скудостью*, 6 за *скорбию*, 19 за *старостию*, *одни в аманатах*, 334 *сошли в разные остроги*, 80 *к сыску не явилось*.

Хотя Шелковников приказал в 1723 г. непременно строить в Охотске новое судно; но в 1724 г. плотник Плосских доносил, что с 8-ю человеками, данными ему комиссаром Охотска Борисом Сухановым вместо 30, новое судно не будет построено; старое же судно в это время до того было ветхо, что опасно пускаться на нем в море.

Вместо Шелковникова в камчатские прикащики выбран Степан Трифанов; но впоследствии ему поручены другие обязанности по якутской канцелярии, и на место его послан Андрей Жирков, которому дан в помощь Афанасий Жирков, для письма Иван Шамаев, мореход Невейца и 21 человек казаков.

Жирков прибыл в Охотск 1-го сентября 1724 г., принял морское судно, *которое за древностию много дней починивали*. По возможности исправив его, *все с печалью переносились на судно* и ждали попутного ветра по 16 сентября. Мореходы Невейца, Мошков и Буш просили донести в Якутск о непременном строении нового судна к 1725 г., ибо в будущем уже году на этом нельзя будет идти за море.

Вскоре по принятии острогов Андрей Жирков в Нижнем умер, а потому и остался после него Афанасий Жирков. Афанасий Жирков в 1725 г. при отправлении из Камчатки оставил закащиками в Нижнем Артемья Кочетова, в Верхнем Петра Чупрова и в Большеерецком В. Пашкова.

После того, 23 декабря 1724 г., получен указ сибирского губернатора князя Черкасского, чтобы определенные при князе Гагарине прикащики были высланы из острогов в города и впредь не посылались, «ибо они, не ища

в ясаке государственной выгоды, больше похищали для себя ясачную рухлядь, отчего в ясаке всегда был недобор. Посылать же за ясаком выборных, за присягою, добрых и правдивых». К этому указу был приложен и указ 1723 г., чтобы к сборам ясаков не выбирать, а назначать *к большим* в помощь офицеров и детей боярских; а *к меньшим* унтер-офицеров и солдат, а к ним в целовальники из раскольников и бородачей из магистрата.

Вследствие этого указа назначен в Камчатку прежде бывший уже там дворянин Степан Трифанов; а в подчиненные к нему комиссары служилый Петр Корякин; мореходы Мошков и Треска, подъячий Михайло Борисов и 30 чел. казаков якутского полка, а за сбором подушных денег Никита Жданов.

Трифанов просил воеводу Полуэктова позволить ему идти из Охотска в Камчатку через Анадырск, ежели встретится затруднение плыть морем за ветхостью судна. Но воевода не согласился и разрешил только Жданову отправиться в Камчатку берегом. Жданов выехал в сентябре из Якутска через Анадырск. Ему, кроме сбора подушных, поручено было усилить Анадырский острог, ибо олennie коряки донесли, что в 1725 г. чукчи много их побили; а когда в Анадыре было *многолюдство русских*, то таких набегов не бывало. Коряки просили прислать 50 челов. русских для обороны. Трифанову же велено: «По прибытии в Камчатку Жиркова сменить и переменить всех закащиков; камчатские остроги и всякую наличную казну, порох и свинец, служилых и прочих людей принять по именному списку, также аманатов, книги и всякие дела. Во всем росписаться и разменяться росписными книгами. Комиссаров же с приходно-расходными книгами выслать в Якутск к ревизии; но с книг оставить копии. В острогах ясачных и всяких чинов русских ведать судом по инструкции камчатских прикащиков.

А ежели учините против указу и просто същется до пряма, и вам по розыску учинено будет жестокое наказание или ссылка на галеру, взятием движимого и недвижимого имени бесповоротно, и в 1726 г. непременно воротиться с ясаками в Якутск».

Поздней осенью 1725 г. Трифанов на ветхом судне прибыл к Камчатке. В том же году, еще до его туда прибытия, камчадалы, жившие на Бобровом море, убили ясачного сборщика и сами скрылись на острова. Трифанов в 1726 г. отправил на *отложившихся* казака Пашкова с 10 челов., который 2-го марта доносил, что изменников не нашел, а те, которые не были в измене, не могли заплатить ясаки, ибо они, боясь изменников, не промышляли; а летний промысел весь пограблен изменниками, которые приходили летом 1725 г. на Бобровое море в 10 байдарах, по 20 и 30 челов. на каждой, и ограбили зверей и корма, а жен и детей увели в плен за то, что не согласились с ними отложиться от русских.

В том же 1725 г. летом на р. Аваче ясачные убили трех сборщиков: служилых Илью Садилова, Ивана Панова и Петра Балаконова. На авачинских измен-

ников и за сбором с них ясака Трифанов отправил сына боярского Алексея Еремеева, который 19-го марта 1726 г. доносил о недоборе ясаков, ибо некоторые отказались заплатить их.

Авачинские ясачные при многолюдстве имели и свои остроги по рекам Аваче и Паратунке, в Тарьинской губе и Ниакиной бухте и постоянно оттаивали свою свободу; кроме того держали в повиновении весь бобровый берег от Авачинской губы до Шипунского мыса. Удобные места, чтобы скрываться от поисков русских, и крепкие остроги давали им возможность в случае надобности избежать преследования сборщиков.

17-го мая 1726 г. Трифанов доносил: «Что ныне в Камчатке служилых, против прежних годов, весьма мало, и из тех от недостатку кормов многие умирают. Дела в крайнем беспорядке, и некому поручить, а кому из служилых сколько-нибудь надежных какое-либо дело, то они не хотят служить и подвергаться по нынешним инструкциям взысканию, уходят к земскому комиссару Никифору Трапезникову и записываются в посад». Трифанов жаловался, что ежели вперед служилые, дети казачьи и промышленные будут записываться в посад, то в Камчатке и в караулах стоять будет некому. Донесение это получено в Якутске 22 января 1727 г. При нем Нижнекамчатские служилые приложили свое прошение: «В прежних годах от Нижнекамчатского острога вниз по р. Камчатке версты 4-ре построена в урочище Ключах вновь церковь Николая Чудотворца, а мы живем в Нижнекамчатске от церкви в дальности вверх по Камчатке, и без указа сплавить казенные и наши двory к церкви не смеем; а где ныне острог, ясачное зимовье и наши двory место низкое, вешнюю водою топит, и в воде жильё стоит недель по шести; а на ключах Никольской церкви место высокое, и посему повелено острог, ясачную избу и наши дома туда переплавить».

В 1726 г. в Камчатку за ясачным сбором послан дворянин Яков Мохначевский, которому поручались Верхне- и Нижнекамчатские остроги, а в Большерецком оставлен сборщиком находящийся в Камчатке Степан Трифанов. Мохначевскому дана инструкция, писарь Судаков и 20 человек казаков; но, выехавши из Якутска, взял самовольно у якутов 70 подвод вместо положенных ему 6 лошадей, о чем донес капитан Беринг, сам нуждавшийся в лошадях; почему якутская канцелярия Мохначевского от посылки в Камчатку отставила, а вместо него назначила в августе 1726 г. пятидесятника Тарабукина, который по прибытии в Охотск целый год дождался прихода судна из Камчатки и с своею командою бедствовал от усиленных работ на экспедицию Беринга и от недостатка провизии.

Тарабукин по прибытии в 1727 г. в Камчатку принял Нижнекамчатский острог октября 7-го от Петра Бобова, а 1728 г. июня 4-го Верхнекамчатский у Петра Чупрова (из донесения беринговой экспедиции мичмана Чаплина видно, что на 1726 г. в Большерецке было 17 дворов и часовня; в Верхнекамчатске также 17 дворов, а в Нижнекамчатске 40 дворов. — *Авт.*).

В 1728 г. послан на смену Тарабукину сын боярский Михайло Петров с служилым Петром Петровым и писарем Суховым.

По прибытии в Камчатку он принял 2-го сентября Большерецкий острог у Ивана Остафьева; Верхний у Семена Хмылева, октября 5-го, Нижний у Гавриила Укдинова, октября 14-го 1728 г. Михаил Петров остался в Нижнем, а Петр в Верхнем; Большерецкий же острог поручен от них Шапошникову. Михайло Петров объявил в Камчатке указ о вступлении на престол Императора Петра II-го. Вместе с этим прикащиком воевода Полуектов прислал в Камчатку сына боярского Степана Петрова для заведения там соляных заводов, так как камчатские служилые неоднократно жаловались на недостаток соли и происходящие от этого болезни. С ним отправлены из Якутска необходимые инструменты для соляных заводов, и велено заводы строить служилыми и обывателями, платя поденные деньги из соляной суммы. «Публиковать, чтобы для себя и продажи там утайкою соли не варили, под смертной казнию; а покупали из казны по положенной цене. А в котором месте будут построены солевые заводы, сколько и какого строения, в скольких верстах от которого острога и во что станет, описав обстоятельно в земскую контору».

Петров не имел полного сбора ясаков и меньше сбора Тарабукина 1728 г., потому что 1728 и 29 гг. *моровым поветрием* умерло 212, сошлых (ушедших. — *Авт.*) на острова 41, неявившихся к платежу 95, за скудость и безпромыслицею не платили 198, за старостию и болезнями 217, у Беринга для доставки провианта и материалов в подводах и умершие 51, да бывшие в подводах у Беринга за непромыслом не платили 7 человек. Итого в недобор 720, на них ясаков: 4 сорока 22 соболя, 2 сиводушки, 265 красных лисиц, 1 пластина (мех без головы и хвоста. — *Ред.*), 12 бобров. Собрано ясаков на 1729 г. только с 2 535 человек.

1729 г. мая 26, Нижний острог сдан опять Чудинову; июня 11 — Верхнекамчатский Михайлу Сапожникову; июля 16 — Большерецкий сыну боярскому Степану Петрову.

В 1728 г. Петровы отправились со штурманом экспедиции Энзелем в Охотск на «Фортуне», на которой в том же году воротился и Тарабукин.

Тарабукин и Петров были снисходительнее к камчадалам, нежели их предшественники. Но, несмотря на это, время их управления надолго сохранилось в памяти камчадалов по тем бедствиям, которые пришлось им перенести в эти два года по причинам, не зависящим от прикащиков. Осенью 1727 г. пришел в Большерецк Беринг с двумя судами, погруженными провизиюю и другими экспедиционными припасами. Все эти грузы Беринг распорядился отправить в Нижнекамчатск поперек всего полуострова (833 версты) по рекам Быстрой и Камчатке на камчадальских ботах, а между этими реками зимою в нартах, на собаках, согнанных из всех камчатских селений. Независимо от того камчадалы перевозили на собаках в Нижнекамчатск и самого

Беринга со всею командою. Такое безрассудное распоряжение Беринга вредно отразилось на хозяйстве камчадалов. Собранные на продолжительное время из селений для транспортирования грузов, камчадалы потеряли удобное зимнее время для звериного промысла, единственного источника их благосостояния. Да и оставшиеся в селениях камчадалы, по неимению собак, принуждены были прекратить свои обычные зимние занятия. Наконец, большая часть собак подохла от продолжительных и тяжелых работ, что на долгое время привело в расстройство хозяйство камчадалов, не получивших за все эти лишения почти никакого вознаграждения.

Беринг впоследствии постиг всю бездну зла, причиненного им камчадалам, и как бы в очищение своей совести писал президенту адмиралтейств-коллегии: «Весьма желали идти в Нижнекамчатск кругом Камчатского носа; но для осеннего времени и за жестокими ветрами на таком ветхом карбусе идти не посмел». Но если не посмел идти в Нижнекамчатск осенью, то мог бы доставить туда грузы на судах весною. Ведь привел же мореход Мошков весною 1728 г. в Нижнекамчатск пустое его судно «Фортуна». Положим, что самому Берингу необходимо было провести зиму в Нижнекамчатске, где предположил он построить для предстоящей экспедиции новое судно; но переезд его туда зимним путем с мастеровыми и необходимыми припасами для судостроения не был бы так обременителен для камчадалов, как в настоящем случае.

14 июля экспедиция отправилась в море и 2-го сентября возвратилась в Нижнекамчатск, где Беринг оставался зимовать, и в июле 1729 г. ушел из Камчатки в Охотск.

Не успела экспедиция Беринга возвратиться из путешествия, как в Петербурге распорядились послать в Камчатку другую экспедицию под начальством казачьего головы Шестакова для исследования всего северо-восточного края Сибири и прилежащих к нему островов. Начальник экспедиции Шестаков осенью 1729 г. перешел на судне с частью своей команды в Тауйск и во время похода в Коряцкую землю для усмирения непокорных туземцев 14 марта 1730 г. был убит чукчами на р. Эгач, между р. Паренем и Пенжиною.

В то время, когда Шестаков усмирал коряк около Тауйска, коряки Ямского острога осенью 1729 г. напали на команду другого судна Шестакова — *Лев*, и почти всех убили, а самое судно сожгли.

Между тем в 1729 г. был послан из Якутска в камчатские остроги на смену Петровых с прежнею инструкциею Иван Новгородов и с ним пищик Мухомлев, служивый Максим Лукашевский и монах Спиридон. По прибытии их в Охотск, он принял в свое ведение судно и уже погрузил на него 7 августа некоторые вещи; но казначий голова Шестаков велел матросу Сметанину все сгрузить и переписать; а мореходам Мошкову, Треске и Бутину приказал не уходить в море до его распоряжения.

Таким образом Новгородов должен был подчиниться воле Шестакова и отправился в Камчатку с сыном Шестакова Василием, который по инструкции отца, высадив в Большерецке всех следующих в Камчатку служилых, сам на судне «Фортуна» посетил первые пять Курильских островов, взяв от жителей яsak и двух аманатов. Потом прибыл в Нижнекамчатск, где и остался для окончания порученных ему дел, отправив судно в Охотск.

В 1729 г. прибило к Камчатке японскую бусу, полгода носимую разными переменными ветрами по морю.

На ней были товары и 17 японцев. Выгрузившись на берег с помощью лодки, японцы случайно наткнулись на пятидесятника Штинникова, пробиравшегося с камчадалами на трех байдарках подле берега. Японцы подарили ему мешок крупы, десять фанз (шелковая ткань. — *Ред.*), десять кусков другой материи, два лакированных ящика, 30 сабель и два топора. Но Штинников не довольствовался этим. Через двое суток скрылся, чтобы воспользоваться железом с бусы, которую бурю отнесло в другое место. В то время, когда Штинников предавал огню бусу, японцы на лодке плыли мимо горевшего судна и вскоре увидели за собою погоню Штинникова с камчадалами, который, догнав японцев, всех переколол, исключая двух, взятых в холопство (себе Штинников взял от японцев: 16 азамов (кафтан халатного покроя. — *Ред.*), 8 фанз, 2 куса холста, 5 зеркал, остальные вещи роздал камчадалам. — *Авт.*). Новгородов, узнав об этом происшествии, посадил злодея в тюрьму, а японцев по приказанию помощника головы Шестакова капитана Павлуцкого, оставшегося по смерти его главным начальником всего северо-восточного края и жившего в Анадырске, отправил в Петербург, где они были окрещены под именем Козьмы и Дамиана, а фамилии им даны: первому Шульц, а второму Поморцев. Последний был назначен в 1739 г. учителем в школе японского языка, учрежденной в 1706 г. в С.-Петербурге Петром I. Новгородов, как открылось по следствию, освободил Штинникова и взял себе из японских вещей: 8 фанз, 2 войлока, тюфяк, кусок крепу, зеркал медных 2, азамов из дабы (китайская бумажная ткань. — *Ред.*) 2, саблю и другие вещи (брат Новгородова Матвей взял 2 фанзы и конец крепу; подъячий Мухоплев фанзу; Кирил Мапожников 2 фанзы, креп белой, 2 куса холста, азам, войлок и саблю; казак Копылов фанзу белую; иркутский дворянин Чемесов 2 фанзы, казак Широф полфанзы белой; Василий Шестаков и Андрей Шергин 8 крепов, 3 войлока красных, 10 азамов, 8 фанз, 4 рубашки, 8 сабель, 5 чашек деревянных и 3 фарфоровых, 1 ящик с перьями и 2 с бритвами, ящик с зеркалом, гребень, 2 зеркала медных, три ножа, три махалки, 11 вилок *по их обычаю*, три картины, два листа их письма, одно деревцо *благухания*, пять раковин, две чернильцы, три кушака, два флага. — *Авт.*).

В 1729 г. из Верхнекамчатска Новгородов предписывал большерецкому закащику Ивану Герасимову о крепком хранении оставшегося в устье Большой реки судна-лодии и о наряде для караула ея служилых.

Новгородов оставался прикащиком по 1 января 1731 г., в котором сдал Нижнекамчатский острог служилому Михаилу Шехурдину; а Верхнекамчатск Ивану Уваровскому, от которого в июне 1731 г. принял острог казак Василий Пашков, а Большерецк — Кузьма Олесов.

Во время Новгородова в Камчатке, независимо от него, распоряжался делами управления Василий Шестаков, как уполномоченный от экспедиции. Он объявил всем камчатским острогам, что впредь уже не будет им обид от русских, и принял на себя исследование поступка Штинникова. Но Новгородов убедил его предоставить это дело ему. Василий Шестаков с помощником своим Шергиным собирал также и ясак, а когда комиссары Уваровский и Шехурдин требовали от первого из них ясачные книги, то он ответил им, что без приказа Павлуцкого этого сделать не вправе.

Кроме того, осенью 1729 г. на боте «Гавриил» прибыл в Большерецк племянник головы Шестакова — Иван Шестаков, который также считал себя начальником. Узнав здесь о крушении японской бусы, разграбленной Штинниковым, он 22 ноября отправил к месту ее крушения служилого Каращина, который привез в Большерецк 3 якоря, 3 пуда 10 ф. железа и часть японских вещей, которые записал на приход в казну. Иван Шестаков выехал из Камчатки в 1730 г., Новгородов, Уваровский и Шехурдин в 1731 г.

Новгородов представил ясаков с 3-х острогов с 2 527 челов., а Уваровский и Шехурдин сбору 1731 г. с 2 634 челов.

Вместо Новгородова был назначен в Камчатку дворянин Трифанов; но за старостию отказался, и вместо него отправлен осенью 1731 г. в Камчатку на «Фортуне» Иван Хвостов. Мореходы в ноябре 1731 г. доносили в Якутск, что судно оказалось весьма ветхо и снасти ненадежны, а *впредь будет великая остановка для отправления в Камчатку*, ежели не построится новое судно; ибо в будущем на «Фортуне» нельзя будет идти.

С самого начала появления русских в Камчатке камчадалы познакомились с наглостью и безнравственностью ясачных сборщиков и казаков, которые для своих выгод не щадили никаких средств. Правительство наше, осведомясь об огромных поборах, делаемых русскими в Камчатке, издало указ, которым повелевалось всем комиссарам при ясачном сборе не брать никаких взяток, под смертною казнию, а ежели ясачные принесут в почесть волею какую-нибудь мягкую рухлядь, то принимать ее в казну. Комиссарам же и другим лицам прежде ясачного сбора никакими товарами не торговать. Но комиссары не справлялись с указами, а брали себе чащины (камчатское название взятки. — *Авт.*) с каждого инородца по два и по три места, а за место считался бобр, соболь и лисица. Кроме того, казаки брали чащину для артели, а кто не платил, того били батогами до полусмерти.

С прибытием же в Камчатку экспедиции Беринга, как видели выше, не облегчилась участь камчадалов, и они только убедились, что пришедшие из европейской России не многим разнятся от своих собратов-сибиряков.

Хотя Беринг и не велел брать ясаков с тех камчадалов, которые находились в экспедиции, но комиссары для своих выгод взыскали с них ясаки, а в книгах писали под их именами, что зачтено за перевозку экспедиционных материалов. В особенности же отличались взяточничеством и жестокостью комиссары Новгородов и Шехурдин и подъячие их Мухоплев и Свешников. Они брали с каждого камчадала в один год по два и даже по три ясака и для себя по 3 и 4 лисицы или соболя, а у кого не оказывалось требуемого, брали в холопство жен и детей. Кроме того, летом собирали с каждого человека по три и по четыре вязки юколы и по 1½ пуда сладкой травы, кипрею и сараны, по 50 уток и несколько штук гусей и зайцев. По неимению же этих предметов, по лисице с души. Служилые, посылаемые за этими поборами, брали еще и для себя по лисице, кроме продовольствия. Все эти поборы камчадалы должны были доставлять в Нижнекамчатск на свой счет, летом на батах, а зимою на собаках. Прибывших же с этими вещами камчадалов прикащики посылали в лес за дровами для себя и команды, а иногда держали их для работ по полугоду.

Поступки Новгородова и Шехурдина вывели, наконец, из терпения камчадалов, и они с уходом из Камчатки экспедиции Беринга решились уничтожить у себя владычество русских; но прибывшая в Камчатку по выезде Беринга партия служилых под командою Василия и Ивана Шестаковых удерживала камчадалов от исполнения их намерения. В 1731 году партия Василия Шестакова соединилась с служилыми, пришедшими в Нижнекамчатск на боте «Гавриил» с штурманом Генсом для того, чтобы отправиться в Анадырск по приказу Павлуцкого. Камчадалы, осведомясь об этом, сговорились по выходе бота в море одновременно на всех пунктах полуострова сделать нападение на русских.

Бот «Гавриил» 20-го июля 1731 г. снялся с якоря; но за противным ветром остановился на якоре в устье р. Камчатки. Многие казаки из Нижнекамчатского острога собрались к морю провожать знакомых; здесь же находился в это время прикащик острога сын боярский Кирков и иеромонах Иосиф, для служения на боте напутственного молебна. Камчадалы, рассчитывая, что бот уже ушел на устья реки, начали восстание убийством казаков при устье реки Козыревской и вниз по реке Камчатке до Хапиц и далее к морю. Потом вошли в Нижнекамчатский острог, где били русских, не щадя ни пола, ни возраста, и разграбили их имущество. Завладев острогом 21-го июля 1731 г., они выжгли в нем все, кроме церкви, в которую сложили имущество обывателей (в это время в остроге было 20 дворов. — *Авт.*), а 22-го камчадалы праздновали свою свободу. Нарядившись в лучшее платье, иные в женское и даже в священническое, они ели, пили, плясали и шаманили. Еловский тоен Федор Харчин принял на себя звание комиссара и приказал крещеному камчадалу Савину, знавшему грамоту, петь молебен. В это же время была разорена и пустынь Козыревская.

Казачи, спасшиеся от смерти, побежали к морю и донесли Киркову о бунте. Кирков тотчас же потребовал от Генса на вспоможение людей для вырочки острога. Июля 21-го Генс отправил 52 чел. под команду подмастера Спешнева, коему велено иноземцев изменников сыскивать и уговаривать к повиновению ласково, а ежели не согласятся на убеждения, то идти на них войною. Июля 22-го Спешнев просил с дороги Генса послать к нему две большие пушки, пороху, свинцу, две мортиры с чинеными (начиненными порохом, разрывными. — *Ред.*) ядрами и, для вспоможения, еще служилых, ибо иноземцы засели в крепости и все казачьи корма забрали. Генс отправил солдата Змиева с 25 человеками и вышеозначенными припасами и велел ему быть в согласии со Спешневым.

Спешнев, подойдя к острогу, стал уговаривать камчадалов сдаться; но они объявили, что предпочитают смерть владычеству сборщиков и начали стрелять по русским, *за что оные изменники, по взятии острога приступом, зле и погибли, многих Божию помощью на бою побили, а которые из острогу убежали, и тех на побеге и поимке побили. Многие же, сидя в остроге, ясачную избу зажгли с порохом, и в ней сами сожглись и зажгли острог со строением.*

Августа 4-го Кирков с казаками просил Генса оставить анадырский поход для усмирения изменников и постройки нового острога, а ежели нельзя отложить похода, то оставить от партии 60 человек служилых; дать пороху, свинцу и проч., ибо пушки и снаряды, бывшие в Нижнекамчатске, бунтовщики сбросили в реку Камчатку, а прочее сгорело.

Генс, опасаясь, чтобы за малолюдством русских их не истребили камчадалы, решил остаться; бот «Гавриил» поставлен был в удобном месте на зимовку и близ него на острове построены часовня, ясачная изба, государев двор и казенный амбар.

При взятии Нижнекамчатского острога и по разным летним жильям побито камчадалами 43 человека казаков, да на приступе служилых трое.

Кирков, не зная о положении Большерецкого и Верхнекамчатского острогов, отправил туда нарочных с известием о бунте; но нарочные эти были убиты на дороге.

Генс послал солдата Змиева с служилыми вверх по Камчатке, Еловке и Козыревской до Верхнекамчатского острога с тем, чтобы на этом пути он розыскивал изменников камчадалов, а по прибытии в Верхнекамчатский острог, ежели найдет его разоренным, то с изменниками поступить военною рукою, а ежели там не было восстания, то передать приказание, чтобы служилые люди жили там с осторожностью и сохранили б острог и казну, а аманатов содержали как можно строже. В Большерецкий острог приказал послать известие о разорении Нижнего и о принятии мер осторожности, а если оба острога в безопасности, то часть команды бота возвратить к устью Камчатки.

Камчадалы, узнав о распоряжениях Генса на счет преследования бунтовщиков, стали сами приходиться в новый Нижнекамчатский острог с изъявлением покорности и дали Генсу 30 аманатов.

Змиев прибыл в Верхний 30 сентября с 11 человеками команды и жил здесь по 8 октября в ожидании известий о состоянии Большерецкого острога, куда верхнекамчатский прикащик Пашков писал пять раз о присылке известия о положении острога, но не получал ни разу ответа. Между тем 8 октября Пашков получил известие из острожка Машуры от служилого Аврамова, что множество изменников ходят выше реки Козыревской с ружьями, пищалями, да на р. Чажме собралось до ста человек изменников из *Шантал*. По этому поводу Змиев 8 октября ушел с командою вниз по р. Камчатке для преследования бунтовщиков. С Змиевым отправлено верхнекамчатских казаков 11 человек до Шапана.

С р. Камчатки Змиев ходил по р. Радуге для побития изменников, а в ноябре в Еловский камчадальский острожек; а казак Белков ходил для усмирения нижнешантальских и козыревских камчадалов.

Кроме того, получено известие о возмущении камчадалов ключевских, Каменного и Шантальского острогов и живущих по Бобровому морю, жупановских иноземцев, которые ловят казачьих баб и девок, отпущенных к родникам для прокормления, грабят у них платье и все, что найдут, а самих берут в плен; иных же колют.

В Большерецке, хотя и были получены все пять *отписков* из Верхнего; но закащик Кузьма Олесов не мог отвечать, не имея верного случая отправить письма; к тому же прибыл туда из Охотска новый камчатский комиссар дворянин Эверстов (служил прежде в придворной службе у Цесаревича Алексея Петровича и в 1718 г. был сослан в Якутск на жительство, а в 1728 г. освобожден из ссылки; но остался там на службе, потому что имел хозяйство и семейство. — *Авт.*). Судно его «Фортуна» 2 октября 1731 г. выбросило на р. Оклум (Облукомине) на берег, и Олесов должен был послать к нему людей навстречу для препровождения его в Большерецк (при судне Эверстов оставил морехода Треску с 12 служителями. — *Авт.*).

В то же время служилый Дмитрий Попов, едучи с командою с Облукоминской реки в Большерецк, на р. Компаковой остался ночевать в юрте камчадала Груна-мача. Но ночью дядя Груна-мача вынул лестницу из юрты и зажег ее, и Попов с товарищами и с двумя ясачными и казачьими детьми сгорел.

На р. Воровскую и далее посланы были служилые для усмирения. *Одних примирили и ясак взяли, других на бою побили; а иные сами кололись и давились.* Но на р. Харюзовой построен был крепкий острог, которого русские не могли взять и воротились, не усмиривши камчадалов. После того из Большерецка послан был туда пятидесятник Штинников с служилыми Соловьевым, Герасимовым и Дурининым; а всех в походе было русских 50, да ино-

земцев 30 человек. Поход начался с Воровской, потом по Облукоминской и кончился на Белоголовой. Во время этого похода перебито и переколото иноземцев без всякой причины человек 170; в плен взято жен и детей их 220; да в живых осталось человек до 100. Сопrotивление показали только на р. Воровской. Здесь убито с оружием в руках человек 15, а прочих невооруженных связывали и из рук кололи, хотя они не показывали русским никакого сопротивления.

Пленных казаки разделили между собою, на каждого служилого досталось по три, по четыре человека, а командирам по шести. Платье убитых также разделено; кроме того досталось в добычу казакам много лисиц и соболей, из которых 50 штук соболей пожертвовали в камчатскую пустынь.

В октябре 1731 года были отправлены в Верхнекамчатск из Большерецка сын боярский Назар Колесов с служилым Иваном Богомоловым. Они прошли через Авачу и, подходя к острогу *Малого Канача*, встретились с вооруженными камчадалами, которые их копьями и ножами покололи, а проводника-камчадала взяли в плен. Кроме того, эти же камчадалы убили 4 ясачных сборщиков служилых Ивана Украинцова, Михаила Дружинина, Михаила Шипунова и Алексея Черных и собирались идти на р. Большую в острог, чтобы сжечь казачьи зимовья и казаков перебить. Но, к счастью, проводник, взятый в плен, убежал и 20 октября донес в Большерецк про измену авачинских камчадалов, на которых и послан был пятидесятник Штинников и служилый Соловьев с 40 человеками.

С прибытием в Камчатку комиссаром дворянина Эверстова, Генс не принимал уже участия в камчатских делах. 11 ноября 1731 г. он послал в Анадырск Павлуцкому донесение о нижнекамчатском бунте, приложив при том и допросы иноземцев о причинах измены. В допросах главнейшие бунтовщики Федька Харчин и Хантей Юрин показали: «В 1730 г. комиссар Новгородов посылал за ясаками брата своего Матвея с подчиненным Мухоплевым, которые, кроме двойного ясака, брали по пяти голов с человека в *чащину* соболями и лисицами, а у кого не было зверей, то кухлянками, парками, женами и холопьями; да в 1731 году комиссар Шерхудин, подьячий Иван Свешников, служилые Григорий Попов и Андрей Орлик брали по три ясака, да по пяти чащины. Сверх того, собирали *неподобные сборы*: сладкую траву, кипрей, сарану, уток, гусей, юколу, ушканину (зайцев); собирали ясаки за умерших и били за недачу насмерть. За обором камчадалы голодуют и умирают; а по отнятии жен и детей и от смертного битья многие давились и, не стерпя таких обид, стали быть *во зломыслии*». Февраля 10-го 1732 г. Павлуцкий отправил это донесение в Тобольск. 23 июля 1732 г. бот «Гавриил» с подштурманом Федоровым и геодезистом Гвоздевым вышел в море для осмотра островов около Большой земли (Америки). В августе месяце судно подошло к о. Диомиду. Гвоздев наскоро осмотрел его и перешел к другому острову,

лежащему в $\frac{1}{2}$ мили от первого. А 12 августа бот стал на якорь у Большой земли и после непродолжительной стоянки ушел к устью р. Камчатки (бот «Гавриил» было первое русское судно, посетившее Америку. — *Авт.*). По имени Гвоздева долгое время назывались осмотренные им острова. Ныне эти острова называются св. Диомида, как назвал один из них Беринг за четыре года ранее Гвоздева. Почтенный А. П. Соколов справедливо заметил, что вернее было бы назвать их островами *Федорова* по имени командира бота «Гавриил», потому что Беринг видел только один остров.

Эверстов жил в Большерецке до 8 декабря и оттуда прибыл в Верхний 26-го декабря. Здесь управитель острога Пашков донес ему, что на Бобровом море у Жупановской реки было восстание, и что Пашков посылал туда служилого Сапожникова, который нашел бунтовщиков в нарочно построенном на *отъемной* сопке остроге. Вследствие предложения Сапожникова о сдаче острога некоторые вышли из него, а другие стали стрелять по русским из луков и камнями из ремней. Тогда Сапожников приступом разгромил острог. Изменников побили, иные убежали, а многие сами передавились. *Харька* с двумя товарищами взят в плен и доставлен в Верхнекамчатск, где и отдан на поруки.

Оставшийся у судна на р. Облукоминой служилый Шарапов с товарищами писал Эверстову о полученном им известии, что харюзовские и тигильские камчадалы убили посланных для *проведывания до р. Сопочной* 3-х человек казаков и обещались идти по западному берегу на Большерецкий острог и на ясачных инородцев, живущих по край Пенжинского моря, а судно сжечь. Но из Верхнекамчатского острога, за рассылкою людей и совершенным голодом, некого было послать Эверстову на р. Тигиль. После таких неблагоприятных известий, Эверстов не пошел за ясаками в Нижнекамчатск, а отправил туда служилого Борисова с 12 человек казаков. Борисов 8 января 1732 г. вышел из Верхнего острога и по прибытию к Нижнекамчатску 30 января узнал от Киркова, что Генс до прибытия его собирал ясаки без книг против сказок. За сбором посылал на Тигиль матроса Петрова, а на Уку Александра Змиева и давал им в толмачи брата изменника Федьки Харчина *Аяхаруча*, который сам убил карагинского сборщика и ясаки разделил с товарищами, которые отпущены Генсом в свои селения и живут свободно. В это же время Эверстов получил известие, что харюзовские камчадалы снова восстали и под предводительством *Максимки* и *Щербака*, убив сборщика Золотовина с 2-мя казаками, отправились в числе 100 человек к пенжинскому берегу к судну «Фортуна», которое хотели сжечь.

Эверстов требовал от Генса для походу на Авачу и на Харюзову людей, свинцу и пороху, ибо в казне пороху и свинцу нет, а людей весьма мало. На Авачу Генс послал с пушкою Александра Змиева; но на Харюзову послать было некого.

Змиев по возвращении своем в Большерецк донес, что в 1731 г. марта 12-го с инструкцией за подписанием Генса отправлен он был со служилыми на Авачу (Авачей в то время называли все пространство, занимаемое Авачинскою губою с ея окрестностями. Острог Малого Канача, вероятно, находился на устье Паратунки, где доныне по ямам и буграм можно видеть прежние жилища. — *Авт.*) и апреля 12-го, соединясь с пятидесятником А. Штинниковым, воротившимся с побоища на пенжинском берегу, прибыли 1 мая рано утром к крепко устроенному изменническому острогу на Аваче, призывая ласкою. Но из острогу ответа не было, почему стали стрелять по ним из пушек и ружей. Затем перегребли через реку, подошли под стену острога и стали бросать гранаты, которыми много убили изменников, а балаганы сожгли; но камчадалы все-таки стреляли по русским; наконец острог пал, и многих покололи. На приступе казаков ранено 2, а камчадалов убито 62 человека.

От оставшихся в живых шести человек узнали, что главных изменников *Вахлыча* и *Канача*-младшего тут не было. Он ушли в многолюдстве на море на Отпрядыш (камень в Авачинской губе). Тогда, взяв камчадалские байдары, казаки пошли для отыскания изменников. Мая 6-го пришли к Отпрядышу и стали ласковыми словами уговаривать; но камчадалы не сдавались, и русские пошли паромами и байдарами на приступ, палили из пушек и ружей, но неудачно, потому что по причине морского волнения не метко попадали. У изменников был построен деревянный заплот и внутри закладен камнями. Камчадалы палили из ружей и ранили Штинникова в лоб и служилого Афанасия Сургучева в голову. Видя невозможность взять острог приступом, русские отступили и вокруг острова поставили на байдарах караул. Таким образом держали камчадалов в осаде 7 дней.

Наконец 14 мая Вахлыч, видя упорную осаду и изнуренный жаждою и голодом, вышел из острога с женою и детьми и привез четыре винтовки; за ним вышел раненый Канач и другие камчадалы в многолюдстве. Русские, боясь, чтобы в ночное время не напали на них пленные, поступили с ними военную рукою, т. е. обезоруженного Канача с 20 камчадалами убили. А Вахлыча с 40 товарищами взяли в плен. Вахлыч 14 мая объявил, что три тоена с множеством своих родственников ушли на Вилючинский остров (Старичек). Мая 18-го Змиев и Штинников послали туда служилых с Вахлычем в четырех байдарах. Но служилые, возвратясь 20 мая, донесли, что на Вилючинском острову нашли только одну старуху, от которой узнали, что все камчадалы на байдарах ушли на Курилы.

Змиев предлагал Штинникову идти байдарами на Курилы в погоню, чтобы предупредить камчадалов сделать возмущение у курильцев; но Штинников объявил, что он своею командою отыщет изменников и усмирит их. Тогда Змиев поспешил к своему судну, оставив Штинникову походную чугунную пушку, бочку пороха, 42 ядра и пальник.

Главный изменник Вахлыч в Большерецке показал, что в 1730 г. ясачный сборщик Осип Верхотуров брал с них сверх ясаков по четыре бобра с человека, да для аманатов юколы по 400 штук, по три нерпы и по три пузыря нерпичьего жиру. У кого требуемое не находилось, то Верхотуров наказывал батогами. В авачинском походе взяли ясаку 10 красных лисиц и 1-го бобра. Себе же взяли 13 бобров, 5 бобровых парок и две лисьи. Казаки добычу эту разделили между собою, пожертвовав из этого числа часовням Большерецкою, Нижнего и Верхнего острогов по одному бобру и церковникам по одной лисице.

Таким образом погашено возмущение камчадалов. Остались только неусмирными харьюзовские камчадалы, которые засели на острове и укрепились в хорошем остроге. Эверстов не послал казаков на харьюзовцев, потому что во всей Камчатке был крайний недостаток, как в снарядах, так и в людях, к тому же нельзя было оставить острог без значительного гарнизона, ибо разогнанные камчадалы бродили партиями по разным местам полуострова и могли при оплошности русских разорить острог. И потому окончательное усмирение камчадалов Эверстов оставил до присылки из Якутска снарядов и людей, о чем писал он при отправлении в 1731 г. «Фортуны» в Охотск.

Во время этого ужасного побоища камчадалов, в Коряцкой и Чукотской землях совершались почти такие же кровавые сцены. В сентябре 1730 г. при-был командиром в Анадырский острог помощник головы Шестакова капитан Павлуцкий. В это время всей команды в остроге с вновь приведенными служивыми было 235 человек, и все они были заняты исправлением ветхого, полуразрушенного острога. Чукчи же, пользуясь малолюдством русских в Анадырске, бесчинствовали, оставаясь не наказанными за убийство в 1725 г. морехода Нагибина, проводывавшего острова в Беринговом проливе и Большую землю. Они видели в этом бессилие русских и сделали в том же 1725 г. страшное опустошение в земле коряков, после чего многие ясачные коряки, отложившись от русских, снова покорились чукчам, у которых они до появления в их земле русских были в постоянной зависимости.

Из Анадырского острога ежегодно писали в Якутск о присылке подкрепления, но просьбы оставались без исполнения, и в течение 10 лет не было прислано ни одного служилого. Весною 1730 г. чукчи снова перешли за реку Анадыр, убили Шестакова и до сотни оленных коряк; взяли множество их в плен и угнали табуны. Осенью 1730 г. есаул Иван Астафьев прибыл в Анадырск с телом головы Шестакова, его имуществом, казенными вещами и ясаками, а 30 ноября пришли к Павлуцкому ясачные коряки с жалобою, что они живут около Олюторска по разным местам под властью русских, платят ясак, а между тем беспрерывно терпят нападения от чукоч, которые побивают их, полонят жен и детей, отгоняют табуны. Коряки просили наказать хищников, предлагая в случае похода и свои услуги. Но Павлуцкий не мог оставить острога, не укрепив его. Наконец весною 1731 г. окончили постройку нового

рубленого острога, ясашной избы и проч. Взяв с собою 160 коряк, 60 юкагирей и 215 чел. служивых, 12 марта он отправился в Чукотию на предложенных для этого похода ясашными коряками и ламутами оленях. По выходе из острога он держался к северу до р. Белой, впадающей в р. Анадыр, перейдя которую направил путь к Колымскому морю, делая в сутки верст по 10-ти. Достигнув Ледовитого моря, пошел вдоль морского берега на восток, намереваясь таким образом обойти вдоль берега всю Чукотию до устья р. Анадыра. Мая 9-го встретили первую юрту сидячих чукоч, в которой без разговоров бито 6 чукоч — женщины и дети покололи сами себя во время смятения; в добычу досталось 100 оленей. Вскоре потом нашли небольшую бухту, которую обходили целую ночь.

Остановившись для отдыха, заметили юрту на отпрядыше в море. Посланные убили бывших в ней шесть чукоч. Потом встретили другую бухту, гораздо обширнее первой, и в течение дня перешли ее по льду. Следуя далее по берегу Ледовитого моря, встретили до 3-х чукоч, которые, увидя русских, поспешно удалились. Через пять дней, и именно 17-го июня, показалось на берегу до 700 вооруженных чукоч. Павлуцкий ласкою уговаривал их покориться и дать аманатов, но они не согласились, а потому завязалось сражение. 450 чукоч убито, до 150 мужчин, женщин и малолетних взято в плен, остальные бежали; в добычу досталось 500 оленей. В этом сражении убиты пятидесятник Чириков и казак; ранено наших 70 человек.

Переночевав на месте побоища, пошли далее и встретили Чукотский острожек, укрепленный езжалыми санками, моржевою кожею, обсыпанный камнями и песком, а вокруг обвязанный ремнями и заключавший восемь юрт. Острог разорен, юрты сожжены, а люди побиты и взяты в плен.

Затем Павлуцкий оставил приморский колымский берег и поворотил вправо, чтобы через Чукотский мыс пройти на Восточный океан. Шли три недели, не встречая ни одного чукчи, ни леса, ни порядочной реки, и уже достигли 29 июня середины Чукотского мыса, где внезапно напали на Павлуцкого две партии оленных чукоч, пришедших с колымского и восточного берега. Число неприятелей простиралось до 1 000 человек. Упорная битва 30-го июня продолжалась с раннего утра до полудня; чукоч убито до 300; взято в плен десять, остальные бежали. В число добычи достались Павлуцкому вещи убитого Шестакова. Русские не понесли никакой потери. От пленных разведали, где содержатся табуны оленей, которых и взяли до 40 тысяч.

Затем Павлуцкий перебрался на Анадырское море без особых приключений. Но, не доходя до гористого носа, вышедшего далеко в море, названного анадырцами *Сердце-Камень*, встретили 14-го июля до 500 чукоч. Завязалось дело, в котором убито 40 чукоч, остальные бежали, и взято 30 оленей; из русских убит один казак и многие ранены. 1-го августа вышли к бывшему юкагирскому торговщицу, переночевали и отправились вдоль губы, оставив

Сердце-Камень и устье Анадыря в левой стороне, чтобы выйти на прежнюю дорогу, по которой 21-го октября воротились в Анадырск.

Погромив чукок, Павлуцкий со служилыми, казачьими детьми и промышленными пошел февраля 10-го 1732 года *с огнем и мечом* на реку Чендон (Ижигу) на непокорных коряк — отомстить за смерть пятидесятника Лебедева и за сожжение судна на Яме. Виновные коряки были большей частью ясашные. 25-го марта 1732 года Павлуцкий подошел к Пареньскому острожку сидячих коряк. Заметив русских, коряки заперлись в остроге, а на требование дать аманатов выпросили через толмачей день сроку. Через день вывели пятерых аманатов и дали в ясак 25 одежд оленьих и волчьих. Но когда в следующую ночь один из аманатов, оставленных в лагере, ушел из под караула, Павлуцкий, не справляясь о месте пребывания беглеца, в полдень начал пальбу из пушки по острогу, а служилых с щитами послал на приступ. Коряки сначала встретили русских стрелами и камнями из пращей, потом сделали вылазку, во время которой ранили пять казаков и Павлуцкого в ногу. Но все-таки острог был взят и бежавшие коряки переколоты, *а иные сами потопились в море*. Некоторые не оставляли своих юрт и стреляли из луков по входившим в острог казакам. За это Павлуцкий велел у всех юрт завалить входы и зажечь их со всеми находившимися в них мужчинами, женщинами и детьми.

После наказания коряк капитан воротился в Анадырск, оставив одного аманата на пепелище, чтобы он мог рассказать корякам, как умеют русские наказывать бунтовщиков, а трех увез с собою. По возвращении в Анадырск он получил указ сибирского приказа 10-го августа 1731 г., коим ему поручалось принять команду над партией Шестакова и до указа на чукок не ходить, а призывать их ласкою.

По ходатайству тобольского губернатора в награду за службу и заслуги капитан Павлуцкий получил чин майора.

Скорняков-Писарев, назначенный командиром Охотского порта с властью и над Анадырским и другими острогами, июля 1-го 1732 г. дал повеление Павлуцкому стоять с командою в удобном месте, где есть корма, о действиях писать, но самому не приезжать в Якутск. А вслед затем приказал строить по данным чертежам остроги: один на устье р. Анадыря или на р. Березовой, для защиты русских, коряк и юкагирей от немирных чукок, мешающих последним заниматься здесь промыслом диких оленей; другой на реке Пенжине для умирения пареньских коряк и живущих по рекам Чендону и Яме, который защищал бы и Камчатку. Построив остроги, оставить в каждом по 50 казаков, самому идти через Чендон, Яму и Тауйск в Охотск и расчищать на 5 сажень дорогу, строить мосты, а на больших реках завести плоты и учредить на этом пути правильное плотовое сообщение.

Павлуцкий донес охотскому командиру, что на устье Анадыря острога не из чего строить — лесу там вовсе нет, а на реках Березовой и Пенжине

остроги не нужны, потому что не только непокорных, но и ясашных жителей нет, притом места там голодные. А об дороге и учреждении почты, как о деле совершенно невозможном, вовсе умолчал, и сам 5-го ноября 1732 г., будучи недоволен нелепыми распоряжениями Писарева, уехал в Якутск и увез за собою анадырского прикащика Шестакова с 15 казаками, оставив Анадырск гренадеру Машрукову, которому дал предписание отправить 96 казаков с капраном Шадриным для постройки Олноторского острога.

Партия в Анадырске без командира пришла в совершенное расстройство. По выезде Павлуцкого чукчи отогнали с тундры от самого острога оленный табун, причем убили нескольких пастухов-коряк и 12 казаков, а олноторцы, или сидячие коряки острогов: Олноторского, Култумского, Телличинского, Говенского возмутились и из посланных 96 человек для строения Олноторского острога 12 августа 1733 года убили 13 человек, угнав при том оленный табун. Прочие оставались в осаде, пока голод не заставил их выйти из острога. 4-го сентября одни из них бежали чрез Акланск в Анадырск, в течение 10 дней были без пищи и лишились двух товарищей, умерших от голода; другие 16 человек успели пробраться в Камчатку. Острог был разорен коряками.

Между тем в Тобольске получили донесение Павлуцкого (от 27-го октября 1732 г.) о бунте, распорядились послать иркутскому вице-губернатору с курьером указ, которым предписывалось для производства следствия о причинах бунта немедленно командировать в Камчатку якутского полка майора Василия Мерлина и с ним отправить: обер-офицера и капральство солдат из якутского же полка (Якутский полк стоял в то время в Селенгинске. — *Авт.*) и, кроме того, сколько нужно команды из Иркутска и Якутска.

Мерлину, между прочим, предписывалось:

1) Воров и заводчиков Федьку Харчина с братом Степкою, дядею их Голгоча; бывшего служилого Родиона Зырянова с женою и сыном его Никитою и затем Антошкою и прочих заводчиков, оковав руки и ноги, содержать под крепким караулом. Следовать накрепко в зажжении ими острога и церкви святой и побитии служилых, и пытать. А понеже Харчин, да Муширского острогу есаул *Урил* и тоен *Начика* показали, что измена учинилась от обид, неокладных и необстоятельных поборов и чащин (взятки), то Новгородова, Шехурдина и из подьячих Мухоплева и Свешникова пытать и произвести исследование.

2) Нижний острог починять, чтобы впредь в нем было безопасно, а также починять и другие остроги, и чтобы везде были крепкие караулы.

3) Если ссылочные люди, которые посланы из Тобольска в Охотск, еще не отправлены из Якутска, то часть их отправить в Нижнекамчатск *для умножения онаго*, озаботясь при том их прокормлением в Камчатке.

4) Сборщиков посылать и прикащиков определять в Камчатку из якутских дворян и детей боярских, а служилых людей добрых за выборами и при-

сягою. Сбирать им ясак по окладам, без обид, и взяток не брать, под смертною казнию.

5) Исследовать об убийстве пятидесятником Штинниковым японцев и узнать, какие были при них товары.

6) Двух японцев немедленно отправить в Тобольск.

7) Взятые сборщиками излишние поборы засчитать в казну и

8) Произвести следствие над дворянином Иваном Шестаковым и штурманом Генсом за их самовольство.

На основании этого распоряжения Мерлин прибыл в Иркутск с прапорщиком Единым, капралом, писарем, барабанщиком и 36 солдатами. В Иркутске в апреле 1733 г. были назначены еще к Мерлину: канцелярист Литвинцев, копиист и заплочный мастер (палач) с инструментами.

Походная розыскная канцелярия — так официально называли эту экспедицию — отправилась весною в Якутск по Лене на досчаниках. В Якутске был назначен помощником к Мерлину только что возвратившийся из Анадырска известный уже нам майор Павлуцкий и прибавлено к его команде 29 служилых и 30 казаков. В Якутске Мерлин описал имущество бывших камчатских прикащиков Новгородова и Шехурдина, а самих, закованных согласно с распоряжением из Тобольска, взял с собою в Камчатку.

6-го июля 1733 г. розыскная канцелярия выступила из Якутска на 554 подводах, нанятых у якутов по 5 руб. за каждую (на отправление канцелярии были произведены следующие расходы: якутам на прогоны 227 руб.; на прогоны до р. Лены 238 руб.; на провиант 316 руб., на наем 142 плотников 71 руб.; 130 пар сыромятных сум 139 руб.; 149 подпруг 36 руб.; бумага и чернила 12 руб. 40 коп.; на жалование служилым хлебное — 1 637 руб.; денежное 183 руб.; 515 сажень ремней — 7 руб. 15 коп.; 347 сум провианту 347 руб.; войлоков для 302 постелей — 302 р.; ремней подпруг в 10 кож 137 р. 44¹/₂ к.; топоров и других железных изделий весом 60 пуд. на 30 р.; 8 пуд. укладу 62 руб.; и денег 775 руб. 85 коп., а всего на 7 262 р. 87¹/₂ коп. Кроме того отпущено было на каждого служилого до 2 ф. пороху и по 3 ф. свинцу. — *Авт.*) В сентябре 1733 г. розыскная канцелярия прибыла в Камчатку на боте «Гавриил» и оставалась там для следствия по 1739 год.

В том же году Мерлин разослал по всем камчатским селениям именной указ 21-го мая 1733 г., данный для успокоения камчадалов от притеснения русских. Кроме того, в каждом селении были назначены тоены (старшины), обязанные смотреть за поведением прочих инородцев и за своевременной уплатой ясаков. В 1736 г. Мерлин построил новый Нижнекамчатский острог на левом берегу Камчатки в 184 верстах ниже прежнего, с башнею о четырех жильях, а в 1737 г. построил в нем двухпредельную церковь. В 1739 г. в Пенжинском заливе построил Ямской острог для надзора за коряками, а в Большерецке заложил церковь.

Осенью 1739 г. розыскная канцелярия по окончании следствия выехала в Охотск. По Высочайшей комфирмации (утверждению. — *Ред.*) повешены два прикащика: Новгородов и Шехурдин за неправильные поборы и пятидесятник Штинников за убийство японцев. Кроме того, *для обуздания и в страх*, повешены в каждом остроге по два камчадала из числа главнейших виновников.

По приговору же Мерлина и Павлуцкого апреля 17-го 1735 года наказаны: сборщики *Скрябин, Рюмин и Мухомлев* — за взятки и неправильные поборы *биты на площади кнутом нещадно*. Сборщик *Новограбленный* за поборы для себя и закащика *Пашкова*, который волею Божеею умер, — бит батожем нещадно. Целовальники *Кирков и Власов* — за промен вина на соболей биты кнутом на площади. Служилый *Матвеев* за подмену хороших соболей в ясаке худыми наказан плетьюми. Служилый *Попов* за сбор для команды юколы без приказа командирского бит батожем. И в 1738 г. подпоручик *Латышев*, служилые *Карпов и Аргунов* и толмач *Агататов* биты кнутом, и последние два сосланы в вечную работу в Охотск.

Иван Шестаков оказался правым, а Генс не судился, потому что не встречался с Мерлиным.

В бытность в Камчатке походной розыскной канцелярии комиссар Эверстов занимался только сбором ясака. В 1732 г. собрано им и отправлено в Якутск с подьячим Борисовым ясаку: соболей 19 сороков и 5 соболей, лисиц красных 1 002, чернобурых 2, крестовок 3, сиводушек 10, бобров 10 и кошлаков (молодой бобр. — *Ред.*) 8. В 1733 году собрано: соболей 3 сороков, *чащину* 4 сорока 31 соболя, лисиц красных 866, *чащину* 27 лисиц; бобров 46, кошлаков 30, *чащину* 5 кошлаков и лисиц 15, да *чащину* 9 выдр, 1 лисица. Всего на сумму более противу сбору 1732 года. Своих же пожитков Эверстов послал в Якутск: бобров 50, два сорока соболей и красных лисиц 60, по тамошней оценке на 1 000 руб. Да приехавший в Камчатку с Эверстовым купеческий сын Глазунов вывез 40 бобров, 9 кошлаков, 4 сорока соболей, 90 лисиц красных, 27 сиводушек. В августе месяце 1733 г., когда ясаки были доставлены в Охотск, начальник охотского порта Скорняков-Писарев, узнав, что у Эверстова и Глазунова больше бобров, чем в ясаке, приказал почти все их меха взять в казну и передать Мерлину, несмотря на то что Эверстов писал Писареву, *что пожитки эти приобретены его челедицами* (всего же взято у Глазунова и Эверстова мехов на сумму 2 049 руб. 30 коп.; да кроме того от них же Писарев взял себе в жалование 4 бобра в 10 р. — *Авт.*).

В 1739 г. Эверстов подал в Иркутске жалобу на неправильное взыскание с него собственных пожитков. И хотя иркутская провинциальная канцелярия по рассмотрению дела наша его жалобу уважительною; но сибирский приказ отказал ему в удовлетворении убытков.

Между тем правительство наше, как бы предвидя настоящие события в Камчатке, еще до получения известия о камчатском бунте нашло необходи-

мым изменить существовавший тогда порядок управления в приморских наших владения на Восточном океане. Убедясь, что по отдаленности Якутска тамошнему начальству трудно следить за действиями лиц, посылаемых туда за сбором ясака, оно избрало Охотск центром управления всего северо-восточного края Сибири, и 29 апреля 1731 г. по указу правительствующего сената был назначен в Охотск особый командир Скорняков-Писарев, которому подчинена была и Камчатка.

В 12-м пункте инструкции Писареву было сказано: «Тебе Писареву смотреть и за камчатскими прикащиками, и кои будут посылаться из Охотска офицеры с служилыми людьми для исправления дел и содержания острогов, чтобы они с тамошним народом поступали порядочно, и ежели про них будут жалобы, или по слуху сам уведаешь о каких не порядках и обидах, то как возможно унимать и штрафовать, по силе государственных прав, понеже Охотск стал быть от Якутска к Камчатке самой близкий порт».

В 13-м же пункте той инструкции предписывалось ему: «Для лучшего содержания острогов определять в них командиров не так, как ныне, ежегодно переменных; но на несколько лет, или пока какой в вину или подозрение войдут, дабы для своего житья лучше рачили и хлеб размножали и народ приласкали».

Независимо от того 29 января 1732 г. состоялся сенатский указ, чтобы сборщики ясаков взяток не брали, а все подарки записывали бы в казну на приход, а 3 февраля издан новый указ, чтобы сборщиками назначать людей благонадежных и, наконец, в 1734 г. сибирский приказ подтвердил еще раз Писареву, чтобы в Камчатку назначались *добрые командиры*.

Первым постоянным командиром в Камчатку был назначен в 1732 г. иркутский дворянин Бейтон и в помощь ему капитан Княжинкин. Но Бейтон вскоре отказался от этой должности, и вместо него в октябре 1733 г. прибыл в Камчатку иркутский дворянин Добрынский, который и принял управление от Эверстова. Добрынскому от собиравшего ясашные переписи в иркутской провинции полковника Кошелева поручено было немедленно составить и прислать в Иркутск окладную перепись камчадалам. Но Добрынский составил эту перепись по старым ясашным книгам, заведенным вскоре после покорения Камчатки, в которые вписывались ежегодно новые плательщики ясака, а умершие не исключались.

В 1735 г. Добрынскому было получено Писаревым заготовить для второй Беринговой экспедиции в морскую провизию сухую рыбу и рыбий жир; выварить соль из морской воды и выкурить пиво из сладкой травы. Но Добрынский в сентябре того же года умер, и должность его принял сын боярский Шестаков, который был не более как исполнитель приказаний походной розыскной канцелярии. Но когда в 1737 г. Шестаков был привлечен к следствию по камчатскому бунту, Писарев послал в Камчатку подпоручика

Максима Латышева с сборщиком Аргуновым, служилыми Кришотовым и Карповым и 27 человеками казаков. Все они разъезжали по Камчатке, и несмотря на недавнее наказание их предшественников за злоупотребления, брали взятки с камчадалов, чем могли, и собирали ясак за умерших и убитых в бунте, пока не узнал об этом Мерлин, который распорядился сменить с должности Латышева и отдать его вместе с сообщниками под суд, а в 1738 г. всех их по приговору розыскной канцелярии наказал *нещадно* кнутом.

6-го октября 1737 г. в Камчатке и на Курильских островах было такое сильное землетрясение, что многие юрты развалились, и морская вода, поднявшись сажени на три, с быстротою хлынула на берег и разлилась на значительное пространство, поглотив несколько жертв. Землетрясение это продолжалось с меньшею силою несколько месяцев, и в это время в первом Курильском проливе, которым до 1737 г. обыкновенно выходили из Охотского моря наши суда, образовалась новая гряда камней.

В 1738 г. по распоряжению Писарева на устье р. Большой был построен высокий деревянный маяк; но через несколько лет он был смыт, и устье реки с 1748 года стало отходить к нему, а прямое старое в 1750 г. вовсе замыло.

В 1739 г. Писарев послал в Камчатку командиром сын боярского Колесова, которому для ознакомления с северо-восточным краем приказал ехать в Камчатку через Якутск и Анадырский острог. 7-го февраля 1739 г. он дал Колесову следующую инструкцию:

«Указом Ея Императорского Величества, присланным из иркутской провинциальной канцелярии, писанном в Иркутске июля 7-го, а полученном в Охотске 31 декабря 1738 года, велено в камчатскую экспедицию заготовить морской провиант; и в приобщенной при том Ея Императорского Величества указе табели показано в тот морской провиант рыбу и, вместо масла коровьего, рыбий жир, вино и, вместо мяса, соленую рыбу готовить на Камчатке, а соль готовить же в Охотске и на Камчатке; а в ведомостях камчатской экспедиции капитана-командора господина Беринга в канцелярию Охотского порта написано, что вышеобъявленное в морской провиант надлежит изготовить на Камчатке конечно (окончательно. — *Авт.*) в будущем 1740 г.; а понеже в будущее лето, за неимением якорей, строящееся судно из Охотска на Камчатку чтоб пошло, в том полной надежды нет, того ради ехать тебе Колесову, взяв с собою в товарищи служилаго человека Назара Колесова из Охотска в Якутск, а в Якутске взять еще себе в товарищи, в прибавок ему Колесову, двух человек партии служилых людей, и от якутской воеводской канцелярии надлежащее число подвод, ехать через Анадырский острог на Камчатку, и приехав чинить следующее.

1. Вышепоказанный морской провиант изготовить тебе в будущем 1740 г. к будущему 1741 г. в Нижнем и Верхнем камчатских острогах и в присутствующих по оным рекам служилыми и прочими в тех острогах жителями и ясач-

ными людьми. Рыбы сухой 210 пуд. 24 фунт., да вместо масло коровьяго жиру рыбьяго 315 пуд. 36 ф., соли 253 пуд. 32 ф.; а буде вышеописанного числа жиру изготовить будет невозможно, то конечно изготовить 157 пуд. 38 ф. Вина из сладкой травы накурить 336 ведер 96 чарок обретающимися на Камчатке казенными кубами и котлами, а ежели теми кубами и котлами определенного числа вина выкурить будет невозможно, то на то курение купить котлов и труб на Камчатке по настоящей цене, без передачи на прибыльные деньги от винной продажи, чтоб в курении вина в камчатской экспедиции остановки не было. А на то курение вина собирать сладкую траву со всех камчатских жителей и ясачных людей и платить за нее табаком за пуд по фунту из наличнаго камчатскаго табаку, который послан в прошлых 1737 и 1738 годах на Камчатку на продажу. А ежели тот табак продан, то брать сладкую траву с запискою в долг, а по привозе табаку на Камчатку за ту траву заплатить табаком; а рыбу и рыбий жир ставить в цену по настоящей камчатской цене без передачи. А понеже потребуется сладкой травы многое число, то учинять тебе во всей Камчатке крепкой наказ, чтобы никто никому сладкой травы не продавали, а приносили б продавать на выкурку вина для экспедиции.

2. На команду капитана Шпанберга рыбы сухой 199 пуд. 32 фунта, рыбьяго жиру 292 пуд. 28 ф., или жиру половину; вина 319 ведр 68 чарок; соли 74 пуд. 37 ф. наготовить в Большерецке покупкою в будущем 1740 г., а буде уведомишься, что капитан Шпанберг в предбудущем 1740 и 1741 годах в поход не пойдет, то на команду его выше объявленнаго не заготовлять, а сладкую траву употреблять на варение вина на команду Беринга.

3. Ежели он Беринг порученнаго ему дела в будущем 1741 г. не исправит, а исправлять будет в 1742 г., то в 1741 г. изготовить на его команду провианту, сколько велено изготовить в 1740 году, да сверх того соленой рыбы половину требуемого числа, а именно 263 пуд. 10 фунт. да соли 78 пуд. 34¹/₂ ф.

4. Сколько вышепомянутого провиана изготовлено будет, то отдать тебе в камчатскую экспедицию с роспискою на счет, с ценою почему что в покупке будет.

5. Сколько изготовлено будет в камчатскую экспедицию и по каким ценам, и чего и зачем изготовлено будет, о том тебе в канцелярию Охотского порта рапортовать.

6. Прочия дела на Камчатке, кроме ясачного сбора, исправлять тебе по данной инструкции прежнему камчатскому командиру Добрынскому иркутской провинциальной канцелярии, и по указам Ея Императорскаго Величества о ясачных сборщиках. В сборе ясака смотреть, чтобы ясак собирали добрый, и при сборе ясачным людям от них сборщиков обид и разорения не было и взятки с ясачных людей никаких не брать.

7. Понеже по присланному указу от сибирскаго приказу велено капитана Шпанберга и прочих, до кого порученное дело канцелярии охотскаго порта

не касается, до продерзостей не допускать и смотреть того накрепко. Но капитан-командор г. Беринг, допуская его Шпанберга на Камчатке продерзостные дела чинить и богатица, посланнаго от канцелярии охотскаго порта капрала Фридриха Пленеснера за Шпанберговыми продерзостными делами смотреть и до того его не допускать, на Камчатку перевестъ (на суде. — *Авт.*) не велел и писем никаких для посылки на Камчатку не принял. Того ради тебе Колесову во всей Камчатке, проведая, изследовать, не учинит ли капитан Шпанберг, будучи на Камчатке, каких обид и взятков себе с тамошних обывателей. Не брали ли также оных и посланные от капитана Беринга подпоручик Свистунов и подштурман Родичев и прочие люди его Шпанберговой команды, ибо на вышеписанных Свистунова и Родичева с Камчатки в рапортах написали, что вино курили и тем вином и табаком торговали и что они находящагося у себя табаку конфисковать не дали.

8. Будучи тебе Колесову на Камчатке обид не чинить, а исправлять дела, как надлежит доброму человеку, по присяжной должности, опасаясь за неисправление и обиды надлежащего штрафа».

Петр Колесов по прибытии в 1740 г. в Камчатку избрал своим местопребыванием Большерецкий острог, и с этого времени все распоряжения по Камчатке делались от имени большерецкой канцелярии. Управление же над Верхним и Нижним острогами он поручил брату своему Ивану Колесову, который брал взятки и буйствовал и наконец за убийство в пьяном виде служилого Пинегина был отдан под суд.

В том же году прибыла в Камчатку вторая экспедиция Беринга. Экспедиция состояла из трех отрядов: первый под личным начальством Беринга должен был отыскать Америку; второй под командою Шпанберга — исследовать Японию и, наконец, третий — произвести опись Ледовитого моря.

Еще в 1737 г. Шпанберг послал в Камчатку бот «Фортуна» с подштурманом Родичевым и геодезистом Свистуновым за смолою и для постановки вех в тамошних гаванях: Большерецкой, Нижнекамчатской и Авачинской.

В 1738 г. Шпанберг с тремя судами отправился в Японию. Пройдя вдоль Курильской гряды до широты $45\frac{1}{2}^{\circ}$, *по позднему времени*, в половине августа спустился на зимовку в Большерецк. Во время зимовки было построено им еще одно судно — *шлюп Большерецк*.

В это время в Большерецке находился для следствия по камчатскому бунту майор Павлуцкий. Беспokoйный и грубый Шпанберг постоянно ссорился с ним, за что неоднократно *был бит* Павлуцким, который отличался своею силою и представительною наружностью.

В мае 1739 г. Шпанберг с 4-мя судами снова отправился в Японию и, осмотрев весьма поверхностно северную часть, возвратился в Охотск с тем, чтобы выехать в Петербург. Но на пути в Иркутск он получил от адмиралтейств-коллегии распоряжение снова отправиться в Японию и вернее определить

ее долготу. Между тем Беринг взял с собою все находившиеся в Охотске экспедиционные запасы, и Шпанберг для заготовления их принужден был отправиться в Якутск.

Во время путешествия Шпанберга Беринг с двумя судами, пакетботами «Св. Петр» и «Павел», прибыл 27 сентября 1740 г. в губу, называемую до того времени камчадалами *Суачу*, где посланным вперед штурманом Елагиным построены были к его прибытию необходимые помещения. Здесь Беринг остался зимовать, и эту одну из лучших гаваней в мире назвал по имени своих судов — *Петропавловскою*. Большая же часть экспедиционных запасов была доставлена из Охотска на дубель-шлюпке и гальоте в Большерецк, так как суда эти за сильным ветром не могли попасть в Петропавловскую гавань. Обстоятельство это было причиною, что и на это раз все экспедиционные припасы везлись из Большерецка в Петропавловскую гавань сухим путем на собаках, что было сопряжено с большими трудами и убытками для камчадалов. Во время зимовки Беринг распорядился постройкою маяка на правом берегу Камчатки около самого ее устья.

4 июня 1741 г. пакетбот «Петр» под командою Беринга, пакетбот «Павел» под командою капитана Чирикова отправились в американский поход. Судно Беринга, разлучившись с пакетботом «Павел», все лето провело в плавании по Беринговому морю (Берингово море, названное так в честь его, прежде известно было под названием Бобрового и Камчатского моря. — *Авт.*), подходя на вид Алеутской гряды, и, наконец, 5 ноября, потеряв счисление, остановилось на якоре у совершенно открытого каменистого берега на глубине 12 сажень. Но канаты лопнули, и судно было переброшено бурунами через гряду камней на совершенно спокойную воду на глубине 4½ сажень. Наступившая зима принудила мореплавателей остаться здесь зимовать.

Это случилось у острова, названного по имени несчастного Беринга, который с частию своих спутников зимою умер на этом необитаемом острове (остров Беринга находится в группе Командорских островов на 8° восточнее Петропавловской гавани и на 2° севернее нее. — *Авт.*).

Оставшиеся в живых с наступлением весны из остатков выброшенного на отмель пакетбота выстроили новое судно, названное гукором «Св. Петра», и на нем 26 августа прибыли в Петропавловскую гавань.

Чириков, расставшись с Берингом, полуторами сутками ранее открыл американский берег, осмотрев его на протяжении 3°, и возвратился в Камчатку целым месяцем ранее, сделав также на пути открытие Алеутских островов, и в августе прибыл в Охотск.

В это время Шпанберг для нового похода в Японию построил пакетбот «Иоанн» и починил старые суда. Осенью 1741 г. он прибыл с своим отрядом в Большерецк. Прозимовав здесь, 23 мая 1742 г. отправился с четырьмя судами в Японию и после некоторых поверхностных исследований, не принесших никакой пользы науке, возвратился в Охотск в августе того же года.

По распоряжению Беринга и начальника Охотского порта Девиера были заведены в Камчатке первые школы. В 1741 г. открыта школа в Большерецке на 20 учеников, в которой по приказу Девиера был учителем сосланный туда поручик *Празжевский*; а в 1742 г. была заведена школа в Нижнекамчатске, где обучали детей грамоте казаки. В школах этих обучались русскому языку и аманаты.

Геодезисты экспедиции Беринга первые измерили расстояние по всем главнейшим путям полуострова и подали мысль об учреждении ближайшего и удобнейшего сообщения Нижнекамчатска с отдаленным Анадырским острогом через Тигиль и Акланск по берегу моря вместо прежнего, неудобного и трудного пути по середине полуострова. В 1743 г. на этом новом пути были построены станции, для содержания которых перевели камчадалов из ближайших селений. Кроме того, в 1739 г. штурман Елагин сделал на байдаре опись западного берега полуострова от Большерецка до мыса Лопатки, а геодезист Ушаков в 1742 г. продолжал опись Елагина к северу от Большерецка до р. Паланы. Эта последняя опись была произведена на собаках.

II. 1742—1759 гг.

В июне 1742 г. прибыл в Камчатку на смену Колесову сын боярский Петр Борисов. В том же году было сильное землетрясение в Камчатке и на Курильских островах; в особенности же оно было ощутительно на первом и втором островах. Напуганный этим землетрясением Борисов послал начальнику Охотского порта Девиеру просьбу об увольнении его от должности под тем предлогом, что в Камчатке, при постоянных смутах, следует иметь командира из военных офицеров. Девиер донес об этом в Иркутск, а до присылки оттуда нового командира послал в Камчатку берегом на смену Борисову писаря Михайла Попова, который и управлял Камчаткою с июня 1743 г. по день своей смерти, 5-го февраля 1744 г. При Борисове и Попове по распоряжению начальника Охотского порта Девиера был возобновлен в 1742 и 1743 гг. Акланский острог, сержантом Енисейским.

Новый острог был квадратный, в 15 сажень каждая сторона, в высоту 2 сажени. Внутри острога часовня, командирский дом, казармы, ясная изба и 2 амбара. После него принял управление капрал Уваровский, который сдал должность в октябре 1744 г. прибывшему в Камчатку новому командиру капитану Лебедеву (Лебедев в Якутске женился на молодой вдове умершего в экспедиции Беринга известного астронома Де-ла-Кроера. — *Авт.*).

Лебедеву, между прочим, было поручено сделать новую перепись ясным плательщикам; но ему некогда было заняться этим делом, потому что его время может называться самым смутным этапом в истории Камчатки.

Смертная казнь и жестокое телесное наказание, совершенные над главнейшими виновниками камчатского бунта, если не уничтожили вовсе взяточничества в Камчатке, то по крайней мере ограничили это зло настолько, что камчадалы уже не роптали на него, и даже сами, без всяких понудительных мер при сдаче ясака платили чащину в пользу управителей Камчатки, надеясь найти в них покровителей противу новых бедствий, внесенных в среду туземного населения местным духовенством, состоявшим из людей грубых, невежественных и почти безграмотных, которые по прекращении бунта с особенным усердием взялись за распространение христианства, употребляя к этому самые жестокие меры.

Набожный Беринг 5-го апреля 1730 г., между прочим, писал в адмиралтейств-коллегию, что в Камчатке только один поп. Донесение это было передано на рассмотрение сената, который постановил: иметь церкви в Нижнем, Верхнем, Большерецком и Анадырском острогах и определить к ним священников с причтом и с содержанием от казны. При этом сенат разрешил всех иноверцев, принявших православие, освободить на 10-ть лет от платежа ясака.

Синод, получив это постановление, нашел необходимым независимо от того построить еще церковь в Охотске и кроме приходских священников послать в Камчатку *великую духовную особу* для проповеди слова Божьего. С этой целью был командирован туда игумен *Филевский*, который в 1736 г. на пути в Камчатку при р. Алдане был взят под арест и отправлен в Москву в контору розыскных дел за буйство и нежелание служить царские молебны. По имеющемуся в Иркутском архиве следственному об нем делу видно, что во время пути он неоднократно бил иеромонаха Александра, вышиб ему однажды зуб и вырвал клоч бороды.

В это время в Камчатке было уже три духовных лица: иеромонахи Иосиф и Иоанникий и священник Ермолай; но первые два умерли в 1736 г., и Камчатка осталась по-прежнему при одном священнике. Нередко приходилось тогда священнику в один день крестить невесту, венчать ее и потом совершать обряд крещения над ее детьми.

В 1740 г. была доставлена в Камчатку церковная утварь для всех бывших тогда трех церквей и присланы священники. Один из них посетил Курильские острова, где окрестил 122 души обоого пола.

Во время зимовки в Петропавловской гавани Беринга усердием его команды была построена там новая церковь во имя Рождества Христова, куда также был назначен священник.

С постройкой церковей приходское духовенство почти все время проводило в разъездах по полуострову для проповеди слова Божьего, не забывая, конечно, при этом и своих мирских нужд. В 1741 г. крещеных камчадалов считалось уже 878 челов. Иеродиакон Гавриил при содействии находившегося в экспедиции Беринга монаха Феофилакта обратил в христианство 1 417 че-

лов., а в 1744 г., по *отчетам духовенства*, было до 6 000 челов., тогда как всех считалось в то время до 10 000 человек.

В 1742 г. вместо Филевского определен в Камчатку проповедник Зонкевич; но вскоре вместо него был назначен Иосиф Хотунцевский с званием архимандрита камчатского и с обязательством пробыть там не менее 7-ми лет (ему назначено жалованья 2 000 руб., кроме муки и крупы. — *Авт.*). Хотунцевский прибыл в Большерецк 7-го июля 1745 г. Ему, между прочим, поручено было учредить в Камчатке школы, а при крещении туземцев не принимать никаких насильственных мер. Но Хотунцевский, обязанный по своему званию и назначению быть примером христианского человеколюбия, был до того жесток и бесчеловечен с туземцами и русскими служилыми, что получил от последних название *антихриста*. Пользуясь добротою и скромностию старика Лебедева, он вмешивался во все дела, не входившие даже в круг его обязанностей, и наказывал инородцев и служилых плетью до полусмерти за всякое малейшее преступление. Инородцы, чтобы избавиться от частых посещений духовенства и преследований его, показывали сперва полную готовность быть христианами, надеясь, конечно, сохранить при этом и свои языческие обряды; но на деле оказалось, что с принятием христианства положение их не только не улучшилось, но, напротив того, сделалось еще тягостнее. Не внушив должного понятия об обязанностях христианина, духовенство заставляло их с принятием христианства тотчас же бросить все прежние обычаи, освященные веками, наблюдать посты, ходить аккуратно в церковь и т. д. Хотунцевский как палач наказывал всех плетью перед церковью за малейшее несоблюдение церковных правил и непременно сам присутствовал при экзекуции.

В делах иркутского архива можно найти много фактов о бесчеловечных поступках Хотунцевского, который, впрочем, и сам не стеснялся доносить о своем усердии к распространению и упрочению в Камчатке веры Христовой. Для примера возьмем, на выдержку, хоть одно из его донесений в иркутскую провинциальную канцелярию.

«Сего мая 28-го дня 1748 года по окончании Св. Литургии, при собрании народа, перед церковью наказан мною служитель Вагин (крещеный камчадал. — *Авт.*) за то, что его заставил силою съесть мухомор поручик Мякинин, *ибо не убоялся Господа Бога, всех зол покорителя, но ужасаясь богопротивного велителя Мякинина*, и велено ему, кроме того, публично в церкви через целую седмицу во время вечерень, утрени и литургии класть земные поклоны, дабы и прочие, на то смотря, страх имели, а он бы мог от Господа Бога за такое противство поручить себе грехов отпущение».

Не менее Хотунцевского усердствовала в искоренении на полуострове язычества и народных нравов и обычаев его свита, состоявшая из 3-х монахов, 7-ми студентов духовной академии, тобольских священников: Филиппа

Энко, Семена Васильева с сыном Евсеем, иеромонаха Флавиана, иеродиакона и 2-х церковников. Главное местопребывание свиты было в Нижнекамчатске; но, как сам Хотунцевский, так и его свита большую часть времени проводили в разъездах по полуострову.

Построив церкви: в Верхнекамчатске, на р.р. Иче, Тигиле, Уке и близ р. Ключевской и заведя школы в трех главных острогах, Хотунцевский в 1749 г. донес синоду, что все камчадалы уже окрещены, и что учеников в школе 203, а в 1750 г. выехал в Петербург для посвящения в епископы, передав миссию иеромонаху Пахомию.

Пока духовенство занималось крещением угнетенных и разоренных камчадалов, то все жестокости его выносились безропотно; но когда проповедники с своими насильственными мерами явились для распространения христианства среди коряк, считающих телесное наказание ужаснее смертной казни, — то на всех концах полуострова обнаружались новые возмущения, принявшие впоследствии огромные размеры.

Немало также способствовало к восстанию инородцев еще и другое обстоятельство. Это беспристанное нападение чукоч на подвластных нам коряк, остававшихся без всякой с нашей стороны защиты, тогда как правительство в то же время требовало от них уплаты ясака и выполнения разных натуральных и земских повинностей.

В 1737 г. чукчи приходили к Нижнекамчатскому острогу и убили 6 человек служилых и несколько туземцев, а в 1738 г. под Анадырским острогом убили 8 служилых и 20 ясашных коряк. В половине декабря того же года чукчи напали на коряк, убили на р. Олюторке 25 человек и 66 человек взяли в плен. Кочуя по корякской земле в течение всей зимы, они отняли у коряк 11 табунов оленей, в которых было до 21 000 голов.

Сенат, получив донесение о нападении на Камчатку чукоч, 6 июля 1740 г. предписал якутскому воеводе Павлуцкому (Павлуцкий был назначен воеводою по возвращении из Камчатки. — *Авт.*) *разведать подлинно* о силе немирных носовых и речных чукоч и о прочих обстоятельствах и, собрав из соседних к Якутску жилищ служилых людей и обывателей, сколько потребно, послать их с казачьим головою на тех чукоч довольно число.

Иркутская провинциальная канцелярия по поводу этого указа вошла к Павлуцкому с вопросом: *Что за народ чукчи? И как с ними воевать?* Павлуцкий сообщил все вышеприведенные сведения о чукчах, присовокупив при том, что для чукотского похода необходимо послать не менее 400 служилых. Но как такого значительного числа служилых нельзя было набрать в Якутске, то иркутская канцелярия донесла об этом сибирскому приказу, а до получения ответа ограничилась только назначением в Анадырск капитана Лебедева. Сибирский приказ подтвердил о немедленном исполнении указа, и тогда потребное число служилых было назначено из Селенгинска и Иркутска.

Но пока шла эта переписка, чукчи 17-го марта 1741 г. сделали новый набег на коряк. Убили у них 12 человек, жен и детей взяли в плен и отогнали до 4 000 оленей. Девиер, получив об этом донесение, вошел в сенат с представлением о посылке в Анадырск самого Павлуцкого, как человека, хорошо знакомого с тамошним краем. Сенат согласился и 1 июня 1742 г. издал указ:

«Якутскому воеводе Павлуцкому сдать свою должность капитану Остякову, а самому отправиться в Анадырск для усмирения чукоч». В августе 1742 года Павлуцкий сдал воеводство, а в начале зимы 1743 г. отправился уже из Анадырского острога в чукотский поход. По выходе из острога он взял путь к мысу *Сердце-Камень*, откуда шел вдоль берега вокруг Чукотского носа, до губы *Анахля*, переходя все встреченные на пути заливы по льду. От губы Анахля пошел сперва по берегу ея, а потом прямо на юго-запад и возвратился в Анадырск весною 1744 г. С наступлением зимы 1745 г. Павлуцкий снова отправился в Чукотию, и уже по другому направлению. По выходе из острога он пошел к вершине р. Анадыра и оттуда к Чаунской губе. Пройдя к северу от ея вершины несколько верст, вернулся в острог 21 мая 1746 г. по тому же направлению. К сожалению, мы не нашли в архивах никаких сведений об этих двух походах, за исключением карты Чукотской земли, составленной бывшим при Павлуцком казаком Переваловым, который на эту карту нанес и пройденный ими путь (карта эта была отправлена в сенат. — *Авт.*).

В конце 1746 г. коряки отогнали у Павлуцкого оленей, вывезенных из Чукотии, а в 1747 г. чукчи напали на коряк, угнали у них до 20 000 оленей и подходили к самому Анадырскому острогу. Павлуцкий, получив об этом известие, 21 марта ночью на оленных нартах с 80 казаками пустился за чукчами в погоню, приказав своему помощнику сотнику Катковскому следовать с командою за ним на лыжах. Скоро Павлуцкий догнал чукоч и, не дождавшись подкрепления, напал на них. Многочисленная толпа чукоч окружила русских и привела казаков в смятение. В это время казаки, увидав другую партию чукоч, подходившую с тылу, бросились в бегство, оставив Павлуцкого с несколькими казаками в жертву неприятелей, которые убили Павлуцкого и его храбрых товарищей (сражение происходило недалеко от Анадырского острога на горе. — *Авт.*). Павлуцкий был убит между Анадырском и устьем реки Майна, впадающей в Анадыр. Место это и в настоящее время известно под названием *Майорской сопки*.

Чукчи, уважая Павлуцкого и его храбрость, долго берегли его голову, а память об нем сохранилась между ними и по настоящее время. Остававшийся в остроге прапорщик Ковалев, осведомясь о смерти Павлуцкого, послал команду к корякам для сбора у них до 1 000 оленей для похода на чукоч; но коряки не могли исполнить этого требования, потому что чукчи отогнали почти все их табуны. Катковский хотя и выступил с командою в поход по сле-

дам Павлуцкого, но нашел только одни трупы убитых русских, а чукчи удалились уже в свои кочевья. Катковский по возвращении в острог захворал и в 1747 г. умер.

Иркутская провинциальная канцелярия, получив уведомление об этом событии, 2 сентября 1747 г. послала в Анадырск вместо Павлуцкого поручика Кекерова с 40 чел. казаков для конвоя. Ему предписывалось *искоренить вовсе* немирных чукок и коряк. Он прибыл в острог 8-го декабря 1748 года.

Вместе с тем иркутская канцелярия, послав 6 августа 1747 г. сибирскому приказу донесение о смерти Павлуцкого, просила прислать в Якутск 500 чел. драгун для усмирения чукок.

Сибирский приказ по получении этого донесения послал в Иркутск сына боярского Алексея Новгородова, которому поручил:

1) Командировать в Анадырск вместо Павлуцкого одного надежного капитана, которому следовать туда немедленно.

2) Послать с наступлением весны с этим капитаном вперед человек 100 команды с ружьями, чтобы в Анадырске было не менее 500 человек.

3) В Тобольске взять 320 чел. драгун и распорядиться, чтобы они были в Иркутске в феврале 1748 года.

4) Якутскому воеводе Жеребятникову по сношению с начальником Охотского порта отправлять людей в Камчатку как можно поспешнее.

Иркутская канцелярия по прибытии Новгородова в Иркутск, получив по этому делу указ сибирского приказа от 30 ноября, потребовала из Селенгинска для посылки в Анадырск *здороваго и крепкаго* капитана. По этим указаниям был выбран капитан Егоров. Ему поручено было для выигрыша во времени идти в Анадырск, не заходя в Иркутск, прямо из Тулуновской слободы через Братский острог и город Илимск и, приняв в Анадырске команду от Кекерова, *чинить по указу к покорению немирных иноземцев*.

В апреле 1748 г. в Иркутске приготовили к походу 300 служилых и 218 чел. отправили со вскрытием Лены в Охотск с сотником Вергуновым, а остальных 82 человека немного позже. Но при этом никто не позаботился о посылке в Камчатку и Охотск продовольствия для этой команды. С прибытием же ее в Охотск, когда были израсходованы все путевые запасы, солдаты принуждены были питаться одною только рыбою, и начальник порта Зыбин послал в Иркутск донесение, что до прибытия провианта он не может отправить эту команду в Камчатку, потому что ей и в Охотске есть нечего. Тогда распорядились послать из Иркутска 56 878 пуд. муки, которую и сплавили по Лене в Якутск осенью того же года.

Во время этой переписки, в 1748 г. чукчи еще раз напали на коряк, убили 15 человек пастухов и угнали 7 табунов оленей.

В 1749 г. по распоряжению сибирского приказа был командирован из Тобольска в Анадырск капитан Шатилов с 2 офицерами, 5 унтер-офицерами

и 22 человеками нижних чинов. Партия эта в августе 1749 г. выступила из Охотска, а в декабре 1750 г. прибыла в Анадырский острог.

Кроме того, был послан в Анадырск офицер Зудаев для производства следствия о смерти Павлуцкого согласно с предписанием сибирского приказа 18 марта 1748 г., в котором, между прочим, было сказано: «Бывших с Павлуцким в походе служилых, и в особенности Амосова и Борисова, допросить, произвести следствие и поступить с виновными по закону».

Разоренные чукчами коряки, видя бессилие русских и встречая от них только обиды и притеснения, вооружились наконец пологовно, склонив к восстанию и камчадалов.

Первое проявление бунта начало обнаруживаться еще в 1738 г. Тоем р. Чамыжи (Чожма) не хотел со своими родственниками платить ясак; но после убеждений снова покорился. В 1741 г., во время зимовки Беринга в Камчатке, тароинские камчадалы убили 6 человек неякинцев, живших близ Петропавловской гавани. Неякинцы жаловались об этом Берингу и объявили при этом, что тароинские камчадалы хотят истребить русских по уходе в море экспедиционных судов. На них был послан с командою прапорщик Левашев; но он не встретил никакого сопротивления со стороны тароинских камчадалов, забрал с собою главнейших виновников, а прочих жестоко наказал. В этом же году Левашев ходил с командою на Утхолаку для исследования дела об убийстве матроса из экспедиции Беринга, а сын боярский Борисов в Подкагерную, где убиты и ограблены четыре купца, ехавшие из Анадырска. Борисов привел с собою 6 главнейших виновников.

В 1742 г., когда экспедиция Беринга готовилась уйти из Камчатки, производилось следствие над тоенами западного берега полуострова от Большерецка до Тигиля по доносу о намерении туземцев истребить русских; но следователи ничего не открыли. В том же году олюторцы сделали нападение на Карагинский острог.

Но главнейшее восстание началось в 1744 году. Сборщики Тауйского и Ямского острогов 1 апреля донесли, что находящийся на р. Наяхан коряцкий старшина *Туина* с родниками отказался платить ясак и угрожал побить сборщиков. Охотский командир Зыбин предписал идти на них военною рукою, что и исполнено в 1745 году (по распоряжению Зыбина в 1744 г. был укреплен *Шитин* острог против коряцких набегов, и с тех пор он стал называться *Тигильской крепостью*. — *Авт.*). Туина был пойман с тремя главными своими сообщниками и отослан в Охотск, где всех их заковали в ручные и ножные кандалы, заключили в тюрьму и приковали к стене. По произведенному над ними следствию дело пошло в сенат, а слухи об их мучительном аресте быстро распространились между коряками, которые сговорились всеми мерами мстить русским за истязания своих родовичей, а если можно, то и вовсе освободиться от их зависимости. В 1745 году коряцкий старшина *Эвоита*

с своими сродственниками убил в Ягачине (Егачег) между Пенжиною и Пареною 4-х купцов, 40 человек служилых, посланных за ясаком, иеромонаха Флавиана, студента миссии Качурова, дьячка, пономаря и служилого Наумова, следовавших в Анадырск. В добычу им досталась церковная утварь, книги, ризница, грудные кресты и все имущество убитых. Кресты коряки нашли детям на платье вместо побрякушек. Потом бунтовщики пошли в Камчатку ловить русских и восстанавливать против них камчадалов.

В том же году коряцкий тоен *Алык* с другою толпою коряк убил ехавших из Охотска в Камчатку сержанта Енисейского с командою и разграбил бывшую при нем денежную казну, порох и свинец. Потом убил служилого Дмитрия Петрова с товарищами, ехавшего из Ямского острога на р. *Тайночик* и на р. *Наяхан* служилого Волюнкина, ехавшего с почтою из Охотска в Камчатку. Имевшиеся при последнем для новокрещенных образа сожгли, а кресты разделили между собой.

В ноябре 1745 г. прибыли из Анадырска в Акланский острог 11 человек служилых для встречи Флавиана, назначенного в Анадырск, и для сбора ясака с оленных коряк. 19 ноября партия эта под начальством гренадера Мокрошубова отправилась по р. Аклану к морю для приобретения продовольствия у пеших коряк, а двое служилых, Потапов и Беляев, вышли из острога для покупки рыбы у соседних коряк. Но, не доезжая до коряцкого стойбища (в 60 вер. от Акланска), Потапов и Беляев увидели на дороге трупы Мокрошубова и его товарищей, убитых коряками. Опасаясь подвергнуться подобной же участи, они убежали в острог, где заперлись с остальными 14-ю казаками. 26 ноября партия коряк подошла к острогу и держала его в осаде по март месяц 1746 г. Осажденные по недостатку пищи ели сырмятные сумы, подошвы и ремни.

Между тем анадырский командир Павлуцкий, узнав о бедственном положении осажденных, послал в Акланский острог 150 человек солдат под начальством подпрапорщика Трошина. Команда эта пришла к острогу в начале марта, когда коряки уже отступили от него. Трошин, переночевав здесь одну ночь, отправился отыскивать коряк, убивших Мокрошубова с товарищами, но, обойдя все окрестности, нигде их не встретил. Потом пошел он на р. *Эгачу*, где беспрекословно получил с коряк ясак. Взяв здесь одного аманата, Трошин отправил 25 человек служилых под командою капрала Пермякова для подкрепления Акланского острога, а сам с остальною командою возвратился в Анадырский острог за недостатком кормов. Но по прибытии в острог Павлуцкий отдал его под суд за выход из коряцкой земли, не усмирив бунтовщиков.

В июне 1746 г. прибыл из Анадырска в Акланский острог сотник Катковский и увел с собою в Анадырск Пермякова с двумя служилыми, оставив закащиком в Акланске солдата Сокуева, который, прожив в остроге до 8 июля,

отправился с 17 человеками за 4 версты за рыбным промыслом, взяв с собою и аманата, потому что в остроге не было кормов. Но во время пути аманат убежал, и Сокуев, оставив для рыбной ловли 4-х человек, с остальными отправился отыскивать его. Плывая по р. Аклану, он встретил множество коряк, плывших в нему навстречу на ветках (ветка — маленькая лодка, сшитая из бересты. — *Авт.*). Коряки напали на русских и убили Сокуева с 3 служилыми, а остальные спаслись бегством, и один прибыл в Акланск, а прочие в Анадырск.

Оставшиеся в Акланске 6-ть человек служилых, узнав о смерти своих товарищей, спрятали порох и пушку в землю и, оставив острог, направились также в Анадырск. Дойдя до р. Черной, они по недостатку пищи остановились тут для ловли рыбы и промысла *крупашек*. Двое из них по первому снегу отправились в Анадырск, а четверо остались здесь зимовать и в марте благополучно прибыли в Анадырск, где узнали, что один из их товарищей, отправившихся в острог зимою, умер в пути от голоду, а другой добрался до острога. Из 10-ти человек, убежавших с реки Аклана, прибыли в Анадырск только шесть человек, а остальные пропали без вести. Об участи же четырех человек, оставленных на рыбных промыслах, ничего не известно. Акланский же острог коряки выжгли в 1748 году.

К концу 1745 г. коряцкий бунт принял уже серьезный оборот, потому что к нему были привлечены и камчадалы. В марте 1746 г. почти все туземное население полуострова возстало. Все пути в Камчатку были заперты: с колымской стороны юкагирами; с охотской тайгинскими коряками; на Пенжине акланскими и оленными коряками; а по олюторскому берегу олюторцами, которые в марте 1746 г. разорили Олюторский острог, а команду убили. К корякам пристали сперва укинские и паланские камчадалы, которые убили одного солдата и 12 чел. ясашных сборщиков, посланных из Нежекамчатска. Потом разорили Столбовский острожек, а часть его гарнизона, состоящего из 36 человек, побили, а остальных взяли в плен. В 1746 г. коряки Жирового острога убили купца Соснина и разграбили все его товары. В том же году были пойманы два зачинщика бунта, *Чингин* и *Тешига*.

В 1747 г. коряк *Эвонкта* убил на р. Пустой служилых Портнягина и Лебедева. В том же году коряки намеревались идти на Охотский порт для освобождения своих товарищей; но недостаток оленей остановил их предприятие.

Охотский начальник Зыбин 5 апреля 1747 г. писал иркутской канцелярии, что для усмирения коряк необходимо построить редуты и крепости вокруг Пенжинского залива от Ямского острога до Камчатки. Сенат октября 2-го 1747 г. одобрил это предложение и предписал назначить в эти редуты 300 человек солдат. Команда эта была отправлена из Якутска в Охотск в 1748 г.

В том же 1748 г., 12 июля, Императрица Елисавета подписала следующий указ: «Известно Нам учинилось, что в Сибирской губернии находя-

щимся разным народам нашим, особливо камчадалам, при ясачном сборе чинятся обиды и разорения, для отвращения таких поступков командиров указали накрепко изследовать нашему полковнику Вульффу с прочими штаб-офицерами». Но указ этот был получен Вульфмом в то время, когда коряцкий бунт был в самом разгаре, и потому нельзя было и помышлять о посылке туда следователя.

Между тем слухи о бунте дошли до Нижнекамчатска. Служилые люди донесли, что главными виновниками возстания камчадалов были: крещеный тоен *Ум эвут-кхан* с крещеными камчадалами, казаками Алексеем и Иваном Лазуковыми. Опасаясь нападения на острог, Хотунцевский составил под своим председательством военный совет из следующих лиц: бывшего в Камчатке для переписи инородцев капитана Завьялова, капрала Лебедева и прикащика нижнекамчатской казенной избы Расторгуева. На совете решено было укрепить острог и усилить караулы. Но 17 мая 1745 г. братья Лазуковы явились сами с повинною в острог и рассказали все планы бунтовщиков. Они предполагали сперва идти на Нижнекамчатский острог тремя партиями: коряки и олюторцы под команду Алексея Лазукова хотели пройти через Столбовский острожек; укинские камчадалы через рр. Озерную и Еловку и паланские и тигильские камчадалы через Тигиль и Еловку. Потом, соединясь под Нижнекамчатском, идти весною 1746 г. по р. Камчатке на Верхнекамчатск и Авачу за экспедиционную артиллерию и затем истребить всех русских в Большерецке. На Нижнекамчатский острог предполагали напасть ночью, архимандрита со свитою убить и православную веру уничтожить на всем полуострове.

Когда Лазуковы отказались от участия в бунте, камчадалы несколько смирились. Но коряки продолжали бунтоваться. В 1748 г. *Алык* с 80 человеками пошел на Ямской острог; но ссора родовичей заставила его возвратиться в Ижигу с половины пути. В том же году он выжег Акланский острог, взял в нем пушку, ружья и порох. Из донесения по этому делу видно, что острог этот стоял на самой стрелке при впадении р. Аклана в Пенжину.

После того Алык с родовичами встретил на р. Чикане 25 июня отряд русских и тунгусов в числе 88 человек под начальством сержантов Брехова и Белобородова, высланных для усмирения бунта и успевших уже покорить чендонских инородцев. Русские напали на отряд Алыка и убили 17 коряк; многие побили себя сами, а Алык с остальными коряками убежал на р. Няхану. Брехов отправился по его следам и на пути встретился с наяханскими коряками, которых было до 300 человек. В стычке с ними русские убили до 100 коряк, да тунгусский отряд под начальством *Качибоя* убил 10 коряк и 18-ть человек взял в плен. Оставшиеся в живых коряки отступили, закололи своих жен и детей и, *напившись их крови для храбрости*, снова вступили в отчаянную борьбу с русскими. Но вскоре были рассеяны. Одни из них уплыли на байдарках,

а Алык с несколькими товарищами ушел на р. Ижигу, где у него был свой хорошо укрепленный острог.

В 1749 г. Алык с 80-ю коряками вышел из Ижиги на 4-х байдарах для разорения Ямского острога. Плывая по реке, он около реки Балхаямы увидел на берегу отряд Белобородова. Алык быстро высадился на берег и неожиданно напал на русских. Но после непродолжительной борьбы был отбит, причем убито 20 коряк и несколько ранено, в том числе и сам Алык, который успел уплыть на байдарах с оставшимися в живых товарищами. В том же году была разорена Воямпольская крепость. Из Камчатки требовали от Охотского командира служилых для усиления гарнизона в Тигильской крепости, которую коряки также намеревались разорить; но в Охотске не было лишних людей, да и не решались послать суда к *неизвестной реке* (Тигиль).

В 1750 г. Алык еще раз встретился с Белобородовым на р. *Вилегу* и напал на русских, но коряцкий отряд был рассеян, причем много коряк было убито и ранено.

28-го июля 1751 г. Белобородов перешел с командою на р. Ижигу для разорения укрепленного коряцкого острога. Алык встретил его с покорностью и дал аманатов, но покорность эта была не более как одна хитрость чтобы высмотреть силы русских, потому что вслед за тем Алык убил трех тунгусов, посланных Белобородовым для разведок, и заперся в остроге. А когда русские 29-го июля пошли на приступ, то были встречены тучею стрел, пуль и камней, бросаемых из пращей. Приступ не удался. Коряки же в числе 150 челов. сделали вылазку и вступили с казаками в рукопашный бой; но после непродолжительной схватки убежали в острог, причем был ранен один казак и трое коряк убито. 30-го июля русские сделали второй безуспешный приступ к острогу, после которого отступили. Коряки же в числе 400 человек вышли из острога и разделились на две партии для преследования русских. Одна под управлением Алыка пошла по р. Ижиге на байдарах, а другая сухим путем. По прибытии Алыка к Наяханскому острогу, Белобородов 13-го августа неожиданно напал на него, причем Алык попался в руки Белобородова и, несмотря на его уверения быть покорным, закован в ножные и ручные кандалы и в 1752 г. доставлен в Охотск. При этой стычке убито 3 коряка и 12 человек обоего пола взято в плен.

Коряки, узнав об участии Алыка и рассчитывая, что он находится в Наяханском остроге, решились летом 1752 г. взять этот острог, чтобы освободить его из плена, и потому остались зимовать на р. Наяхан, построив на Яханской сопке острог с 9 башнями, который обнесли тыном, осыпали снаружи землею и завалили большими камнями. Но чтобы сделать его неприступным для русских, в течение всей зимы поливали гору водою. Белобородов, не надеясь взять этот острог и не имея продовольствия для команды, ушел в Ижигинскую крепость.

В апреле 1751 г. прибыл из Анадырска через р. Аклан на р. Чендон для усмирения коряк капитан Шатилов с 407 человеками команды. Апреля 9-го он побил до 300 коряк, отогнав у них оленные табуны, а остальные, убежавшие с побоища, коряки были убиты Белобородовым 27-го июля. В то время, когда Шатилов бил одну партию коряк, другая разграбила его лагерь, причем убила одного пятидесятника. Шатилов, поймав главного предводителя коряк *Аилана*, бил его по щекам и заковал с четырьмя аманатами, взятыми при усмирении коряк, в кандалы. Это новое тяжкое оскорбление, нанесенное одному из главнейших коряцких старшин, еще более ожесточило коряк, которые в одну темную и бурную ночь подошли к лагерю Шатилова, убили 4-х часовых и освободили Аилана вместе с аманатами.

В том же году коряки в темную ночь подошли к Тигильской крепости, где командовал каптернамус Шацкий, разграбили и выжгли ее, а гарнизон взяли в плен. Потом пошли на Уку и разорили Ивашкин и Русаков острожки, а сборщиков убили.

В то же время другая партия коряк под управлением тоена *Ярлыха* подошла к Анадырскому острогу, где отогнала до 1 000 оленей, принадлежащих команде Шатилова. Потом Ярлых разорил камчадалские селения Коручево, Еловское, Танинское и около Тигиля за покорность их жителей русским. Большую часть камчадалов этих селений убил, жен и детей взял в плен, а принадлежащее им имущество разграбил.

Аилан и Ярлых, поощренные этими успехами, продолжали в течение года преследовать русских и мирных камчадалов безнаказанно, потому что большая часть военной команды была занята в это время постройкою новых крепостей: Тигильской и Ижигинской. Тигильская крепость была окончена постройкою в 1752 г. Она была обнесена стоячим тыном в $1\frac{3}{4}$ саж. вышиною; вместо четвертой стены было построено две казармы с бойницами через сажень. Старая же обгорелая крепость была очищена от коряк поручиком Холмовским, под наблюдением которого производились и новые постройки.

Постройкою Ижигинской крепости занимался сержант Игнатьев. По недостатку служилых он собрал для работ коряк, пришедших к нему с покорностью. Но как их оказалось до 100 человек, то Игнатьев, опасаясь измены, половину из них отправил в лес под предлогом заготовки дров, и там всех убил, а женщин взял в крепость для *блуду*. Потом, в 1752 г., когда оставшиеся в живых коряки кончили постройку крепости, он приказал 40 человек также убить, а остальных с женами и детьми отдать в холопство тунгусам и ламутам.

В 1751 г. по сенатскому указу построена крепость на р. Тумане, а в 1752 г. — укрепления на реках Вилиге и Таватоме.

Хотя Ижигинская и Тигильская крепости были вновь построены и вооружены, но они не могли содействовать усмирению бунта по незначительности гарнизона. Лебедев послал строгое предписание в Нижний и Верхний

остроги о высылке оттуда солдат в Ижигу; но ему ответили, что в обоих острогах крайний недостаток в продовольствии, без которого нельзя отправить людей в поход.

Наконец после настоятельных требований Лебедева начальник Охотского порта Зыбин в 1753 г. отправил в Камчатку 75 чел. солдат с порохом, мортирами и другими военными припасами под начальством сержанта Сторожева и каптернамуса Байбародина. Партия эта шла зимою по берегу Охотского моря, и все тяжести везлись на нартах, в которых запрягали мирных коряк и, конечно, без всякого за это вознаграждения.

В 1753 г. главным распорядителем бунта был коряк Аилан (Аивылан). 20-го апреля 1753 г. партия казаков и тунгусов в числе 37 человек вышла из Ижигинской крепости для заготовления рыбы и других кормов. На них напала толпа коряк, причем убито 7 русских, 5 тунгусов и ранено 10, а остальные убежали в острог. Корякам досталось в добычу 120 езжалых собак и все оружие русских.

Пользуясь этой удачей, коряки под начальством *Чейвита* в мае месяце осадили Тигильскую крепость. Команда, не решаясь на вылазку и не имея в крепости продовольствия, находилась в самом бедственном положении; сперва ела байдары, сырмятные сумы, ремни и вообще все кожаные вещи; но когда и их не стало, питалась кустами кедровника и лиственницы. К счастью их, что коряки по вскрытии рек от льда отступили и тем дали им возможность запастись рыбою.

В 1754 г. с прибытием к русским нового подкрепления из Охотска возмущение коряк значительно ослабло, и только изредка делались нападения, и то на самые незначительные остроги.

В 1755 г. для отнятия у коряк Туманской крепости и окончательного их усмирения был послан из Ямского острога сержант Суворов с командою, состоящей из 61 казака и 11 тунгусов. Выступив из острога 3 ноября, партия эта прибыла к Туманской крепости 25 ноября, где в 1½ верст. остановилась лагерем, а 1 декабря сделала приступ, который, однакож, был неудачен. Коряки убили Суворова, 17 казаков и купца Попова и, кроме того, ранили 29 человек русских. Казаки отступили и под начальством казака Тельникова пошли обратно в крепость. На этом переходе казаки закололи 6 человек, заботивших своих товарищей, и четырех раненых оставили живых в пустынном месте на произвол судьбы, несмотря на то что на бывших с ними нартах везлись разные товары убитого купца Попова, вместо которых нетрудно было взять больных. Кроме того, на этом же пути замерзло 6 казаков. Озлобление коряк было до того велико, что они даже мертвые трупы русских изрубали в куски.

В 1755 г. Ярлых с 20 родовичами ходил на Воямпольский камчадалский острожек, где ночью убил 8 ясашных камчадалов, убивших коряцкого тоена

Ваага. В то же время чукчи напали на коряк, и последние обратились за помощью к русским. Ижигинская команда отогнала чукоч, и Ярлых заплатил ясак по 1756 г., но вскоре снова изменил.

Между тем иркутское начальство распорядилось постройкою редута на р. Лесной и острогов на рр. Русанов и Воямполье (указы 31 мая 1754 г. и 12 января 1755 г. — *Авт.*). Распоряжение это было получено в Камчатке осенью 1755 г. вместе с предписанием начальника Охотского порта о постройке еще редутов на реках Паллане и Юмгиной, между которыми существует удобное сообщение. Для работ этих была послана команда из Нижнекамчатска, но новое возмущение заставило дать этой команде другое назначение.

15 сентября 1755 г. коряки напали на русских, съехавших на берег в Пенжинской губе с судна «Св. Елисавета», и убили двух матросов и 5 ранили. Начальник Камчатки предписал нижнекамчатскому отряду присоединиться к партии тигильских казаков и идти для усмирения коряк под начальством поручика Кошкарева. В обоих отрядах было 100 человек казаков и тунгусов. Кошкарев, предполагая встретить Ярлыха около Ивашкина острога, направился сперва к этому острогу; но, не найдя здесь коряк и следуя с поисками далее, через два дня встретил на р. Гытыгуре три юрты коряк и, не осведомясь, участники ли они бунта, приказал всех их вязать. Коряки выхватили ножи и бросились на русских, а жены и дети их стреляли из луков по русским, но через два часа юрты были разорены ручными гранатами, причем побито 48 коряк, детей до 15 лет 33 и 40 женщин. В плен взято мужчин 2, женщин 18 и убежало 6 коряк. Кроме того, в добычу русским досталось 807 оленей, 160 саней. Русских же было ранено 5 человек.

После того тигильская команда отделилась от Кошкарева и, спускаясь по р. Паллану, была вся побита туземцами, а воямпольская крепость снова взята коряками. Впрочем, крепость эта в том же году была отнята у коряк прапорщиком Шмалевым, и для исправления полуразрушенной крепости была оставлена здесь небольшая команда. Но во время работ, 1 мая 1756 г., крепость окружили окрестные инородцы и убили 8 казаков и одну женщину с ребенком, а двух казаков с женами и детьми взяли в плен.

В 1756 г. был послан на Туманский острог, занятый бунтовщиками, сержант Игнатъев; но он вместо острога нашел одно только пепелище, на котором узнал, что коряки ушли к Ижигинской губе.

В том же году охотская канцелярия распорядилась послать для усмирения коряк капитана Нилова с 48 солдатами. Нилов по прибытии 29 августа 1756 г. в Ямской острог оставался там в бездействии, потому что все окрестные коряки смирились, и Нилов на другой год был переведен командиром в Ижигинскую крепость.

Наконец коряки, лишившись более половины своих единоплеменников, решились в 1757 г. покориться русским, и только небольшая часть их осталась в измене, и то лишь до 1758 года.

Главных виновников бунта, закованных, отправили в Охотск. Охотская канцелярия по окончании следствия о бунте доносила в Иркутск, что она *пытала бунтовщиков в застенке изрядно*. И действительно, должно быть пытала изрядно, потому что 80-летний старец *Ярлых* (Ярлых, как оказалось по следствию, участвовал в убийстве Шестакова. — *Авт.*) умер во время первой же пытки, а остальные главнейшие виновники кончили жизнь в последующих истязаниях.

Над оставшимися в живых подсудимыми коряками охотская канцелярия сделала следующий приговор: коряк: *Экимиде, Емтене и Нутаитале*, на страх другим, четвертовать и потом головы, руки и ноги выставить на кольях, а тела повесить; 10 корякам и 10 крещеным корякам учинить такую же смертную казнь в их жилищах; имевших же намерение к бунту камчадалов и коряк бить кнутом и переселить в Якутск. Дело это было отправлено в сенат и долго оставалось нерешенным за разными справками, которые не скоро доставлялись из Камчатки, а между тем каждый год привозили в Охотск новых преступников, которых держали прикованными к стене.

Пошло пять лет, а дело о бунте все еще не было решено в сенате. Наконец в 1763 г. командированному в Сибирь для переложения новым окладом ясашных плательщиков семеновского полка секунд-майору Щербачеву в инструкции, между прочим, было сказано: «Объявить всем корякам, которые прежде платили ясак и потом отложились, что вины их Ея Императорское Величество отпускает, и всех до единого прощает и обнадеживает, что если они впредь будут ясак платить бездоимочно, то их, как и прочих, от всяких обид и грабительств защищать и оборонять не оставить».

Эта Высочайшая воля была объявлена по всей Корякской земле; но об содержимых в Охотске под арестом никто не позаботился. И только 5 апреля 1766 г. сенат по какому-то поводу вздумал спросить иркутского губернатора: «Освобождены ли отложившиеся инородцы, и сколько состоит налицо тех, которые приговорены к казни, и где именно?».

Начали наводить справки, и оказалось, что охотская канцелярия 10 июля 1752 г. доносила иркутской, что коряки Туина, Чингин и Пишута с многими товарищами, находясь в тюрьме, 3 февраля 1752 г. ночью побили караул, зажгли тюрьму и сами перерезались и передавились, о чем и было донесено сенату 11 августа 1752 года; а присланные в Охотск впоследствии коряки, олоторцы и камчадалы волею Божию перемерли в тюрьме...

Но, довольно! Перейдем лучше к другим, более утешительным современным этому бунту событиям в Камчатке.

Вторая экспедиция Беринга, если не принесла ожидаемой пользы для науки, то, по крайней мере, сделала другую, чрезвычайно важную услугу, имевшую особое значение для северо-восточного края Сибири. Предприимчивое сибирское купечество, узнав от спутников Беринга о близости к Камчат-

ке Америки и Алеутских островов, богатых бобрами, пустилось искать счастья в этих неведомых землях. Первый предпринял путешествие на острова сержант камчатской команды Басов, который в 1743 г. посетил Беринговы острова на шитике. В 1747 г. он предпринял туда второе путешествие, вступив в компанию с купцом Трапезниковым, и вывез звериных шкур на 112 220 р., наконец в 1750 г. предпринял третье путешествие на Алеутские острова и получил прибыли на 39 376 руб. По следам его пустилось на острова несколько промышленников. В 1745 г. составилось уже несколько зверопромышленных компаний, которые построили небольшие суда на р. Камчатке, укомплектовали их местными жителями и отправили на острова, поручив их, по недостатку мореходов, людям почти вовсе несведущим в мореплавании. Но, несмотря и на эти невыгодные условия, судохозяева обогатились в короткое время. С этого времени промысел на островах увеличивался с каждым годом и к концу XVIII столетия принял уже значительные размеры. С 1743 по 1803 г., т. е. в течение 60 лет, образовалось 63 промысловых компании, имевшие по одному и даже два судна. Но Российско-Американская компания своею монополиею уничтожила столь быстро развивавшуюся нашу морскую деятельность на Восточном океане в самом ее начале.

Русские промышленные суда строились в Камчатке до 1770 г., но с этого времени постройка их производилась в Охотском порте, где судохозяевам предоставлялось гораздо более средств к снаряжению в плавание судов и укомплектованию их командою.

Не находя удобным перечислить здесь все их открытия, сделанные частными промышленниками на Алеутских островах, тем более, что об этом предмете мы намерены говорить особо, считаем, однако, необходимым указать здесь на лиц, открывших морской путь из устья р. Анадыра в Камчатку.

В 1748 г. купцы Новиков и Бахов, построив на свой счет на устье р. Анадыра небольшое судно, отправили его в Камчатку с геодезии прапорщиком Переваловым. Но судно, дойдя до острова Беринга, разбилось. В течение зимы команда из остатков разбившегося судна построила новое и на нем пришла в Камчатку 14-го августа 1749 г. Отсюда Перевалов отослал в охотскую канцелярию составленную им карту части Восточного океана между Анадырском и Камчаткою с нанесением на нее пройденного пути.

В 1745 г. выкинуло на большерецкий берег японскую бусу с 10 японцами, пльвшими с Матсмая на Курильские острова. Хотунцевский при содействии набожного Лебедева окрестил их. Японцы эти впоследствии были учителями в иркутской японской школе.

Между тем 27 апреля 1754 г. иркутская провинциальная канцелярия писала капитану Лебедеву, согласно с его просьбою, выехать в Якутск, сдав должность капитану Чередову. Последний вступил в управление Камчаткою 31 октября 1754 г. Но как при приеме казенного имущества оказался у Лебе-

дева недостаток в деньгах, вине и сладкой траве, то Чередов просил с него мировых 1 000 руб. и 100 штук соболей; но Лебедев не согласился и по доносу Чередова был отдан под суд и задержан в Камчатке до окончания этого суда. Следствие, кроме того, открыло, что Лебедев отправил в Якутск нескольких молодых коряк (во время коряцкого бунта взрослых детей коряк обоюго пола казаки брали обыкновенно в холопство, а также и продавали их купцам и другим лицам. В Охотске в 1762 г. их накопилось так как много, что никто не хотел брать их себе в услужение даже из одного хлеба. Начальник порта Ртищев доносил в Иркутск, что он не знает, какое дать назначение, и потому нашел необходимым отправить большую их часть в стойбище коряк. — *Авт.*), которых продал там в холопство за довольно выгодную цену, и, кроме того, пересылал в Якутск для продажи соболей и другие меха, а сын его Алексей *пил постоянно казенную водку без платежа денег.* Суд тянулся долго, и Лебедев, не дождавшись окончания его, умер в Большерецке 3 февраля 1760 г.

14-го октября 1755 г. состоялся сенатский указ, чтобы «обретающимся в Анадырском остроге офицерам и нижним чинам в числе 600 человек считаться камчатскою командою, и командиром над тамошними местами быть секунд-майору Шмалеву». Но Шмалев сперва был занят анадырскими делами, а потом заболел, так что Чередов по-прежнему считался присутствующим в большерецкой канцелярии, хотя сам большую часть времени проводил в разъездах по полуострову, и большерецкою канцеляриею управлял сын его от первого брака сержант Федор Чередов. Во время разъездов Чередова ему сопутствовали купцы с разными товарами и ссыльный Ивашкин (прапорщик Преображенского полка. Сослан в 1742 г. Ему впоследствии был разрешен выезд в европейскую Россию; но он за старостию лет просил остаться в Камчатке с тем, чтобы ему отпускалась из казны по смерти пенсия по 200 руб. в год. После продолжительной переписки пенсия эта была назначена; но разрешение на производство ее не застало уже в живых Ивашкина, который умер 12 апреля 1806 г. — *Авт.*), руководивший во всех его служебных и частных делах.

Эта торговая компания навязывала силою камчадалам табак и брала за него пушнину по своему выбору и назначению, так, например, за 2 пуда табаку брала по 60 бобров. Несмотря на то что камчадалы возили их без всякого вознаграждения, Чередов требовал от каждого селения в пользу свою чащин по числу мужских душ под страхом жестокого наказания. Кроме того, под видом преследования суеверия, он объявлял волшебниками всех тех, которые отказывались удовлетворить его требования, и наказывал их как важных преступников. Разлучал жен с мужьями и переводил их в другие селения, изобретал самые жестокие телесные наказания. Кнуты и застенки были в его время делом весьма обыкновенным.

Не менее того отличался своею жестокостью и корыстолюбием сын Чередова. Он в Большерецке грабил в полном смысле этого слова всех служилых и инородцев. Малейшее же нарушение его приказаний вымещалось, кроме побоев, арестом и жестоким наказанием. Жестокосердие и безнравственность молодой жены Чередова, ровесницы сыну и имевшей большое влияние на дела управления, довершали бедствие жителей края.

Несмотря, однакож, на такие вопиющие поступки Чередовых, охотское и якутское начальство не только не препятствовало этим злоупотреблениям, но даже покровительствовало им. Молодой Чередов после ряда бесчинств был вызван в Якутск, но не для суда, как бы следовало ожидать, а для того, чтобы дать ему видное место, как благонадежному чиновнику, пожаловать в титулярные советники и, наконец, посадить в Якутске на воеводство. Должно быть, Чередовым недешево стоило это внимание к ним начальства.

По выезде молодого Чередова из Камчатки отец его перестал заниматься мелкими взятками и имел уже дело только с купцами, вымогая у них разными притеснениями значительные подарки. Но за то потворствовал тем из них, которые платили ему требуемую подать. Купец Югов, у которого Лебедев конфисковал пушные промыслы за самовольную отлучку на острова без надсмотрщика, получил от Чередова принадлежащие ему меха за уплатою ему 1 000 рублей.

Оставшийся вместо Хотунцевского начальником камчатской духовной миссии добрый старик Пахомий вздумал было вступить за несчастных камчадалов и указать Чередову на его злоупотребления. Но этим поступком Пахомий только вооружил против себя Чередова, который мстил ему, как только мог. Не приказывал давать ему подвод для разъездов, так что он по необходимости должен был ограничить круг своей деятельности в одном Большерецке. Кроме того, заставлял Пахомия в зимнее время на открытом воздухе перед своим домом служить по несколько часов сряду молебны, находясь сам в это время в комнате и т. д.

Наконец Пахомий донес о всех действиях Чередова иркутскому архирею, и иркутская провинциальная канцелярия по ходатайству архирея предписала большерецкой канцелярии сменить Чередова и принять временно его должность старшему по нем. 13 февраля 1757 г. его сменил поручик Кошкарев, которому Чередов, подстрекаемый своею женою, долго не хотел сдавать должности, так что Кошкарев принужден был употребить *военную силу*. После того Чередов и Кошкарев писали друг на друга доносы, которые вполне раскрыли незаконные действия первого и подвергли его суду. Следствие над ним было сперва поручено анадырскому командиру Шмалеву; но Шмалев в это время умер, и дело это возложили на начальника охотского порта Зыбина, который отказался от него за старостию лет. Преемник Зыбина, Ртищев, также не мог принять на себя этого дела, потому что к нему назначены были

до 100 лиц разного сословия, живших в Камчатке. После Ртищева переменялось еще несколько следователей, и все-таки в течение 12 лет не могли окончить следствия, потому что Чередов запутывал дело, пока наконец тяжкая болезнь и затем смерть Чередова не развязали руки охотскому начальству. Чередов умер в Охотске 13 ноября 1769 г., и так как на удовлетворение всех причитавшихся с него казенных и частных взысканий не оказалось у жены достаточно средств, то описали имущество его сына, которого сменили с воеводства за прежние злоупотребления. Замечательно, что во время следствия все камчадалы, несмотря на ненависть к Чередову, при допросе о его поступках с ними, давали один общий ответ, что *ничего не помнят*.

В 1756 г. первый раз пришло из Охотска к устью р. Тигиля казенное судно «Николай», зимовавшее в р. Тигиль. Чередов распорядился построить на правом берегу р. Тигиль при устье речки *Газанки* небольшую крепость для защиты судна от коряк, назвав ее по имени судна *Никольскою*. За крепостью была построена часовня, а внутри казармы. Кроме того, при самом устье Тигиля, где зимовало судно, были построены казармы, магазины и маяк.

Кошкарев, как бывший помощник и ученик Чередова, шел по его же следам. Вся заслуга его управления состояла только в том, что он всех камчадалов, не имевших оседлости, разместил по селениям.

Января 13-го 1758 г. прибыл в Нижнекамчатск штат-фурьер Шахтуров для выбора ко двору камчадалских девиц. Он привез к камчатским тоенам Высочайший рескрипт, в котором была выдержана цель поездки в Камчатку Шахтурова и уверение в том, что дочерям их не будет ни в пути, ни при Дворе никаких обид. Выбрав шесть молодых дочерей тоенов, Шахтуров в том же году отправился с ним в Петербург, куда прибыл только через год, потому что всем девицам пришлось разрешиться в пути от бремени, благодаря вниманию к ним Шахтурова.

Во время управления Камчаткою Кошкарева главное сибирское начальство обратило особенное внимание на хлебопашество в Камчатке. Относя неуспех этого дела к недостаточному присмотру за крестьянами, оно распорядилось послать туда поручика Холмовского собственно для наблюдения за хлебопашеством.

Заблуждение о возможности там хлебопашества, как мы увидим ниже, существовало почти до настоящего времени, несмотря на природные к тому препятствия. Камчатский полуостров покрыт высокими горами, быстрыми реками и озерами. Долго лежащий весною снег, рано начинающиеся губительные утренники и вообще непродолжительность лета — вот главнейшие препятствия к заведению там хлебопашества. Есть, правда, и там места, где все эти неудобства менее чувствительны, как, например, около Верхнекамчатска и по р. Быстрой, где в иные годы удавался довольно удовлетворительный урожай. Но и это не более как счастливая случайность, заставившая лиц,

не следивших за ежегодным урожаем, составить ложное убеждение о возможности там хлебопашества, тем более, что обширные камчатские поля и равнины изумляли всех своею необыкновенной растительностию.

Первые попытки хлебопашества в Камчатке делались еще до экспедиции Беринга. В монастырской пустыне в 1724 г. посеяно было 18 пуд. ржи, и урожай был очень хорош.

13-го марта 1727 г. верховный тайный совет определил: «В тех местах Камчатки, где климат благоприятствует, завести хлебопашество, поселив там русских крестьян». На этом основании в 1728 г. при содействии монаха Иакова был посеян овес и ячмень, а также разведены огородные овощи. Успех был довольно удовлетворительный.

Беринг, основываясь на этих опытах, по возвращении своем из экспедиции подал в сенат записку о возможности в Камчатке хлебопашества. Сенат предписал первому начальнику Охотского порта Скорнякову-Писареву озаботиться этим делом, ассигновав при этом 1 000 руб. на покупку для хлебопашества рогатого и конного скота, который и был отправлен из Якутска сухим путем; но по недостатку в дороге кормов почти весь скот погиб, так что в Камчатку доставлено было только 33 лошади.

В 1732 г. из Илимска было отправлено в Камчатку 50 семейств крестьян, а 7-го октября 1732 г. сенат предписал иркутской провинциальной канцелярии, чтобы в Камчатке *пахоту и сев хлеба размножить*. Но илимские крестьяне были задержаны Берингом в Якутске для экспедиционных работ и только в 1740 г. доставлены в Охотск, где Беринг по недостатку морской провизии обобрал у них весь скот, а самих приказал отправить в Камчатку по неимению на судах помещения, по окончанию транспортировки экспедиционных грузов.

В 1734 г. на боте «Гавриил» была доставлена в Камчатку пара лошадей и пара рогатого скота для приплоду и, кроме того, был послан Берингом в Анадырск казак Львов для заготовления скота для Камчатки на р. Колыме. Но к доставке скота с Колымы встретилось множество препятствий, почему и распоряжение это осталось без исполнения.

При назначении в Камчатку в 1743 г. дворянина Добрынина ему особенно предписывалось заняться хлебопашеством. Но присланные для этого семена испортились от долгого лежания.

В 1738 г. Крашенинников завел огород в Камчатке, а в 1740 г. начались ежегодные посевы хлеба около Большерецка, Милькова и на Ключах; но урожай ржи, ячменя и ярицы был так ничтожен, что его не хватало даже для нужд переселенцев, которые принуждены были для прокормления себя заняться другими работами.

Капитан Лебедев на запрос тобольского правления о причинах неурожая хлеба отвечал, что с 1743 г. в Камчатке *климат сделался противу прежняго суровее*, да к тому же и нет надлежащего присмотра за крестьянами. На этом

основании и был прислал Холмовский, который после неоднократных опытов пришел к тому же заключению, что хлебопашество в Камчатке невозможно (в это время было уже в Камчатке до 100 голов скота. — *Авт.*).

В 1760 г. известный уже якутский воевода Чередов представил в сенат проект о заведении в Камчатке хлебопашества в больших размерах. Сенат, одобрив этот проект, указом 31-го января 1761 г. предписал выдать ему на предварительные по этому предмету расходы 1 000 руб. Но Чередов, получив деньги, не поехал в Камчатку сперва по болезни, а потом по причине производившегося над ним следствия, и в 1765 г. деньги эти взысканы с него обратно в казну.

После Холмовского сибирский губернатор поручил надзор за хлебопашеством в Камчатке поручику Недозрелову. Но и его опыты привели к таким же печальным результатам — утренние морозы убивали хлеб на корню. Наконец крестьяне, видя, что и при усердии их нельзя устранить местных препятствий, бросили вовсе хлебопашество и занялись рыбными и звериными промыслами.

Императрица Екатерина в 1764 г. послала в Камчатку от своего имени семена, земледельческие орудия и скот; но и это внимание к камчатским крестьянам не помогло делу.

Во время Кошкарева, 6-го января 1758 г. иеромонах Пахомий был посвящен в Иркутске в архимандриты и снова отправлен в Камчатку. С этого времени камчатская духовная миссия получила название *проповеднической свиты* и занималась распространением христианства преимущественно среди олюторцев. Весною 1762 г. Пахомий со своею свитою выехал из Камчатки, передав духовное управление священнику Никифорову (в это время всех церквей на полуострове было восемь. — *Авт.*). Из отчета Пахомия видно, что христианское население в Камчатке в 1762 г. состояло из 8 922 душ обоего пола; из них 7 304 чел. инородцев и 1 618 чел. русских.

В ноябре 1761 г. Кошкарев по распоряжению иркутского начальства за разные злоупотребления был сменен поручиком Недозреловым. Но последний оказался еще хуже двух своих предшественников. Окружив себя толпою таких же пьяниц и негодяев, как и сам, он с этой компанией буйствовал, распутничал и грабил всех без изъятия. Современники Чередова, Кошкарева и Недозрелова называли их тремя смертными грехами, а предание о их злодействах сохранилось в Камчатке и по настоящее время.

15 января 1764 г. состоялся Высочайший указ, чтобы новокрещеным камчадалским детям, которые будут обучаться в школах *с обещанием поступить в службу казачью или церковный чин*, производить хлебное и денежное довольствие и обмундирование наравне с гарнизонными школьниками.

Между тем главное сибирское начальство, осведомясь о камчатских беспорядках и убедясь в невозможности охотскому командиру наблюдать за та-

мошными управителями, нашло необходимым перевести главное управление из Охотска в Анадырск.

Мы выше уже сказали, что в 1750 г. начальство над Анадырским острогом принял капитан Шатилов. По усмирении в 1751 г. чендонских коряк он 6-го августа того же года на 10 байдарках с 200 чел. команды спустился по р. Анадыру для нападения на чукоч; но, дойдя до урочища *Чикаева* и не встретив чукоч, занялся промыслом диких оленей, а потом вернулся в Анадырск.

14 августа 1753 г. был отправлен из Тобольска в Анадырск с ротою солдат секунд-майор Шмалев (отец двух братьев Шмалевых, долго служивших в Камчатке. — *Авт.*), который утвержден в этой должности именным указом 14-го октября 1753 г. с тем, чтобы он заведовал и Камчаткою (из указа этого видно, что в Анадырске в то время состояло команды: офицеров 12 и нижних чинов 598 чел. — *Авт.*). Шмалев с командою отправился из Иркутска в феврале 1754 г., взяв с собою 36 000 пудов муки.

Февраля 25-го 1756 г. трое чукоч доставили в острог казака Кузнецова, взятого ими в плен в марте 1754 г. Шмалев обошелся с ними очень ласково и, желая завести с чукчами торговлю, послал с ними в Чукотию двух урядников и двух казаков с разными железными изделиями. Чукчи, выменяв все товары, доставили их в острог в том же году.

Шмалев, будучи постоянно болен, не предпринимал никаких мер к покорению чукоч и 17-го марта 1758 года умер. После него принял управление поручик Кекуров.

В апреле 1759 г. до 200 чукоч пришли к укинскому берегу, взяли в плен казака Чудинова с 14 товарищами; отбили у коряк собак и олений табун, убив при этом 9-ть коряк, а жен и детей взяли в плен. После того, соединясь с другою партией чукоч, осадили Анадырский острог, в котором в то время свирепствовала горячка и был крайний недостаток в продовольствии. Кекуров, видя бедственное положение солдат, из которых несколько человек умерло с голоду, решился выйти из острога и с частию команды, прорвавшись через толпу чукоч, отправился за 300 верст от острога за промыслом рыбы и оленей.

После Шмалева был назначен в Анадырск полковник, который, впрочем, вскоре был сменен.

III. 1759—1772 гг.

Сибирский губернатор Соимонов 7-го ноября 1759 г. донес сенату, что в видах искоренения разных злоупотреблений в Анадырском и Камчатском краях он нашел необходимым послать туда на смену Бурцову вполне благонадежного и лично ему известного штаб-офицера майора Пленеснера. Сенат 7-го сентября 1760 г. одобрил его распоряжение, и 3-го января 1761 г. уведомил Соимонова, что Пленеснер утвержден анадырским *главным ко-*

мандиром с производством в подполковники, с двойным жалованием и 5-ти летним сроком. При этом сенат предписал Соймонову отправить с Пленеснером в Анадырск одну роту солдат.

Соймонов, окрестив в Тобольске чукчу Дауркина, взятого из холопства у покойного Павлуцкого, назначил его переводчиком чукотского языка при Пленеснере, а 20 февраля 1761 г. дал Пленеснеру следующую инструкцию:

1) Ехать немедленно в Якутск, не заезжая в Иркутск. В Якутске дожидаться роты солдат и с нею следовать безостановочно в Анадырск, где, приняв команду, действовать по инструкции прежних командиров.

2) Стараться привести чукоч в подданство и примирить их с коряками.

3) Отыскать ближайший путь к Анадырску и Пенжинской губе.

4) Послать лейтенанта Синдта с двумя или одним судном из Анадырска к северу до американских берегов для осмотра.

5) Из Анадырска отправиться самому для осмотра дороги до Пенжинского моря и, по прибытии в Камчатку, принять от Недозрелова порученные им дела и с своим мнением представить в Тобольск.

6) Во всей Камчатке с служилыми людьми, какого бы они чина не были, если они окажутся обидчиками и разорителями, поступать не отписываясь.

7) Осмотреть Курильские острова и стараться привести их в подданство. Разведывать также о тех островах, с которых привозятся морские звери, и

8) Озаботиться хлебопашеством в Камчатке, о чем было писано Недозрелову (при этом Пленеснеру была передана *Новая карта о изобретениях, Российскими судами учиненных на неизвестных северной Америки и близ лежащих земель берегах*, изданная в 1758 г. Академиею наук. — *Авт.*).

Пленеснер перед отправлением своим в Анадырск возбудил вопрос об увеличении содержания нижним чинам, находящимся в Камчатке и Анадырске. Соймонов входил по этому предмету с представлением, и сенат указами марта 29-го 1760 г. и 23-го августа 1761 г. предписал ему состоящим в Анадырске и других отдаленных местах нижним чинам производить жалование: регулярным денежное по полевому окладу двойное, а за аммуницию деньгами; провиант: крупы сполна, а муки по 32½ фунт. в месяц и за остальной деньгами 1½ руб. за пуд; за крупу же, в случае ее неимения, по 2 руб. за пуд. Нерегулярным — жалование полуторное; муки по 10 пуд. в год, а за остальную по 1 руб. за пуд.

По прибытии в Анадырск Пленеснер распорядился послать геодезиста Андреева к Ледовитому морю удостовериться в справедливости ходивших в то время слухов о продолжении Америки мимо устья р. Колымы в недалеком от сибирского берега расстоянии. Апреля 22-го 1763 г. Андреев отправился из Нижнеколымска на собаках к р. Крестовой и оттуда по льду в море. Проехав 90 верст, он прибыл к первому Медвежьему острову, который, по словам его, протянулся с запада на восток на 50 верст, шириною 40 и в окруж-

ности 100 верст. Подобные сведения сообщил он и об остальных островах, и везде нашел развалившиеся землянки и вкопанные в землю юрты — явные признаки временной обитаемости их. Всех островов насчитал он пять. В 1764 г. он совершил второе путешествие по островам и сообщил Пленеснеру, что с последнего острова он видел вдали большую землю, которой, однакож, не открыли последующие путешественники.

В 1763 г. сентября 3-го Дауркин был отправлен на р. Анадыр для промысла оленей во время их переправы через эту реку. Здесь Дауркин встретился со своими родственниками-чукчами и отправился с ними в их кочевья, где и прожил два месяца. По возвращении же своем в острог он привел с собою 70 чукок, которые заплатили ясак за 1764 год.

Командированный в распоряжение Пленеснера для осмотра американского берега лейтенант Синдт в 1764 г. на галеоте «Св. Павел» вышел из Охотска в американский поход и, прозимовав близ Тигиля в р. Харюзовой, в следующем году на судне «Св. Екатерина» обогнул Камчатский нос и снова остался на зимовку ниже Карагинского острога в р. Уке.

Наконец в 1766 г. Синдт отправился к берегам Америки. Пробыв с месяц в плавании около Берингова пролива, он назначил на своей карте множество небольших островов, принял Св. Лаврентий за 11-ть отдельных островов. Потом, дойдя до 64°59' N широты, 2-го сентября за повреждением судна и поздним временем воротился в Нижнекамчатск, не видав американского берега. На обратном пути он открыл остров *Св. Матвея* (Кук, не зная об открытии Синдта, назвал этот остров *островом Гора*. — *Авт.*). Карту его путешествия Пленеснер представил Соймонову.

В 1753 г. Пленеснер донес Соймонову о бесполезности Анадырского острога. В рапорте своем по этому предмету он, между прочим, писал, что с 1710 по 1764 год с инородцев, причисленных к этому острогу, взято в казну ясаку на 29 152 руб. 4 коп., а расходов на содержание острога с 1713 г. по 1764 г. произведено 478 148 руб. 2 коп. Кроме того, на провиант израсходовано 539 246 р. 71 к. и на доставку провианта и проезд служащих 841 760 руб. 78 коп., не говоря уже о тех лишениях и нуждах, которые приходилось переносить служащим в остроге! Например, в 1744 и 1759 годах умерло с голоду 95 человек служащих и несколько человек частных лиц. О покорении же чукок нельзя и думать, потому что они разбросаны на огромном пространстве северо-восточного угла Сибири.

«Занятие же анадырской команды главнейшим образом заключается только в том, чтобы круглый год искать себе пропитание охотой или рыбным промыслом. Всех людей в остроге в настоящее время 287 человек, я полагал бы вывести их в Ижигинскую крепость, в которую легко доставлять провиант из Охотска. Причем в Ижиге достаточно оставить одну роту солдат и 200 казаков. А если кто из частных лиц пожелает остаться в Анадырске,

то разрешить, оставив на их попечение и церковь». При этом Пленеснер просил уволить его от занимаемой должности.

Сенат представил по этому делу доклад Императрице, которая 21-го июля 1764 г. утвердив его, пожаловала Пленеснера в полковники с тем, однако, чтобы он остался в Анадырском остроге до окончательного его уничтожения и представления нового штата всем тамошним крепостям.

Указ этот был получен Пленеснером в Камчатке, куда отправился он согласно с предписанием Соймонова от 28-го декабря 1763 года, в котором, между прочим, было сказано: «По рассмотрении всех обстоятельств по анадырской партии, переехать вам через Камчатку, где также все рассмотреть и следовать в Охотск, и до того времени, пока главный командир туда будет прислан, исполнять его должность, сменив нераспорядительного Ртищева и приняв в то же время управление Камчаткою».

Перед выездом своим из Анадырска, Пленеснер согласно с 3 § инструкции поручил исследование пути от Анадырска к р. Пенжине сотнику Куркину, а все распоряжения по этому делу возложил на старшего по себе, капитана Пересыпкина. Куркин с 30-ю казаками 10-го февраля 1765 г. выехал из Анадырска на собаках с следующей инструкцией: «Следовать с поспешением, дабы от нескорого следования за случившимся зимним студеным климатом людям изнурения, а собакам гибели не случилось. От неприятелей (чукоч) иметь крепкую и *недремотную* осторожность, и чтобы ружья всегда были в исправности и заряжены. Следовать в соединении друг от друга, дабы в случае нападения неприятельского оправиться легко можно было (чего Боже не дай!). В случае нападения, то буде случай допустить, сделать из нарт крепостцу и из той чинить отпор. Во время пути иметь верный маршрут, в котором каждодневно вписывать сколько расстояния, хотя, например, место от места, какая лесные реки, годен ли лес и какой именно; для какого употребления: в судовое, крепостное или зимовейное строение можно употребить. Для описи взять бумаги одну десть, а для письма сотника Багулина».

Партия эта прибыла в Ижигу 25-го февраля и застала там большой беспорядок, потому что помощника командира крепости поручика Кобулекова зарезал пятидесятник Константинов. 6-го марта, по заготовлении кормов и нагрузки нарт провиантом, команда выступила в обратный путь и прибыла в Анадырск 26-го марта.

По журналу Куркина видно, что расстояние между Анадырском и Ижигинской крепостью 481 вер., тогда как прежде считалось между этими пунктами 768 верст.

На Пересыпкина была возложена Пленеснером и перевозка команды в Ижигу. В 1768 г. он отправил туда 53 человека, а 15-го ноября 1769 г. с письменными делами, артиллерийскими припасами и другими вещами выступил из острога сам, с 38 человеками команды, на собаках и оленях, наня-

тых у коряк, оставив в остроге для охранения церкви священника Трифанова с 51 чел. команды. Но когда 30-го марта 1770 г. получено было разрешение на счет упразднения анадырской церкви, оставшийся в остроге прапорщик Перевенский выжег острог и с остальною командою и церковной утварью отправился также в Ижигу на 62 нартах. Таким образом был уничтожен Анадырский острог, не принесший во время своего существования никакой пользы.

В то время, когда решался вопрос об уничтожении острога, чукчи в 1765 г. напали на коряк и олюторцев, отогнали у них оленей и сделали при этом несколько убийств; а в 1768 г. сделали второе нападение на олюторцев, отгнав их оленей. После того пошли в ижигинский край; но были рассеяны оленными коряками. В том же году коряки в числе 58 человек отправились к Шелагинскому носу для преследования чукоч. Здесь они отняли у них один табун оленей и, перейдя по льду на остров, нашли там еще 100 оленей. Убив несколько чукоч и взяв 12 человек в плен, они разделились на две партии: 13 человек пошли в Ижигу, куда и прибыли в августе, а остальные явились в Анадырский острог с известием о своем походе.

Но чукчи не остались у коряк в долгу. 3 и 4-го февраля 1769 г. до 300 человек чукоч пришли к ижигинским корякам и отняли у них до 1 000 оленей, а 18 февраля сделали на них новый набег. Из Ижиги был послан на чукоч прапорщик Мордвинов, который при содействии коряк отбил у них оленей, причем 34 человека чукоч было убито, много ранено, а остальные разбежались.

Между тем сенат при утверждении распоряжения Соймонова о посылке в Анадырск Пленеснера, 7 сентября 1760 г. предписал ему, *по разным беспорядкам в Камчатке*, назначить туда командиром флота капитана Хметевского, находившегося на службе в Охотске. Но Соймонов донес сенату, что Хметевский не может быть определен на это место, потому что он находится под судом. Переписка о назначении вместо него другого начальника шла два года, и, наконец, по Высочайшему повелению 3-го декабря 1763 г. был назначен туда *для содержания и охранения верноподданных народов и учреждения добрых порядков, а главное для изыскания незнакомых земель и островов* капитан-лейтенант Извеков с 5 летним сроком. Извеков был первый камчатский командир, назначенный Высочайшим приказом и независимый от охотского командира. Он прибыл в Камчатку 18-го октября 1764 г. Но как по смыслу вышеприведенных предписаний Соймонова, Пленеснеру также поручалось начальство над Камчаткою, то недоразумение это, как мы увидим ниже, имело чрезвычайно дурные последствия.

Выбор Извекова *для учреждения добрых порядков* был сделан как будто в насмешку над указом. Трудно было приискать кого-нибудь хуже его. Он не только не был лучше своих предшественников, но даже превзошел их своею жестокостию и безнравственностию. Набрав шайку подобных себе

пьяниц, во главе которых стоял ссыльный Турчанинов, присланный в Камчатку по наказанию кнутом, отрезании языка и вырывании ноздрей за сказанное слово против Высочайших особ. Извеков с этой буйной ватагой ходил ночью по семейным домам, отнимал жен и дочерей, и сопротивлявшихся заковывал в кандалы. Большую же часть дня проводил со своею свитою в прогулках по городу, летом в одном белье, туфлях и ермолке, а зимою в полушубке и всегда при кортике или сабле. Во время этих прогулок жители Большерецка не смели показываться на улицу, потому что малейшее невнимание к его личности или просто невеселый вид приводил его в бешенство, и тогда, не разбирая ни пола, ни возраста, он бросался на свою жертву и чем попало бил ее до изнеможения. Побоям и увечьям не было и счету. Например, одному казаку он перерубил нос кортиком, а другому саблею наделал глубокие раны на голове. Наказание кошками (плеть с несколькими концами. — *Ped.*) и линьками (кончик троса, использовавшийся для телесных наказаний. — *Ped.*) считалось самым домашним и производилось каждый день.

Казенным имуществом и казенными суммами Извеков распоряжался как своею собственностью. Водки, провианта и других казенных припасов он употребил для своего дома в течение 5-ти лет на 68 259 руб. 84 коп. Из казенных сумм производил купцам заимообразные выдачи без всяких залогов, как, например, купцу Попову выдал 3 000 р., не требуя с него никакого обеспечения.

В то же время секретарь Извекова Портнягин взятками успел составить себе состояние и с разрешения Извекова выпил казенного вина на 572 р. 71 коп. Буйство Извекова было так велико, что даже Портнягин, несмотря на близкие свои отношения к Извекову, никогда не решался ходить к нему с докладом о делах Большерецкой канцелярии без заряженного пистолета и сабли, боясь его самоуправства.

Священник Логинов своими поучениями в церкви вздумал было остановить разгул компании Извекова. Но благое это намерение подало только повод Извекову к новым безрассудным поступкам, не говоря уже о разного рода оскорблениях и притеснениях, которым подвергнулся за это Логинов. Извеков, между прочим, отдал приказ, чтобы Логинова никто из жителей Большерецка не смел пускать к себе в дом под каким бы то ни было предлогом, как вредного человека; а другим приказом разрешил им не ходить в церковь и не держать постов.

Во время этих беспорядков прибыл в Камчатку из Анадырска полковник Пленеснер, которому Соймонов собственноручно подтвердил, чтобы в Камчатке «во всех местах вкоренившиеся в прежних командирах беспорядки истребить, как равно лихоимство, взятки, грабежи пресечь».

На этом основании и по 6-му § инструкции Пленеснер требовал, чтобы Извеков подчинился ему, а когда последний отказался от этой подчиненнос-

ти, то Пленеснер стал делать разные распоряжения по камчатским делам помимо Извекова.

В прежнее время зимнее сообщение Большерецка с Верхнекамчатском производилось через Петропавловскую гавань по берегу Восточного океана до р. Жупановой или по западному берегу до Облукоминского острога, откуда переваливали через хребет; а летний путь лежал по р. Быстрой в вершину р. Камчатки. Пленеснер по мысли своего канцеляриста Данилова устроил дорогу между этими двумя пунктами через Шеромы, Ганалы, Малку, Апачу и Пушино, запретив езду через Облукоминский острог. Но чтобы этот новый путь был более оживлен, он распорядился переселением на него с берега Бобрового моря из двух Кроноцких и Харчинского селений 60 семейств камчадалов, противу их желания. Переселенцы эти на прежних местах своего жительства преимущественно занимались бобровым и соболиным промыслами, которые вполне обеспечивали их существование. На новом же, совершенно пустынном, месте они лишились возможности снискивать себе даже дневное пропитание и в скором времени в нужде и болезнях все перемерли.

Наблюдение за хлебопашеством Пленеснер вверил прапорщику Тимофею Шмалеву. В 1765 г. весь казенный скот, земледельческие орудия и семена по распоряжению Пленеснера были розданы крестьянам безвозмездно. Но ни пожертвование это, ни усердие Шмалева не привели ни к каким полезным результатам. В течение четырех лет сряду хлеб вымерзал на корню.

Кроме того, Пленеснер запретил большерецкой канцелярии жаловать инородцев в тоены, предоставив это право тоену Бутину, записав его в сибирские дворяне.

Все эти распоряжения не могли понравиться буйному Извекову, который писал Пленеснеру, что он выгонит его из Камчатки, если вздумает отдать еще хоть одно приказание. По этому поводу завязалась между ними переписка, переполненная самою неприличною бранью. Наконец Пленеснер, окончив свои поручения в Камчатке и уговорив ласкою коряк быть покорным русским и платить ясак, осенью 1765 г. выехал в Охотск, предписав большерецкой канцелярии не исполнять противозаконных приказаний Извекова, а поручикам Рахвалову, Норичу и Попову поручив в случае буйства Извекова сменить его и выслать в Охотск. Кроме того, предписал прапорщику Шмалеву принять управление над Верхнекамчатским и Нижнекамчатским острогами (Шмалев управлял этими острогами по июнь 1768 г. и отличался человеколюбивым обращением с инородцами и крестьянами, что в то время было большой редкостью. — *Авт.*).

О всех этих распоряжениях Пленеснер по прибытии в Охотск донес сенату. Извеков, получив об этом уведомление Пленеснера, сообщил ему, что он без указа сената даже и самому ему не сдаст должности, а не только кому-либо из своих подчиненных.

Большерецкая канцелярия, пользуясь вышеприведенным распоряжением, неоднократно намеревалась сменить Извекова; но 26 апреля 1767 г. состоялся сенатский указ, чтобы Извеков оставался по-прежнему камчатским командиром, так как Пленеснер не имел никакого права сменять его без суда. Извеков торжествовал и стал буйствовать еще больше прежнего. Наказания кошками и линьками он заменил разными истязаниями и пытками, не смотря на полученный уже в Камчатке указ 1763 г., чтобы пытки производились с большою осмотрительностью, и то только в губернских и провинциальных канцеляриях. Жители полуострова при одном только имени Извекова приходили в трепет. Но это было только начало бедствий, которые пришлось испытать им в течение последующих 5-ти лет.

В сентябре 1768 г. из Охотска было отправлено в Большерецк казенное судно «Св. Павел», на котором находился казак Тарабукин, не совсем выздоровевший от бывшей у него оспы. От Тарабукина оспа перешла на команду судна и жителей Большерецка, а потом распространилась по всему полуострову и на Курильских островах, и с такою быстротою и силою, что не успевали даже погребать умерших. В то время во всей Камчатке не было ни одного лекаря. Большерецкая канцелярия разослала по полуострову приказания, чтобы больных содержали в теплых избах, кормили свежей рыбою и не дозволяли пить холодного — вот все меры, которые были приняты противу этой ужасной болезни! Оспа свирепствовала в Камчатке до конца июля 1769 г. и произвела такое опустошение, что во многих селениях не осталось в живых ни одного человека, и трупы умерших гнили, не преданные земле.

Извеков в донесении своем об этом народном бедствии, между прочим, писал в Иркутск, что виновником этого несчастья должно считать Пленеснера, отправившего из Охотска больного казака. Из Иркутска послали нарочного в Якутск с предписанием о немедленной посылке в Камчатку лекаря Гофмана, но лекарь этот прибыл в Камчатку уже тогда, когда болезнь вовсе прекратилась.

В деле об оспенной болезни в Камчатке, из которого позаимствованы нами приводимые материалы, между прочим находится следующее интересное предписание Извекова штурману Должантову, командиру судна «Св. Павел».

«Усмотрев, что не знающий законов монарших полковник Пленеснер отправил в Камчатку заразу, через которую почти всех жителей поморил, так что Бог привел мне погребать по 50 человек в одну могилу, почему предписываю вам во избежании заразы укласть могилы дерном в 12-ть рядов. А он (Пленеснер) утверждал, музыкантский сын, что он капральства бы мне не доверил (Пленеснер употребил это выражение в донесении своем сенату и сибирскому губернатору. — *Авт.*), то на оное скажу, что я не доверил бы ему и гробцом быть. Он был бит в тайной канцелярии кнутом и послан в Камчатку в ссылку; но, по милости Беринга, в 1733 г. был взят Христа ради за кондуктора артил-

лерийского, а в морском корпусе никогда не был, а называет себя плавателем! Он сочинитель крепостей, рвов и прикрытых дорог и проч., не шляхетской крови, а сын музыканта, и никогда называться морским офицером не может».

Оспа прекратилась; но буйство Извекова с каждым днем увеличивалось. Наконец все жители Большерецка, кроме приверженцев Извекова, 2 мая 1769 г. составили противу Извекова заговор и решились силою сменить его, поручив команду поручику Рахвалову. Решение это было объявлено Извекову Рахваловым в тот же день, и он принял его с покорностью. Но 19 мая в 5-м часу утра, вооружив своих приверженцев саблями и ружьями, Извеков окружил большерецкую канцелярию, выгнал часовых, выпустил из тюрьмы арестантов и, поставив к дверям канцелярии три пушки, заперся в ней, как в крепости, предавшись со своими друзьями кутежу.

Рахвалов ударил тревогу, по которой сбежались гарнизон, жители и команда судна «Св. Павел» и взяли канцелярию приступом, без всяких, впрочем, кровопролитий, потому что большая часть приверженцев Извекова была так пьяна, что не в состоянии была сопротивляться. Извекова вместе с секретарем его Пересыпкинским посадили на судно «Св. Павел» и в тот же день отправили в Охотск, куда и прибыл он 13-го июля 1769 г.

Перечисляя события этого времени, мы должны указать здесь еще на указ сената 27-го октября 1766 г., которым предписывалось камчатским купцам и другим частным лицам не давать подвод по подорожным, а предоставить им нанимать на станциях собак вольною ценою. Мера эта значительно облегчила камчадалов от почтовой гоньбы, стоившей им гораздо дороже прогонов и отвлекавшей от обычных занятий.

В марте 1766 года приезжал в Камчатку адъютант Глазунов для составления ведомостей о числе судов, плававших на острова за промыслами, и для собирания сведений о хлебопашестве в Камчатке.

Мы выше уже сказали, что сенат 26 апреля 1767 г. прислал сибирскому губернатору указ о неправильных действиях Пленеснера относительно Извекова. В указе этом, между прочим, было изложено желание сената о производстве по этому делу строжайшего следствия. На этом основании был назначен в Камчатку следователем якутского карабинерного полка полковник Зубрицкий, который 4 сентября 1768 г. прибыл в Охотск. При Зубрицком находились: аудитор, приказный, 2 копииста и 16 служилых. В Охотске прожил он со своим семейством целый год под предлогом производства следствия над Пленеснером. Но на самом деле проводил целые дни в пьянстве и картежной игре с купцами и прикащиками. Пленеснер неоднократно доносил в Иркутск, что следователь ведет себя очень неприлично; но в Иркутске не обращали на это никакого внимания.

5-го сентября 1769 г. Зубрицкий отправился, наконец, со своею свитою в Большерецк, где, сменив Рахманова, как прикосновенного к делу, поручил Большерецкую канцелярию вытребованному из Ижиги капитану Нилкову.

В течение зимы следствие было окончено, и дело препровождено в Иркутск (Извеков по суду был приговорен к разжалованию в рядовые, а Пленеснер уволен от службы. — *Авт.*). Зубрицкий предполагал весною 1770 г. выехать в Охотск, но получил предписание остаться на время в Камчатке и привести в известность, сколько умерло камчадалов от оспы и сколько затем осталось ясашных плательщиков. Это новое поручение задержало Зубрицкого в Камчатке на целое лето, и только 1-го августа 1770 г. он смог выехать в Охотск.

Из представленного Зубрицким в Иркутск отчета по последнему поручению видно, что оспа похитила камчадалов мужескаго пола, имевших более 18 лет, 1 736, малолетних 676, женскаго пола 2 358 душ, а всего 5 767, и, кроме того, *заезжих людей* 315 человек.

Осталось в живых: камчадалов 856 и малолетних 477, а всего 1 333 души; с них положено собирать ясаку: лисиц красных 511, соболей 297, бобров 35, кошлаков или маток 22.

Иркутский губернатор, опасаясь, чтобы Камчатка *не обезлюдела*, вошел с представлением в сенат о переселении туда 200 семейств якутов, бывших уже в оспенной болезни, с тем, чтобы отправка их была произведена в течение 4 лет. Но сенат 8-го февраля 1770 г. признал эту меру неудобною.

Оспа была первая повальная болезнь в Камчатке. Оставшиеся в живых туземцы, напуганные большою смертностию людей, бросили свои обычные занятия и разбрелись по полуострову, так что капитан Нилов употребил немало трудов и усилий успокоить их и собрать в прежние свои жилища, и только к зиме 1769 г., когда было потеряно уже удобное время для зимних запасов продовольствия. К довершению этих бедствий камчадалов постигло новое несчастье. В 1769 г. был страшный неуллов рыбы в Камчатке, который камчадалы приписывали также оспе, истребившей рыбу. Нилов во всех стонах полуострова получал донесения о предстоящем в 1770 году голоде. Но помочь было нечем — запасов провианта не доставало и для продовольствия военной команды.

Такое крайнее положение страны заставило Нилова снова обратить внимание на хлебопашество. В это же время появился в Камчатке с разными хозяйственными проектами разорившийся спекулятор, посадский Рыжков. Он прибыл собственно для промысла зверей на островах; но, встретив в этом неудачу, сделался сперва учителем, потом секретарем духовной миссии и, наконец, агрономом. Еще в 1768 г. он подал в сенат проект об устройстве в Камчатке разных сельскохозяйственных учреждений и требовал себе чина 10-го класса, денежного пособия и привилегии. Но пока проект этот рассматривался в сенате, Рыжков, пользуясь затруднительным положением Нилова в отыскании продовольствия жителей Камчатки, убедил Нилова выдать ему 1 500 руб. заимообразно на расходы по заведению хлебопашества. И хотя Рыжков действительно посеял ячмень, рожь и ярицу; но весь хлеб от утрен-

ников погиб на корню. Приписывая этот неурожай случайности, он просил Нилова выдать ему новое пособие; но иркутская канцелярия, узнав о неудачах его опытов, приказала взыскать и прежде выданные деньги. Но как у Рыжкова не оказалось средств к уплате долга, то его за конвоем препроводили в Иркутск.

Между тем наступила зима 1769 и 1770 г., а с нею и голод. Трудно описать все бедствия, перенесенные камчадалами в течение этой ужасной зимы. В пищу употреблялись кожаные сумы, езжалые собаки, падаль и, наконец, трупы умерших от голоду своих родственников. И только с наступлением благодетельной весны, когда со вскрытием рек появилась в них морская рыба, кончились тяжкие страдания камчадалов.

В управление Нилова в Камчатке было 10-ть школ: Машурская, в коей обучалось 25 учеников; Камоковская — 20 учен.; Ааменская — 10 учен.; Ключевская — 15 учен.; Паратунская — 10 учен.; Курильская — 12 учен.; Уколовская — 13 учен.; Ичинская — 30 учен.; Харюзовская — 26 учен. и Еловская — 28 учеников. В школах этих обучали грамоте и церковному пению грамотные камчадалы. Хотя по указу сената 1764 года января 15 всем ученикам следовало производить казенное довольствие из камчатских доходов, но управители довольствие это брали в свою пользу. От того-то гражданские школы стали постепенно приходить в упадок, и в 1784 году не было уже ни одной из них, и после того военные школы остались единственным рассадником грамотности на полуострове.

В 1769 г. двух Олюторских острогов (камчатские селения обыкновенно называют острожками или острогами. — *Авт.*) тоены *Хозма* и *Хатуай* с сродниками убили двух братьев купцов Плотниковых и бывших при них двух казаков, четверых работников и солдатского сына. По получении этих известий из Нижнекамчатского острога был отправлен на олюторцев сержант Красиков с 15 человеками команды и, кроме того, из Тигильской крепости 31 человек с каптернамусом Березкиным. По недостатку провианта им предписывалось питаться юколою, которую брать у туземцев. Но команда эта, дойдя до укинского берега и не найдя изменников, воротилась в свои остроги. Виновники этого убийства были розысканы только на другой год.

Жители Камчатки не успели еще успокоиться от ряда постигших их несчастий, как в 1771 г. вспыхнул на полуострове новый бунт, и уже не среди убитого горем туземного населения, а поднят был посланными туда на жительство государственными преступниками.

В числе живших в Большерецке ссыльных находился Мориц Август Беньевский, родом венгерец, бывший полковник польских конфедератов (Беньевский подписывался барон, а иногда и граф Мориц Анадар-де Бенев. В Камчатке же по большей части называл себя Бейноск или Бейнак. — *Авт.*). В 1768 г. он был взят русскими в плен и отпущен на честное слово, чтобы не служить

противу наших войск. Но, не сдержав слова, он на другой же год снова был захвачен с оружием в руках и отправлен на жительство в Казань вместе со шведом Винбланом, служившим также в польской конфедерации. Из Казани оба они сбежали в Петербург с целью уйти за границу на каком-либо иностранном судне; но были пойманы и по Высочайшему повелению 14 ноября 1769 г. сосланы в Камчатку с тем, *чтобы они снискивали там пропитание своим трудом*. В одно время с ними были отправлены в Камчатку государственные преступники: Панов (бывший поручик гвардии), Степанов (армии капитан) и Батурин (артиллер. полковник). Все они сблизились между собою в Охотске и во время перехода на судне «Св. Петр» из Охотска в Камчатку располагали завладеть судном и отправиться на нем за границу; но позднее осеннее время заставило их отложить это намерение до более благоприятного времени. Преступники прибыли в Большерецк 12 сентября 1770 г., где в то время было до 35 семейств обывателей, 70 чел. гарнизона и четверо ссыльных: Турчанинов (лакей Правительницы Анны), Гурьев (сосланный в 1762 г.), Хрущев (капитан гвардии) и Мейдер (лекарь).

Еще в начале 1771 г. носились в Камчатке слухи, что Беньевский помышляет бежать; но добродушный и вечно пьяный Нилов не хотел давать этим слухам веры и пригласил даже Беньевского к себе в дом для обучения своего сына чтению, арифметике и языкам. В Нижнекамчатске же верили народной молве, и тамошний протоиерей вызвал к себе ичинского прихода священника Устюжинова, который, по слухам, участвовал в этом заговоре. Но Беньевский, пользуясь случайным обстоятельством — смертью в Большерецке священника Ложкова, убедил Нилова вытребовать Устюжинова для погребения тела покойного, причем Беньевский написал Устюжинову, чтобы он торопился своим прибытием в Большерецк, где все уже готово к уходу. Письмо это было перехвачено в Нижнекамчатске, и потому протоиерей задержал там Устюжинова и вместо него послал другого священника.

В заговоре Беньевского участвовали все ссыльные, жившие в Большерецке, исключая Гурьева. Кроме того, они склонили к побегу прикащика купца Холодилова — Чулошника с рабочими, командира судна «Св. Петр» штурмана Чурина с женою, сына священника Устюжинова Ивана, штурманских учеников Зябликова и Измайлова (Чурилов, Зябликов, Вольткин, Ляпин и Андреянов с судна «Св. Петр», а Бочаров, Измайлов, Березкин, Поталов и Семиченков с «Св. Екатерины»); исправлявших матросские обязанности казаков: Волныкина, Софронова, Березкина, Поталова; ссыльных непривилегированного сословия: Ляпина, Андреянова с женой и Семиченкова; канцеляриста Судейкина с двумя женщинами; крестьянина Кузнецова, капрала Перевалова, солдата Коростелова, казака Рюмина с женою, подушного Попова, камчадалов: Красильникова, Иванова и Поранчина с женою. Политические ссыльные еще задолго перед восстанием внушили о себе

жителям Большерецка ложное мнение, что они страдают невинно за Великого Князя Павла Петровича (будущего императора Павла I. — *Ред.*).

Беньевский, узнав о судьбе своего письма к Устюжину, не мог уже откладывать выполнения своего плана и 26-го апреля 1771 г. вместе с Винбланом пришел в квартиру Гурьева, чтобы убедить его вступить в заговор; но, получив отказ, избил его до крови. Гурьев сообщил обо всем этом Нилову, который приказал арестовать Беньевского, но последний успел уже собрать своих сообщников, вооружил их ружьями, саблями, пистолетами и ножами и объявил себя управителем Камчатки. Зябликов и Измайлов, желая отстать от бунтовщиков, пошли предупредить обо всем большерецкую канцелярию, но не могли туда достучаться, потому что все служащие были пьяны и спали непробудным сном. Наконец, в ночь на 26 апреля бунтовщики в пьяном виде бросились в большерецкую канцелярию, связали и обезоружили часовых и посадили их на гауптвахту; потом в 3 часа утра вломались в дом Нилова, где в это время находились: сын его, сержант Лемзаков, пятидесятник Потапов и в черной избе 3 казака и 2 камчадала.

Испуганный стуком в дверь сын Нилова бросился в объятия отца, как бы предчувствуя с ним вечную разлуку, а потом спрятался в отхожем месте. Выломав двери, бунтовщики с криком: «Режь, лови, вяжи!» бросились на находившихся в нем. Нилов три раза прокричал: «Караул!» и затем пал мертвым под ударами преступников. Находившиеся в доме Нилова казаки и камчадалы были связаны и отправлены на гауптвахту, за исключением спрятавшегося сына Нилова и казака Дурынина, сидевшего незамеченным под столом. Потом бунтовщики завладели казенными деньгами, пушками и другими военными запасами и в четвертом часу утра подошли к дому сотника Черных, где выломали дверь; но услышав внутри дома выстрел, пустили в окна его до 40 пуль из ружей и пистолетов и поставили к дверям пушку. Когда же все жившие в доме выбежали на двор, Беньевский приказал взять Черных и отвести его под стражу. Находившуюся в том же доме лавку купца Казаринова с ружьями, свинцом, разными железными изделиями и продовольственными припасами разграбили, а самого Казаринова отправили под караул. Казаринов видел по дороге еще две пушки, поставленные между его лавкою и канцеляриею. На гауптвахте он нашел арестованных: штурманского ученика Софьина, купца Казаринова (однофамилец первому), сержанта Лямзикова, пятидесятника Потапова и потом были еще введены казак Черных и купец Шапкин. На часах стояли, как на гауптвахте, так и в канцелярии работники Холодилова. С рассветом сотника Черных приковали к стене.

27 апреля Беньевский, вступив в управление Камчаткою, приказал похоронить Нилова прибывшему из Нижнекамчатска священнику Семенову. Потом велел ему отворить царские врата, вынес крест и евангелие и привел к присяге все соучастников бунта на верность Государю Павлу Петровичу.

Затем велел готовить плоты для доставления к устью р. Большой разных судовых припасов и продовольственных предметов. Плоты грузились до 30 апреля. На них было положено: 3 пушки, мортира, порох, свинец, ружья, топоры, столярные и слесарные инструменты, холсты, разные шелковые и шерстяные материи, ситцы, канцелярские припасы, все оказавшееся в наличности железа, ясажная казна, серебрянная и медная монета, гвозди, походная кузница, 848 сум провианта, вино, и вообще полное двухгодичное укомплектование судна и разные мелочи, попавшие на глаза бунтовщикам, которым разрешено было Бенъевским брать для себя все, что только нужно для предстоящего путешествия. Пользуясь этим разрешением, бунтовщики грабили жилища обывателей, которые разбежались по окрестным лесам и селениям. 30 апреля Бенъевский с своими сообщниками перебрался на плоты и спустился по р. Быстрой на *Чекавку* (так называлось место зимовки судов около устья р. Большой, где построено было две избы и амбар для хранения грузов, доставляемых из Охотска. — *Авт.*), взяв с собою и всех арестованных им лиц. Завладев на Чекавке судами и амбаром с казенными запасами, он приказал снаряжать к походу судно «Св. Петр», как более надежное.

По изготовлении судна Бенъевский поднял на нем *прапор* (флаг) и заставил своих подчиненных принять присягу в том, что они будут защищать этот флаг, а сам поклялся быть защитником своих приверженцев.

3 мая был послан Бенъевским в Большерецк казак Рюмин с приказанием о немедленной присылке провианта, под опасением жестокого наказания. Рюмин вернулся 7-го мая, доставив на одном плоту муку. В это же время главные зачинщики бунта составили в сенат донесение о своих действиях и отправили его 12 мая с боцманом Серогородовым в Большерецк для отсылки по назначению. На Чекавке же была оставлена Бенъевским ведомость всему казенному имуществу, взятому им с собою. Затем судно «Св. Петр» снялось с якоря и ушло в море с 55 человеками разного сословия.

14 мая возвратились с Чекавки в Большерецк сотник Черных и другие лица, взятые Бенъевским под арест. Управление Камчаткою, *по выбору народному*, 30 апреля было поручено командиру судна «Св. Екатерина» штурману Софьину, который составил опись казенному имуществу, разграбленному Бенъевским, и вытребовал от верхнекамчатской избы 12 человек служилых и из Нижнекамчатска 40 человек на случай нового нападения на острог Бенъевского. Но в июне месяце Софьин сдал должность каптернамусу Рознину, а сам на судне «Св. Екатерина» отправился с донесением о бунте в Охотск, куда прибыл 9 июля.

Находившийся в то время в Охотске полковник Зубрицкий собрал от Софьина и команды его подробные сведения о бунте и 27 июля послал об этом донесение в иркутскую провинциальную канцелярию. Но начальник Охотского порта Пленеснер по каким-то причинам не придавал большого значе-

ния этому событию и только 26 августа отправил о нем краткое донесение в Иркутск, а 5 сентября послал в Большерецк капитан-лейтенанта Хметевского с 15-ю человеками команды для управления Камчаткою и производства следствия о бунте.

Зубрицкий в донесении своем, между прочим, писал, что бунтовщики сперва намеревались уйти за границу на байдаре вдоль Курильской гряды, для чего священник Устюжинов должен был приобрести от Нилова байдару с командою под предлогом проповеди слова Божьего на островах. Беньевский же с сообщниками хотел прибыть к назначенному сроку к мысу Лопатка для рыбных промыслов и затем уйти вместе с Устюжиновым. Но как в это время присоединилась к ним команда судна купца Холодилова, недовольная своим хозяином, и обещала бунтовщикам отдать свое судно, то план побега был изменен. Однакож судно Холодилова, стоявшее на берегу, оказалось до того ветхим, что требовало капитальных исправлений, и потому Беньевский предпочел взять казенное судно.

«Перед выходом же своим в море бунтовщики говорили между собою о бедственном положении жителей полуострова, переносящих только одне обиды от своих командиров, не имея никакого понятия о свободе. И хотели предложить иностранцам, нуждающимся в переселенцах, прислать в Камчатку фрегат и небольшой бот для разъездов по гаваням, и увезти камчатских жителей в колонии, где бы они могли иметь во всем изобилие и волю».

В другом донесении в Иркутск Зубрицкий писал, «что Хметевский, по старости лет, легкомыслию и привычке вмешиваться не в свои дела, за что был отрешен от присутствия в портовой конторе, не может оставаться на месте камчатского командира; но гораздо надежнее его лейтенант Юрлов, который не только следствие начать порядочно может, но и команду содержать в состоянии до присылки нарочного командира. Во всяком же случае необходимо отправить из Иркутска в Камчатку надежного штаб-офицера».

Иркутский губернатор Бриль 15-го октября донес о бунте в 1-й департамент правительствующего сената, а 7-го октября послал Пленеснеру предписание следующего содержания:

«Прибывшему из Тобольска в Иркутск назначенному командиром охотской военной команды капитану Тимофею Шмалеву предписано немедленно отправиться в Охотск и оттуда на Камчатку командиром, морем или сухим путем, как позволят обстоятельства, взяв с собою из Охотска сколько нужно команды, и потому оказать Шмалеву содействие и донести, почему не прислано по настоящее время подробных сведений об этом важном происшествии в Камчатке?» (донесение Пленеснера было послано 13 декабря 1771 года, вместе с делом о бунте. — *Авт.*)

«Во всех острогах и крепостях, а также командирам казенных и частных судов подтвердить, чтобы они имели предосторожность от изменни-

ков, а в случае поимки их доставляли бы к начальству, с описанием их примет. Сделать Большерецкому острогу, знающему человеку, план с окрестностями на 10 верст, и по прибытии туда Шмалева, назначить ему места для постройки укреплений; потом нанести их на план и выслать в Иркутск на рассмотрение. Тому же Шмалеву поручить произвести следствие и разузнать, не осталось ли в Камчатке лиц, бывших в заговоре, которых и арестовать; да и вообще всех ссыльных, оставшихся еще в Камчатке, лучше держать под арестом, прислав об них именные списки».

Шмалев по болезни долго прожил в Якутске и прибыл в Большерецк только в июле 1773 г. с 35 чел. команды, а Хметевский, сдав ему должность, выехал в Охотск. В это время Пленеснер был уже смнен с должности по доносу копииста следственной комиссии Злыгостева, который писал в Иркутск, «что Пленеснер виновен по первым двум пунктам, так как на основании соборного уложения и указов 1730 и 1762 гг. он должен был донести о камчатском бунте через трое суток с курьером и, кроме того, в бытность всех сбежавших преступников в Охотске, они содержались там в 1770 г. без всякого надзора и ходили по порту днем и ночью без конвоя, а потому и имели возможность приобрести себе pistols и другое оружие, чего не могли купить в Камчатке.

Иркутский губернатор донос Злыгостева отправил в сенат, а 11-го апреля 1772 г. послал Зубрицкому предписание, чтобы он сменил Пленеснера, обобрав у него все черновые и беловые бумаги, и отправил в Иркутск, а сам остался бы в Охотске главным командиром до прибытия туда нового начальника.

Кроме того Зубрицкому поручалось: от всех лиц, живущих в Охотске и Камчатке, коим известно о бунте, взять подписку в том, что они обязуются дело это держать в величайшем секрете.

Другим же предписанием Бриль спрашивал Зубрицкого, почему он назначил в Камчатку командиром капитана Нилова, который, как всем известно, был офицер слабый и всегда нетрезвый?

С этими предписаниями был послан из Иркутска в Охотск капитан Перов, которому предписано было по передаче Зубрицкому бумаг отправиться в Камчатку и обобрав там всю черновую и беловую переписку о Беньевском для доставления в Иркутск и объявить всем жителям, чтобы об этом деле никто не смел писать в своих письмах.

Зубрицкий, приняв управление Охотским портом, 10 октября 1772 г. донес в Иркутск, «что Беньевский может возвратиться с несколькими судами, и потому необходимо иметь здесь всякую осторожность, хотя я и послал в Камчатку предписание прислать из острогов требования о порохе, свинце и проч.; но не скоро получится ответ. А судя по охотским пушкам, которые все старого манера и с раковинами, надо полагать, что такого же качества пушки и на

Камчатке. Да и половина всей команды без ружей и шпаг; а у кого и есть ружья, то негодные. А потому не угодно ли будет прислать пушек, по три на острог, всего 24-ре с снарядами, небольшого фасону, ибо их трудно перевозить из Якутска в Охотск. Потребно ружей 1 000, свинцу 200 пуд., пороху 100 пуд., артиллеристов 24 и солдат 200, а ежели можно, то и более, потому что в людях крайний недостаток. Офицеров всего 15, да и то из них 7 *пьяниц* и никуда не годных, а состоящие здесь команды размещены следующим образом: в Охотске солдат 109, казаков 101; в Ижиге строевых 99, казаков 37. В острогах: Ямском — солдат и казаков 37; Тауйском — сотник и 18 казаков. В Большерецке и Нижнекамчатске сотников 4, дворянин 1, нижних чинов 81. В Нижнем: строевых 9, казаков 63. В Тигильской крепости 53 казака, 1 обер-офицер и 25 рядовых».

Между тем Императрица, осведомясь по частным слухам о камчатском бунте и не получая никакого о нем донесения, написала собственноручно Брилю письмо следующего содержания:

«Как здесь известно сделалось, что на Камчатке, в Большерецком остроге, за государственные преступления вместо смертной казни, сосланные колодники взбунтовались, воеводу до смерти убили, в противность нашей Императорской власти, осмелились людей многих к присяге по своей вымышленной злодейской воле, и потом, сев на суда, уплыли в море в неизвестные места; того для повелеваем вам публиковать в Камчатке, что кто на море или сухим путем вышереченных людей или сообщников их изловит и приведет живых или мертвых, тем выдано будет в награждение за каждого по 100 руб.

Если же в Охотске или Камчатке суда есть наемные, то оными стараться злодеев переловить, а если нет, то промышленным накрепко приказать, что если сии злодеев где найдут, чтобы старались перевязать их и при возвращении отдать оных к суду к местным начальникам, дабы с ними поступить можно было, как по законам надлежит, бездельникам подобным в страхе и примере».

Независимо от того, 1-го января 1771 г. Императрица подписала следующий рескрипт на имя Бриля:

«Уведомились мы по стороне, что будто находящиеся в Камчатке ссыльные люди в конце прошедшего апреля учинили возмущение и, составя между собою самопроизвольную присягу, убили тамошнего воеводу и весь город разграбили; а потом, спустя несколько дней, сев на звероловные тамошние лодки, отправились в море, числом до 70 человек.

Мы хотя не имеем еще никакого о том известия ни от вас прямо, ни через другие наши правительства, однакож, зная довольно верность и усердие ваше в возложенной на вас должности, не меньше уверяемся, что вы по сие время уже все то исполнили и в надлежащий порядок привели, что от вас может требовать по всей возможности служба наша. В дополнение того,

на всякий случай, за нужное мы рассудили по сему делу еще вам предписать нижеследующее:

1) Если в тамошнем столь отдаленном крае по сие время замешательство не прекратилось и спокойствие и повиновение не восстановлено, то вам надлежит употребить все удобовозможные средства и способы, по состоянию вашему на месте... к восстановлению порядка и повиновения с употреблением к тому хотя и военных команд, под руками у вас находящихся. 2) Если из тех остальных заводчиков бунта и убийства инако невозможно вам достать в свои руки, то должно вам публиковать, что каждый, кто кого из них приведет живым или мертвым, имеет получить награждение 200 рублей, и оное действительно исполнить вам из наличных сумм вашей казны. 3) Но если они, как выше сказано, в море отправились и оттуда не возвратились, и вы не найдете легкого и надежного способа их в свои руки достать, то и нет нужды много о том заботиться, и надлежит их оставить собственному разращенному их жребию, а стараться только разграбленный ими город и его правительство привести в порядок, удовлетворяясь вышеприведенным объявлением о приводе их живыми и мертвыми в наши руки за денежное вознаграждение. 4) Нам известна пустота и отдаленность того края, и потому мы себе легко представить можем те заботы, которые для вас наступят в достаточном подправлении всех замешательств по вашей должности; но с другой стороны мы столько же уверены, что ревность и расторопность ваша преподадут вам к тому лучшие советы, как к взысканию средств для употребления к тому обывателей, так и для выбору к исполнению ваших мер и действий таких людей при командах, которые способностью своею могли бы заменять другие тамошнего края недостатки».

Но несколько дней спустя, именно 7-го февраля 1771 г., было получено в сенате донесение Бриля о бунте и донос Злыгостева на Пленеснера.

Императрица, прочитав это донесение, 15 февраля положила на нем следующую резолюцию: «Пленеснера отрешить от должности, поручив ее Зубрицкому; копиисту Злыгостеву дать чин и полугодовое жалование; в производимых допросах не делать притеснений невинным; отыскать и допросить священника Устюжинова, коего сын бежал с мятежниками, а купца, который сам предъявил письмо сего священника к Беньевскому, если содержится под арестом, освободить».

Исполнение этой резолюции было возложено на генерал-прокурора князя Вяземского, который 27 февраля, между прочим, сообщил Брилю, «что донесение о бунте получено. Но так как полковник Пленеснер медлил своим донесением о таком важном деле от незнания своего долга или же от слабости и нерадения, и так как этот поступок не подает надежды быть ему в службе способным и тем паче главным командиром, то его ныне же отрешить от должности и на место его определить другого. До тех же пор, пока на его

место другой не прибудет, препоручить управление полковнику Зубрицкому. Злыгостева за усердие и верность по службе произвести в канцеляристы и выдать полугодичное жалование. Попа Устюжинова допросить, не был ли он в измене, ибо на квартире Бейноска найдено его письмо к этому убийце, да и сын его ушел с бунтовщиками. Купцу Казаринову за его благонадежное действие сделать в таможене с его товаров пошлин снисхождение по усмотрению своему».

По произведенному о бунте следствию, кроме вышеприведенных фактов, обнаружилось, что мятежники, ворвавшись в дом Нилова, намеревались только арестовать его; но убили, потому что он сопротивлялся. Беньевский говорил, что с этим дряхлым и вечно пьяным стариком нетрудно было бы справиться, если бы он и остался жив, и что Чулошников в 1770 г. взял у Нилова под проценты 5 т. руб. казенных денег под предлогом снаряжения судна на острова.

До августа 1772 г. о дальнейшей судьбе бунтовщиков ничего не было известно; но 15 августа иркутский губернатор донес сенату, что кяхтинский пограничный комиссар Игуменов получил от китайской духовной миссии миссионера Августина известие, что судно Беньевского с 110 человеками приходило в Макао, где Беньевский объявил, что вся его команда состоит из поляков, едущих с русскими товарами с Амура в Вест-Индию.

Но пока это донесение шло в Петербург, Императрица уже узнала, что Беньевский прибыл во Францию и готовит там к походу французские фрегаты.

Не зная дальнейших его намерений, Императрица 26-го марта 1773 г. написала иркутскому губернатору и начальнику Камчатки секретное предписание об усилении обороны Камчатки. Иркутский губернатор на основании этого повеления отправил в Камчатку солдат, пушки, порох и другие военные принадлежности, доставка которых производилась зимою и летом и стоила громадных расходов. Через день по отправлении из Петербурга в Сибирь курьера с этим указом, Императрица получила из Парижа подробные сведения о путешествии бунтовщиков.

Судно «Св. Петр», выйдя из Большерецка, шло сперва вдоль Курильской гряды и остановилось на якоре у острова Козою. Здесь матрос Андреянов сообщил Беньевскому, что штурманские ученики Измайлов и Зябликов, камчадал Поранчин и 10 человек рабочих Холодилова составили заговор, чтобы в то время, когда команда судна будет на берегу, обрубить канаты и уйти обратно в Камчатку. Беньевский хотел заговорщиков сперва казнить; но потом наказал всех плетьюми и главнейших виновников: *Измайлова* и *Поранчина* с женою высадил на остров, а с остальными пошел дальше к берегам Японии, куда и прибыл 7-го июля, объявив свое судно голландским, идущим для торговли в Нагасаки. Японцы хотели арестовать судно; но Беньевский пушечными выстрелами разогнал окружавшие его джонки и ушел в море.

19-го июля они прибыли к острову Такао-Сима, а 7-го августа к острову Формоза (Тайвань. — *Ред.*). Во время стоянки около этого острова, 17 августа, когда команда запасалась на берегу водою, дикари убили государственного преступника *Панова* и двух юнг: *Попова* и *Лонгинова*, а *Лапина* и *Казакова* ранили. Беньевский, чтобы отомстить за смерть своих товарищей, истребил одну лодку с островитянами и сжег все окрестные селения.

26-го августа путешественники увидели китайский берег, а 1-го сентября останавливались ненадолго близ Тасона. 11-го сентября миновали Кантон и на другой день прибыли в Макао, где нашли до 20 европейских судов. Здесь Беньевский объявил губернатору, что как он, так и вся его команда венгерцы, следующие на родину, и, чтобы не обнаружить этого обмана, он запретил русским во время молитвы креститься. Такое приказание не могло не произвести среди простолюдинов ропота. К тому же Беньевский поссорился с Винбланом и Степановым, которые вооружили против него всю команду. Главнейшим же поводом к их ссоре послужило полученное ими известие, что Беньевский без ведома других продал губернатору судно «Св. Петр» со всеми орудиями и другими судовыми запасами, пользуясь тем, что он только один знал латинский язык, на котором объяснялся губернатор.

Беньевский в отвращение дальнейших раздоров написал следующую прокламацию к своей команде:

«Барон Мориц Август де-Бенев его императорскаго римскаго величества обрести его величества принца Альберта герцога Саксен-Тешинскаго действительный канцлер и советник, его же высочайшаго секретаря и кабинета директор и проч. всем гг. офицерам и всей команде.

Дошло ко мне известие вашего против меня роптания и сбора, который между вами несогласие производит, много и государю моему в нечесть служит и в последнюю всю учрежденную компанию разрушит.

Для чего я, узнавши сборщиков дела сего, хотел для вашего благополучия взять под караул, но понеже вы сами вашею просьбою сделали, что я от такого намерения отступил, и больше их ободрили, ибо от одного из оных получил ругательное письмо, которое меня в огорчение приводит.

Вы знаете искренность мою, из того одного заключить можете, что я, будучи в чужом государстве, все надобности для вас предусмотрел. Все то, что я вам обещал, можете требовать у меня, когда я в моем отечестве буду, а здесь хитрость заводить грешно и вам самим вредно. Я сим письмом напоминаю вам: образумьтесь, не давайте себя в обман людям, которых лукавство уже известно. Последнее есть, что я вам пишу. Если вы меня искренно любите и почитать будете, то вам клянусь перед Богом, что моя искренность ежедневно доказана будет; ежели, напротив, я увижу, что ваши сердца затвердели, и меня больше понимать не будете, то сами заключить можете, что от меня тоже ожидать надлежит».

Прокламация эта подействовала на русских, и они вновь признали его своим покровителем и командиром. После примерения Бенъевский им писал:

«Любезные дети! Вы знаете, что я усердно старался для вашего удовольствия, а что я до последнего определил вас защищать, и для вашего благополучия все старание приложить, в том вы уверены быть можете. Правда есть, что с немалым оскорблением слушал я ваше роптание и противление против меня; но как я теперь уже уведомлен, что вы обмануты лестью и ложным обо мне предсказанием, и так я вас более не виню, и дело сие помнить не хочу. Имейте усердие ко мне. Я буду с Божьей помощью вам заступою, никакого оскорбления вам не будет, и ежели Бог, Всевышний Владыко, нас в Европу принесет, то я вам обещаюсь, что вы вольные будете и со всем удовольствием хотя во весь век ваш содержаны, что писавши, рукою своею подтверждаю».

Климат Макао вредно подействовал на здоровье русских, так что 15 человек здесь умерло, в том числе *Турчанинов*, *Чурин* и *Зябликов*.

В 1772 г. Бенъевский для доставления русских в Европу нанял два французских судна, и 4 января ушел в море, оставив в Макао одного *Степанова*, за вмешательство его в свои распоряжения. На пути умер *Батурин*, и 6 марта оставлено в порте Св. Маврикия 4 человека больных. 7-го июля путешественники прибыли во Францию в порт Луи, лишившись на этом последнем переходе еще 3 человек, умерших от лихорадки.

Из порта Луи Бенъевский уехал в Париж, где сделал французскому правительству предложение о завоевания острова Мадагаскар, которое и было принято. Оставшиеся же в порте Луи русские, не зная ничего о дальнейшей своей судьбе, писали к нему в Париж, чтобы он позаботился о них, причем многие объявили ему желание возвратиться на родину. Бенъевский написал им следующий ответ:

«Ребята! Я ваше письмо получил. До моего приезда ваша командировка отменена есть. После всякий мне свое намерение скажет. До моего приезда живите благополучно. Я емь ваш приятель барон де-Беневский».

По возвращении своем в порт Луи 19 марта 1773 г. он убедил Устюжинова, Чулошникова, Андреенова с женою, Поталова и 6 работников отправиться с ним на Мадагаскар; *Винблан* остался в порте Луи и потом уехал в Швецию; *Хрущев*, *Кузнецов* и *Мейдер* поступили в французскую военную службу, первый капитаном, второй поручиком и третий лекарем. Пять человек умерло в госпитале в порте Луи, а 18 пожелали возвратиться на родину, несмотря ни на какие убеждения Бенъевского. Все они получили от Бенъевского паспорта, в которых были названы венгерцами, возвращавшимися на родину.

Бенъевский с французскою эскадрою отплыл на Мадагаскар, оставив русских, пожелавших возвратиться на родину, на произвол судьбы. Переноса на чужой стороне без знания французского языка всякого рода нужды и лише-

ния, они обратились с просьбою о помиловании их и принятии под свое покровительство к нашему резиденту в Париже Хотинскому, представив при этом веденный Судейкиным журнал их путешествия в порт Луи и карту пути от Камчатки до Макао.

Хотинский сообщил об этом Императрице, которая приказала ему выслать их в Петербург. По прибытии же бунтовщиков в столицу, Императрица написала князю Вяземскому следующее письмо:

«17 человек (вероятно, один умер после отплытия из Франции Бенъевского. — *Авт.*) из тех, кои бездельником Бенъевским были обмануты и увезены, по Моему соизволению сюда возвратились, и им от Меня прощение обещано, которое им и дать надлежит; ибо довольно за свои грехи наказаны были, претерпев долгое время и получив свой живот на море и на сухом пути; но видно, что русак любит свою Русь, а надежда их на Меня и милосердие Мое не может сердцу моему не быть чувствительно. Итак, чтобы судьбину их решить поскорее и доставить им спокойное житье, не мешкая, извольте их требовать от графа Панина, ибо они теперь в ведомстве иностранной коллегии, которая им нанимает квартиру.

Приведите их вновь к присяге верности и спросите у каждого из них, куда они желают впредь свое пребывание иметь, кроме двух столиц, и отобрав у них желание, отправить каждого в то место, куда сам изберет. Если же все желают ехать паки на Камчатку, тем бы и лучше, ибо их судьба такова, что прочих удержит от подобных предприятий. Что же им денег и кормовых на дороге издержат, то сие возьмете из суммы тайной экспедиции».

Судейкин и Рюмин с женою пожелали жить в Тобольске, Бочаров в Иркутске, с увольнением от службы; матросам Ляпину и Березкину назначено служить в Охотске; матросу Софронову дана отставка с тем, чтобы он жил в Охотске или Камчатке; Попову и коряку Брехову жить в Камчатке; прочим восьми рабочим Холодилова остаться в Иркутске с припискою в купечество. Всех их отправили из Петербурга 5 октября.

Между тем Бенъевский завел на Мадагаскаре селение и построил себе замок. Но по ссоре с начальством Иль-де-Франса возвратился в Париж. После вступил в австрийскую службу, а в 1783 г. был в Англии и приискивал компаньонов для заселения Мадагаскара. В 1785 г. успел склонить несколько лиц в Лондоне и Балтиморе к осуществлению своих планов и в том же году был уже снова на Мадагаскаре. Но 23 мая 1786 г. в сражении против французов, которых хотел вытеснить с острова, был убит. Он оставил описание своей жизни и путешествия на французском языке под заглавием *Voyages et memories de Maurice August Comte de Benjowski*. Paris, 1791. Сочинение это наполнено разными вымыслами и потому не заслуживает никакого доверия.

В то время, когда в Петербурге были уже известны все подробности действия бунтовщиков, в Иркутске с большим усердием продолжали по этому

делу следствие, вытребовав из Камчатки и Охотска для допросов до 36 человек. Многие из подсудимых за уклончивые ответы были жестоко наказаны и содержались под строгим караулом. Наконец, в 1773 г. следствие было окончено, и результаты его сообщены в Петербург. Но вскоре пришлось его опять возобновить. В Иркутск были доставлены за конвоем Измайлов и Поранчин с женою, оставленные Беньевским на Курильских островах и привезенные в Камчатку в июне 1772 г. на промышленном судне купца Протодякова. Дополнительное следствие препроводили в Петербург 31 декабря 1773 г. Но как судьба подсудимых была уже решена Императрицею, то донесение это приказано оставить без всякого исполнения.

31 марта 1774 г. князь Вяземский сообщил иркутскому губернатору следующую Высочайшую волю:

1) Измайлова и Поранчина с женою освободить; 2) священнику Устюжину, отдавшему своего сына для обучения Беньевскому по примеру командира, объявить прощение; 3) полковника Пленеснера, не обнаружившего в этом деле никакого умысла, а только ошибку, оставить в отставке без взыскания; 4) подсудимых Норина, Софьина и подмастерья Деменьтева простить и определить вновь на службу; 5) священнику Семенову и остальным 27 человекам вменить в наказание 2-х летний арест; 6) казенные деньги и имущество, увезенное злоумышленниками, ни с кого не взыскивать; 7) полковнику Зубрицкому заметить, что при следствии телесные наказания делают преступников упорными, и впредь запретить истязания; 8) никого более к следствию не привлекать и предать дело забвению».

Предписание это было получено в Иркутске 31 мая 1774 г., и в тот же день все были освобождены из под ареста.

По уходе бунтовщиков из Камчатки там осталось только три государственных преступника: Семен Гурьев в Большерецке, Петр Ивашкин в Верхнем и Иван Снофидов в Нижнем остроге. Из них Гурьев с родным братом своим Иваном и двоюродным Петром, сосланным в 1762 г. в Якутск, был прощен и уволен на жительство в свое имение в Калужскую губернию по Высочайшему повелению 19 ноября 1772 г. (из всех статей об этом бунте, помещенных в разных периодических изданиях, заслуживает внимание только одна, помещенная в Русском Архиве 1855 г. № 4 и 7. Все подробности о путешествии Беньевского после бунта позаимствованы нами из этой же статьи, так как в имевшемся в наших руках о бунте Беньевского деле не заключалось этих любопытных материалов. — *Авт.*).

(Окончание следует)